

Р

№3-4-1929

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЗД-ВО
„П. П. СОЙКИН“
ЛЕНИНГРАД.

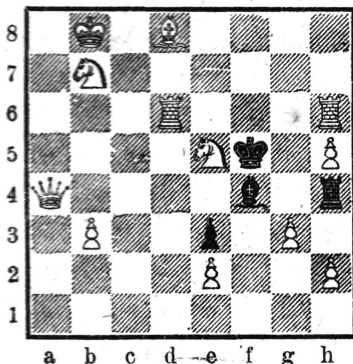
Под редакцией мастера *Арв. Ив. Куббеля.*

К О Н К У Р С № 14.

Задача № 27

Ю. П. Голубева (Москва).

Печатается впервые.

Кр. б8, Ф а4, Л d6, б6, С d8, К b7, е5, П b3, е2, g3, h2, h5.

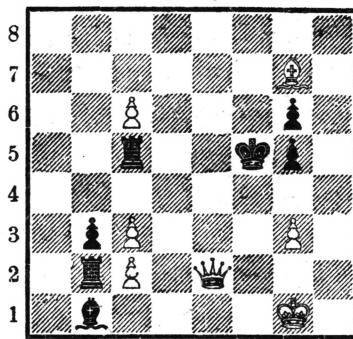
Кр. f5, Л h4, С f4, П е8.

Мат в 2 хода.

Задача № 28

К. Булля (Ю. Африка).

„Natal Mercury“ 1928 г.

Кр. g1, Ф е2, С g7, П c2, c3, c6, g3.

Кр. f5, Л b2, c5, С b1, П b8, g5, g6.

Мат в 3 хода.

За правильные и исчерпывающие решения обеих задач подписчикам журнала „Мир Приключений“ будут выданы 5 призов: 1) Левман „Современная шахматная задача“ ч. I и II; 2) То же, что и 1; 3) Капабланка „Моя шахматная карьера“; 4) С. Тартаковер „Нью-Йоркский турнир 1927 г.“; 5) Кмох „Защита в шахматной партии“ и „Календарь шахматиста“.

Решения следует направлять исключительно по адресу редактора отдела: Ленинград, Вас. О., 10 линия № 39, кв. 63, Арвиду Ивановичу Куббелю. Последний срок отсылки решений 5 июня (по почтовому штемпелю). Право на участие в розыгрыше премий имеют только подписчики: индивидуальный, каждый участник коллективной подписки и каждый член семьи подписавшегося, нужно лишь наклеить ярлык с бандероли или указать № подписки.

Х Р О Н И К А.

После некоторого затишья шахматная жизнь оживляется.

В конце марта начался большой чемпионат г. Ленинграда, в котором участвует 20 чел., разбитых на 2 группы. Из каждой группы первые 4 победителя выходят в финал. Из мастеров играют Ильин-Женевский, Арв. Куббель, Левенфиш (вышел из турнира после 5 тура), Модель и Романовский, а также весь цвет молодежи 1-й категории Островский, Рабинский, Алатовцев, Чеховер, Степанов и др.

Московский большой чемпионат начался 7 апреля при 16 участниках, которые играют по 1 партии. Состав его слабее прежних турниров, из мастеров играют только Григорьев, Зубарев и А. Рабинович.

Оба чемпионата закончатся не ранее конца мая. Как интересное и заслуживающее внимания явление можно отметить, что отдельные чемпионаты Союзов в Ленинграде разыгрываются при участии персонально приглашенных мастеров. Так у Рабируса играют м. Ботвинник и Романовский, у Пишневкуса — м. Готтгиф и Модель, у Химиков — м. А. И. Куббель.

Наконец, в июле шахкомиссия ВЦПС будет проведен международный рабочий шахматный турнир в Москве. Кроме индивидуального турнира будет происходить также турнир команд. Ожидается приезд до 50 участников от разных стран.

За границей в апреле состоялся международный турнир в Рамсгате (Англия), в котором 7 иностранцев играло против 7 англичан. Победили, конечно, первые при соотношении 31½:17½. Отдельные результаты: Капабланка 5½, Рубинштейн и Вера Менчик 5, Марони и Колтановский 4½, Султанбеков (заменивший д-ра Вайда) 4, Эснос-Боровский 3. Из англичан лучшего результата добились Томас 3½ и Етс 3.

Легкая победа Капабланки при указанных условиях неудивительна. Поражает успех Веры Менчик, первой женщины, повидимому, не уступающей в силе международным мастерам. Еще в последнем туре она имела возможность сравниться с Капабланкой, но в понятном волнении свела выигранную партию только к ничьей. Капабланка, Вера Менчик, Рубинштейн и Колтановский провели турнир без поражения.

Затем весной же, в связи с большой выставкой, состоится международный турнир в Барселоне (Испания), организация которого поручена грессмейстеру Рети.

Почти обеспечен матч Алексин—Боголюбов, т. к. по последним сведениям Боголюбову удалось преодолеть финансовые затруднения. В таком случае это крайне интересное единоборство „русских диоскуров“ состоится осенью текущего года.

П О Ч Т О В Ы Й Я Щ И К.

С. И. С. (Москва). Присланная партия очень слабо играна белыми и поэтому не пойдет.

Д. Г. Ш. (ст. Слюдянка). Из ваших задач воспользуемся для поощрения № 2, несмотря на старую тему.

И. Г. Р. (п/о. Никольское на Черемшане). Как правило, первые ходы в задачах не должны начинаться

шахом или взятием черной фигуры: Ваша шестиходовка является обыкновенным окончанием партии и ни в коем случае не заслуживает названия задачи.

Многим. Ввиду запаздывания в выходе журнала „М. Пр.“ все поступающие на конкурс решения принимаются, хотя бы указанный срок был пропущен.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.
С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 3-4 1929 г.

	СТР.		СТР.
«ШТЕККЕРИТ», — рассказ В. Грушвицкого (В. Орлов- ского), иллюстр. Н. Ушина	2	«ЖАЖДА», — рассказ Ч. Бута, иллюстр. М. Маккилэя	42
«НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ» — «ЭВЕЛХУТ», — очерк и рас- сказ из жизни коряков С. Стебницкого, иллюстр. по фотографиям с натуры И. А. Владимирова	12	«ЖИВОЙ МЕТАЛЛ», — научно- фантастич. роман А. Мер- рита, иллюстр. Поля	49
«ПРОДЕЛКА ЕПИСКОПА», — юмористический рассказ П. Вудхауза, иллюстрации Ч. Кромби	24	«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ»: «МИР, КАК ВИДЯТ ЕГО ЖИ- ВОТНЫЕ», — очерк Е. Г., фо- тографии с натуры	57
Систематический Литера- турный Конкурс «Мира Приключений» 1929 г. —		«ОТ ЛЕСА ДО ШЕЛКОВОЙ ТКАНИ», — очерк Р. Р. с ил- люстр.	61
«УМНЫЙ ТРЕСТ» — (последняя глава рассказа). — Литератур- ная задача № 5	33	«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ»! задачи	64
ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 11. Отчет о Конкурсе В. Б. и ре- шение рассказа-задачи «Элек- тро-жизнь»	36	ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ стр. 2 обложки.	
		ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК стр. 3 обложки.	

Обложка в 6 красок работы художницы М. Пашкевич.

ШТЕККЕРИТ

Рассказ

В. ГРУШВИЦКОГО (Орловского)

Иллюстрации Н. УШИНА

Автор рассказа получил премию на Всесоюзном Литературном Конкурсе „Мира Приключений“ 1927 г.

ГЛАВА I.

— Война? Война, милый мой, прекратится на земле не раньше, чем последняя инфузория сожрет предпоследнюю, — не раньше.

Штеккер закончил свою энергичную сентенцию не менее энергичным жестом, стукнул пустой кружкой по мраморному столу и окинул взглядом жующий и чавкающий зал.

— Все это—материал для будущей войны, — продолжал он, жестко улыбаясь. Они и их дети, и дети их детей.

Собеседник проследил за его взглядом и содрогнулся, глядя на живое человеческое море.

— Ну, и вы тоже... готовитесь?

— Да, только об этом нельзя говорить вслух.

— Отравляющие газы?

Штеккер барабанил пальцами по столу, следя за дымом сигары.

— Д-да, — сказал он наконец, поворачиваясь к собеседнику: — это будет в свое время сюрпризик, перед которым побледнеют иприт, льюисит и все, что было до сих пор в области военной химии.

— Секрет, конечно?

— Надеюсь, да... Хотя вынюхивают его усердно. Но ведь это у нас — «меры борьбы с вредителями и болезнями злаков», — мирная химическая промышленность, так сказать, — он сухо засмеялся.

— В чем же будет сила этого яда, на который вы возлагаете такие надежды?

— Видите-ли, он должен быть средством для ударов молниеносных, оглушающих... Вещество, которое своим действием наводило бы неодолимый ужас, уничтожая в бойцах всякую мысль о возможности борьбы... Одно прикосновение его вызывает жгучую, невыносимую боль. При вдыхании его смерть почти мгновенна. Оно проникает сквозь все оболочки органического происхождения, прожигая их насквозь...

— Но ведь против всякого яда, в конце концов, существует противоядие!

— Противоядие, разумеется, найти можно и должно, чтобы оградить своих бойцов. И я его открыл... после двух лет работы... Но пока его будут искать те, на кого обрушится мой газ, он свое дело сделает. Ибо обычная защита здесь бессильна: яд просачивается сквозь ткани одежды, если в ней есть хоть доля органических волокон или малейшие поры. Ну, вот... Вообразите себе, какое впечатление будет производить такая туча, когда она широкою волной поползет на противника... Понимаете ли? паника, безумие, отчаяние. Ничего живого на пути не останется...

Гейслер смотрел на собеседника почти с ужасом.

— И вы можете говорить об этом так спокойно? Неужели вы, занимаясь подобными исследованиями, не думаете о том, что они направлены на живых людей, которым они несут страдание и смерть?

Штеккер помолчал с минуту.

— Страдания единиц и миллионов единиц не идут в расчет на весах истории, — сказал он наконец сухо, — и когда помнишь об этом, то все становится очень просто и ясно.

— И что же, работа над этим новым оружием уже закончена?

— К сожалению, далеко нет. Еще много придется повозиться. Но я своего добьюсь.

— И он будет называться, этот новый газ?

— Он будет называться «штеккерит». Полагаю, что на это я имею право?

Гейслер молчал, глядя в задумчивости на копошившийся людской муравейник.

ГЛАВА II.

В лаборатории сгущались сумерки, и Штеккер зажег огонь. Исчезли неясные тени под ровным светом, струившимся от матовых полушарий под высоким потолком.

— Страдания единиц и миллионов единиц не идут в расчет на весах истории, — сухо сказал Штеккер.

За окном вдруг сразу стало темнее, будто опустили на него мутную завесу. Тишина стояла невозмутимая, какая бывает в предвечерний час в обширных пустых помещениях, когда останешься в них один, утомленный дневной суетой и шумом.

Штеккер сегодня задержался здесь дольше обыкновенного для выполнения новой работы и на пол-часа перед этим отдался ленивому *far niente*, куря сигару. Он перебирал в памяти все, что видел и слышал в течение последних дней.

Гейслер сказал как-то:

— Попробуйте поставить себя на место тех сотен тысяч, которых будут травить вашими газами, как крыс или сусликов.

Штеккер презрительно усмехнулся.

— Странное сопоставление! Сотни тысяч — это пушечное мясо, предназначенное железными законами пополнять статистические рубрики убитых и раненых. А он принадлежит к числу тех, которые являются самодвижущей силой

в сложном ходе дел человеческих. Случайность, конечно, возможна всегда, — он вспомнил трагическую судьбу Саккура¹, погибшего в разгаре своей работы. Ну что же, он сумеет встретить смерть достойным образом, как подобает ученому и мыслителю, без воплей и ужасов. Но это несколько не меняет сущности дела.

Штеккер бросил докуренную сигару, потянулся и перешел к рабочему столу, где стоял прибор для испытания физиологического действия исследуемых газов. Под большим стеклянным колпаком сидела уже очередная жертва, большая серая крыса, беспокойно забегавшая при приближении человека. Штеккер посмотрел на нее несколько секунд, выжидая, пока она отодвинется к дальнему краю резервуара, в стороне от подводящего крана, потом выпустил облачко красноватого газа под колокол и стал наблюдать.

Крыса забилась, в угол, не трогаясь с места, и только когда первая багровая струйка, стелющаяся по дну, лизнула ноги, она, почувствовав ожог, жалобно закричала и заметалась в прозрачной клетке, стучаясь носом о стеклянные стенки, поднимаясь на задние лапки, царапая передними преграду и вытягивая вверх голову в смертной боли и ужасе.

Штеккер равнодушно следил за знакомыми этапами действия газа и ждал. Крыса, бегая от стенки к стенке, наткнулась на небольшую колодку, поставленную посреди дна и возвышавшуюся над ним на несколько дюймов. В одно мгновение она вскарабкалась наверх и глядела на поднимающееся снизу багровое море, вся дрожа и облизывая обожженные лапы. Но дышала она по прежнему спокойно, — вне облака присутствие газа не беспокоило животное. С этим то и приходилось бороться больше всего и пока безуспешно. Газ имел колоссальную плотность и чрезвычайно медленно смешивался с воздухом, двигаясь густой волной. И сейчас было то же, несмотря на примеси, имеющие назначением облегчить

распространение ядовитого облака. Правда, оно давало о себе знать издали слабым приторным запахом, уже знакомым Штеккеру, но запах этот, вызываемый именно летучими примесями, не был ядовит, хотя и причинял легкое головокружение.

Штеккер прекратил выпуск газа под колпак. Затравливаемая крыса, сидя на подставке, несколько успокоилась и только жалобно попискивала. Тогда экспериментатор пустил в ход пропеллер, вделанный в верхнюю крышку колокола. Завертелись лопасти и волна воздуха всколыхнула осевший внизу газ. Красноватые струйки его завихрились спиралями и быстро поползли вверх. Одна за другой стали лизать они дрожащее тело загнанного зверька, заметавшегося снова от страха и боли. Но вот плотный клубок ядовитого дыма, подхваченный вихрем, взвился вверх и окутал голову животного. Крыса пронзительно закричала, подняла вверх лихорадочно раскрытый рот и задышала тяжело и прерывисто, потом в судорогах свалилась на бок. Еще пол-минуты — и багровый туман колыхался уже над совершенно неподвижным телом. Штеккер остановил пропеллер и открыл кран, через который вбрызнулась под колокол струя распыленной жидкости, в течение минуты поглотившей газ, наполнивший уже почти весь резервуар. Опыт был кончен. Он снял колпак с тарелки и осмотрел внимательно мертвое животное. Наружные признаки ничем не отличались от виденных уже много раз раньше. Воспаленная кожа, ключья выпадающей шерсти, помутневшие глаза, окрашенная кровью пена во рту — ничего нового.

Штеккер равнодушно взял труп через бумагу, швырнул его в ящик и позвонил. Явился служитель, ленивый и сонный парень, взятый временно взамен заболевшего старожилы лаборатории.

— Уберите, — сказал ему Штеккер, — показывая на ящик. — И приготовьте к завтрашнему утру морскую свинку из большой клетки.

Служитель все с тем же апатичным видом взял за хвост мертвую крысу и

¹ Немецкий химик, погибший во время мировой войны.

пошел к двери. Штеккер покачал головою. Он недолюбливал этого неповоротливого, странного человека, глядевшего всегда исподлобья и скупого на слова.

— Экая сонная тетеря, того и гляди какихнибудь глупостей надевает сапуру. Ну, да, слава богу, через три дня вернется старый Густав.

Он подошел к маленькой двери, от которой несколько ступеней вели вверх по узенькой лестнице в небольшую темную комнату, служившую для опытов над действием различных лучей на исследуемые вещества. Помещение было глухим тупиком, не имевшим другого выхода, и без окон, так как работы производились без дневного света. По пути Штеккер оглядел несколько стальных балонов, стоявших подле двери. Они были наполнены готовым газом под большим давлением и стояли здесь временно, перед отправкой на испытательный полигон. Смутная мысль мимолетной тревогой шевельнула мозг: — Убрать бы их отсюда поскорей! — Проверил манометры, осмотрел краны, — все было в порядке.

Сзади послышались шаги. Вошел снова служитель и стал передвигать что-то на столах.

— А как с собакой, господин профессор? — спросил он таким голосом, точно ему лень было ворочать языком.

Штеккер взглянул на небольшую клетку, стоявшую на высоком столе у окна, в которой дремала, свернувшись клубком, маленькая собачка. Она подверглась накануне воздействию газа в слабой концентрации, и на завтра ее ожидало вскрытие для исследования состояния внутренних органов. А пока она спала, повизгивая по временам и вздрагивая всем телом.

— Дайте ей корму и оставьте здесь, я займусь ею завтра утром.

Служитель молчал, словно прячась в затаенном углу лаборатории.

Штеккер поднялся по узким крутым ступенькам, зажег свет и задернул

— А как с собакой, г-н профессор? — спросил служитель.

штору, закрывавшую плотными складками проем двери. Он подошел к столу, на котором стоял большой спектроскоп, плоский стеклянный сосуд, наполненный газом, катушка Румкорфа и еще несколько приборов. Здесь работа была спокойной, методической, в ней не замечалось бега времени. Сменяли друг друга цветные линии в поле спектроскопа, то яркие, то еле различимые, жужжал однообразно индуктор, в дальнем углу скреблась мышь. Часы внизу пробили девять, — Штеккер машинально сосчитал удары; где-то далеко хлопнула дверь.

Так прошел час, может быть, больше... И вдруг протяжный, полный смертельной боли и страха собачий вой ворвался в темную комнату и замер... Штеккер вскочил на ноги, вдруг охваченный внезапным ознобом. Минуто он прислушивался, — вой

сменился визгом надрывным, пропозитивным...

Он повернул выключатель и бросился к двери, но, отдернув штору, остановился как вкопанный, не смея ступить дальше. Узкая дыра внизу была заполнена багровой массой, которая тихонько колыхалась и медленно ползла вверх со ступеньки на ступеньку, подобная отвратительному, гниющему студню.

ГЛАВА III.

Ужас сковал его неподвижностью. Он не смел верить своим глазам, он еще не отдавал себе отчета в том, что случилось, но где то в глубине шевелилось уже сознание непоправимой беды и душу захлестывал неодолимый страх.

Газ вырвался из баллонов, — это было несомненно. К тому, что он видел, присоединился и едва уловимый знакомый сладковатый запах, в значении которого ошибиться было невозможно. Но тогда... тогда конед. Ядовитое облако, двигаясь кверху, закупорило единственный выход и поднималось дальше, заполняя постепенно каменный мешок, в котором он оказался захлопнутым, как в ловушке.

Штеккер облокотился на стену, чтобы не упасть, — у него кружилась голова, и во рту вдруг стало отвратительно сухо. Он не знал, сколько времени прошло в этом оцепенении, но когда он пришел в себя и взглянул вниз, помимо воли жалкий, растерянный крик вырвался из его груди. Он помнил твердо, что при первом взгляде на лестницу верхние четыре были свободны от газа; теперь из под багровой колыхавшейся массы поднимались только две, — все остальное было уже затоплено. Он закричал еще раз, но теперь уже умышленно, надеясь услышать какойнибудь, отклик. Ответом был визг собаченки, бьющейся в железной клетке внизу.

Тогда Штеккер вспомнил о небольшом окошечке, бывшем в стене его западни, открывавшемся, правда, не на улицу, а внутрь лаборатории, откуда шла лестница. Он бросился к этой темной дыре, словно ожидая

оттуда спасения... Но это, конечно, оказалось иллюзией. Из окна, прихордившегося почти под потолком просторной высокой комнаты, ничего нельзя было рассмотреть. Свет был погашен, и в окно вливалось еле заметное мерцание звезд. В этом скудном освещении казалось, что черная масса колыхнется чуть не под самым окном.

Штеккер распахнул его и высунул голову, — тишина и мрак. Он вынул коробку спичек, зажег одну из них и попытался осветить темнеющий провал. На несколько секунд в трепетном мерцании огонька увидел он ближайший угол комнаты и откинулся назад: пола, столов, табуретов уже не было видно, — они скрывались под пеленой багрового тумана, очертания и границы которого трудно было уловить. На фоне чуть освещенного извне окна еле намечались контуры клетки, в которой металась и выла затравленная собака. Штеккер еще раз крикнул в темную бездну — новый жалобный вой ответил ему из глубины.

Снова он бросился к двери. Красноватые волны покрыли еще одну ступеньку, и приторный запах ощущался все сильнее. Первым его движением было — спуститься вниз и захлопнуть дверь, закрывавшую узкую щель, но, сделав шаг, он остановился. Для того, чтобы добраться до двери, надо было чуть не до плеч погрузиться в ядовитое, жгучее облако, — это было равносильно смерти.

Он задернул штору в надежде хоть скольконибудь задержать движение газа, отошел к столу и, опустившись в бессилии на табурет, сидел так некоторое время, не отрывая глаз от темных складок материи, из-за которых скоро должна была появиться отравленная волна.

Трудно было собрать мысли, метавшиеся в воспаленном мозгу. — Что делать? И как это случилось? Служитель ли по нечаянности или из любопытства отвернул кран баллона, или газ сам прорвался через неплотный затвор? И почему оказалась открытой дверь внизу? Неужели он сам забыл ее захлопнуть за собой? Но это все

не то. Сейчас главное — что делать. Неужели конец... сегодня... в этом каменном мешке?

Собаченка внизу взвизгнула еще раз отчаянным голосом и замолкла.

Он вспомнил крысу, затравленную два часа назад... Неужели и он испытает через час, через два все то, что чувствовали эти животные, умирая в своих клетках?

Страшным усилием воли Штеккер взял себя в руки. Надо спокойно обсудить положение и поискать пути к спасению. Из комнаты выхода нет. Телефон? Он внизу, чтобы добраться до него, надо прорваться через узкую дыру, закупоренную газом... Да и все нижнее помещение полно им, он сам видел... Значит, что же? долбить стену? На столе лежал маленький молоток с заостренным концом. Он ухватился за эту мысль. Сколько же времени потребуется, чтобы пробить таким оружием кирпичную кладку? Часа три — четыре? Он взял молоток и ударил им по стене. Посыпались мелкие осколки штукатурки, известковая пыль. После нескольких минут обнажился кирпич, от которого самые сильные удары отбивали лишь незначительные обломки. Штеккер оглянулся назад: багровый туман выползал из-за складок шторы и змеился струйками у порога.

Он почувствовал, как давящий ком подкатил к горлу и захватил дыхание... Короткое рыдание вырвалось из груди надорванным звуком, в котором он не узнавал своего голоса. Все тело вдруг покрылось холодной испариной. Он машинально вытер платком лоб и продолжал смотреть на струйки тяжелого газа, расплзавшиеся по направлению к его ногам. Еще минута, и стоять на этих холодных плитах будет невыносимо.

В это мгновение странный звук привлек его внимание. В дальнем углу копошились две темные фигуры и пищали визгливыми голосами. Это были крысы, выгнанные газом из подполья, — те самые, которым впоследствии, вероятно, было бы суждено также попасть сначала в капкан, а затем под колокол в большой лабораторий. Животные метались по ком-

нате, попадая временами в дрожащие бурые клочья, и каждый раз вскрикивая от боли. Вдруг обе они, словно сговорившись, прыгнули к длинному столу, стоявшему вдоль стены, противоположной окну, и вскарабкались на его гладкую поверхность.

Штеккер окинул взглядом пол, — газ лизал уже подошвы его ботинок. Непроизвольным движением бросило и его туда, где жались в углу напуганные зверьки. Он вскочил на верхнюю доску стола и встал, прислонившись к стене, бледный, растрепанный, страшный, с блуждающими глазами, сжимая в руке рукоятку молотка. — Что же дальше? бороться против неизбежности или... Он снова взглянул вниз, где багровые волны колыхались у основания стола и между ножками табуретов. В сущности так просто было положить конец всему: броситься вниз и вдохнуть раз этот тошнотворный студень...

Он вспомнил страшный крик затравленного животного под стеклянным колпаком и вдруг весь задрожал мелкой, неумной дрожью. Нет, это всегда успеется... Надо бороться, пока есть еще хоть искра надежды. Выбрав место на высоте груди, он придвинулся к стене и стал ожесточенно долбить ее молотком. Снова посыпалась штукатурка, обломки кирпича, белая пыль. Он работал с исступлением, не останавливаясь ни минуты, обливаясь потом. И работа принесла успокоение. Не то, чтобы родилась надежда, а просто он всем существом ушел в эти лихорадочные удары, чувствуя, как медленно падает перегородка, отделяющая его от мира. Надо проломить только небольшое отверстие, позвать на помощь, увидеть людей.

Он взглянул еще раз назад. Газ поднимался уже до половины высоты стола, а выбоина в кирпиче была глубиной не больше кулака. Штеккер вздохнул всей грудью; голова закружилась от приторного противного запаха. Какое безумие! Надо было начать работу гораздо выше, как можно выше, чтобы газ не успел подняться к ногам. Взгляд его снова упал на табурет, стоявший шагах в

трех от стола. — Чорт... как мог он допустить такую ошибку? Ведь через полчаса на столе уже нельзя будет стоять.

Несколько секунд он простоял в нерешительности, потом вдруг положил молоток у стены, застегнул почему-то наглухо пиджак, стиснул зубы и прыгнул вниз... Жгучая нестерпимая боль охватила ноги до колен. Казалось, что по коже водили раскаленными зубьями железной пилы; эта боль сверлила мозг, сводила судорогой мускулы, туманила глаза. Он испустил звук, похожий на рычание, и сделал шаг вперед... Судорожным движением схватил он табурет и бросил его на стол. В глазах темнело, ноги горели невыносимо. Шатаясь, как пьяный, шагнул он назад к столу, почти упал на его край и со страшным напряжением втащил на доску вдруг осевшее, расхлябанное туловище.

Минут пять лежал он на столе, корчась от боли, и плакал бессильными, холодными слезами. Потом боль несколько улеглась и вместе с тем началась снова работа мысли. Он взглянул через край стола и всмотрелся пристально в колеблющееся красное море: оно колыхалось почти на том же уровне, повидимому скорость движения его убывала. Или это только показалось? Он посмотрел на часы, было четверть двенадцатого, но он не знал, когда началась катастрофа. Во всяком случае впереди была еще вся ночь, — помощь придет не раньше утра, если до тех пор он останется жив. А пока надо что-то делать, чтобы не сойти с ума в этом жутком ожидании.

С трудом ступая на обожженные ноги, он дотащился до табурета и передвинул его в угол стены, чтобы дать больше устойчивости телу. Затем, преодолевая страдания, сжав зубы, чуть не плача от боли, вскарабкался на шаткую деревянную площадку и встал на ноги. Он вспомнил вдруг свою недавнюю жертву, как она спасалась на колодку, предусмотрительно поставленную посреди резервуара. Ему почудилось что-то странное в этом сопоставлении, какая-то дьявольская

насмешка судьбы. Но еще раз взял он себя в руки и отбросил назойливые мысли. Нелепая фантастика, игра возбужденных нервов. Сейчас надо думать об одном и даже не думать, а только делать — долбить, долбить, пока еще могут пальцы держать молоток.

И он принялся в третий раз за свою работу, выбрав место в стене недалеко от угла. Он весь как-то сжался, стиснул зубы и, не оглядываясь назад, наносил удары. Они падали один за другим частые, гулкие, упорные, под ними сыпалась белая и красная пыль, и отчетливо слышно было ее шуршание в напряженной тишине, становившейся с каждой минутой непереносимее. Казалось даже, что самое страшное это не то, что творится там, за спиной, на каменном полу, куда он боится оглянуться, а именно эта грызущая, убийственная тишина. И он бил по стене с остервенением, шепча проклятия сквозь стиснутые зубы, борясь гулом ударов с пугающим молчанием. Он уже потерял сознание времени в этом неустанным напряжении, когда снова шум под ногами заставил его взглянуть вниз.

Это крысы бегали от угла к табурету, тыкались головами в молчаливые стены с жалобным писком. Газ поднялся до уровня стола и, обжигая их, полз ключьями по его поверхности.

Штеккер опустил руки и только теперь почувствовал, насколько он утомлен и разбит этой лихорадочной работой. Все тело было в поту, мокрые волосы падали на глаза, пальцы дрожали от напряжения и еле держали молоток. Сердце стучало большими толчками, легким не хватало воздуха. Он машинально следил глазами за суетой загнанных животных и вдруг вздрогнул. Крысы остановились у табурета и, подгоняемые болью, начали карабкаться по деревянным ножкам. Еще секунда и одна из них, добравшись до верха, в слепом ужасе бросилась на человека и, цепляясь за костюм, стала взбираться по ногам, по туловищу, все дальше к голове.

Штеккер закричал от страха и отвращения и свободной рукой схватил вздрагивающее тельце. Крыса забилась под его пальцами с жалобным писком и впиалась зубами в мякоть ладони. Он оторвал ее от себя и швырнул в угол комнаты, потом ногой стал сбивать второе животное, копошившееся на табурете и увертывавшееся от ударов. Табурет качался и грозил каждую секунду опрокинуться в этой молчаливой упорной борьбе. Наконец ударом носка он подбросил крысу в воздух, и, описав дугу, она погрузилась в студень, лежащий под ногами, и исчезла.

Штеккер облокотился об угол стены, задыхаясь и дрожа с головы до ног. Силы его покидали, он с трудом мог стоять. Казалось, что дощечка, на которой он нашел сене, подымалась и опускалась ритмическим движением.

— Ну, что же? Продолжать работу дальше? Поздно... Газ настигнет его раньше, чем он сделает половину дела. К тому же он чувствовал, что не может двинуть рукой, что мускулы отказываются действовать.

Глаза его машинально приковались к огню лампочки, точно она гипнотизировала его своим немигающим светом. Мысли путались, он терял сознание действительности. И вдруг случилось что-то новое, что он даже не сразу понял в своей странной летаргии: свет погас... Штеккера окутал непроглядный мрак, в котором клубился близко под ногами смертный туман.

Полная, всеохватывающая, мертвая тишина...

... Крыса забилась под его пальцами и впиалась зубами в мякоть ладони...

Несколько секунд он растерянно вглядывался в непроницаемую темень, думая, что он стал жертвой галлюцинации, что нужно только сделать над собой усилие, чтобы совладать с нервами и заставить себя снова увидеть свет. Но все попытки оказались тщетными. Это не был оптический обман. Лампочка погасла, в этом тоже виноват был газ, нарушивший где-нибудь неплотный контакт, а может быть она просто перегорела. Штеккер стоял неподвижно на своем шатком убежище, оглушенный ужасом случившегося.

Теперь он не мог даже видеть, как подбирается к нему то неумолимое, что колышется где-то тут, под ногами, — близко ли, далеко ли, он не мог теперь этого знать. Подымается ли оно? А может быть остановилось? Может быть волна начала спадать и возможно еще спасение?

Штеккер вспомнил о спичках. Осторожно, стараясь не выронить маленькую коробку, он вытащил ее из кармана и дрожащими пальцами пересчитал деревянные палочки. Их было только три, три вспышки света в хаосе тьмы. И сейчас же, не в силах сдерживать непреодолимое желание взглянуть вниз, он зажег одну из них. Вспыхнул желтоватый огонек, но то, что он выхватил из мрака, было смутно и неясно. Во всяком случае поверхность стола не была видна, ее скрывала густая темная пелена; однако уловить, до какой высоты она поднималась, было невозможно при этом тре-

пете мерцания. Штеккер все же жадно вглядывался в багровое море, окружавшее его убежище, пока спичка, обжигая пальцы, не погасла. И тьма вокруг снова сомкнулась плотной завесой.

Теперь мыслей в голове уже не было. Оставался слепой инстинкт, заставлявший бороться за жизнь до последней возможности. Он снова сжал в кулаке рукоятку молотка, которую не выпускал все это время, нащупывая пальцами левой руки сделанную в стене выбоину и уже вслепую, почти наудачу, стал долбить каменную стенку, останавливаясь только временами, чтобы перевести дыхание. В горле пересохло, в голове стучало, перед глазами метались огненные вихри. А он все стучал, стучал, не думая ни о чем, почти забыв об опасности. Но это не могло продолжаться без конца. Удары становились все слабее, падали наудачу, пальцы дрожали, от времени до времени их перехватывало легкой судорогой. И вот, наконец, при сильном косом толчке, заостренный конец соскользнул по неровной поверхности, пальцы разжались, и молоток, вырвавшись из руки, упал в темноту и глухо стукнулся где-то под ногами. И наступившую тишину прорезал дикий, уже почти нечеловеческий крик:

— Спасите! Спасите!

Как бы в ответ внизу раздался бой часов. Прозвучало двенадцать ударов и воцарилось окончательное молчание.

Круг неизбежности замкнулся. Впереди оставалась смерть, но когда? Сейчас? Через пять минут, через десять, или через час? А может быть позже? Может быть проклятое облако остановилось и уже оседает вниз? Или оно продолжает подниматься? Ничто не говорило больше о приближении или удалении невидимого врага. Ни звука, ни искорки, ни запаха... Даже и запаха, — вероятно, притупившееся чувство перестало воспринимать его.

Казалось нелепым стоять здесь в темноте на табурете, чуть не под потолком, еле удерживаясь на дрожащих, обожженных ногах. Так просто казалось — соскочить и выйти, выбежать вон, на свет, к людям... А между тем...

Жгучая боль в ступнях проявила его до глубочайших извилин мозга. Конец? Яд захватил его последнее убежище!

Он вытащил из кармана спички и дрожащими пальцами попытался зажечь одну из них. От неуверенных ли движений, или от сырости она вспыхнула мгновенно слабой искоркой и погасла, ничего не осветив. Не раздумывая он схватил последнюю и чиркнул по коробке. Спичка загорелась и снова бледный огонек осветил темный угол... Штеккер нагнулся, лихорадочно глядя вниз. Табурет торчал еще одиноким островом в багровом море, — боль обманула его приступом от старого ожога. Но туча поднималась, это было ясно.

Спичка погасла — последняя... Он топорливо обшарил карманы, пощупал подкладку костюма, потряс коробочку, — ничего... На этот раз все. Бороться дальше было бесполезно. Он хотел броситься вниз, покончить поскорее с ужасным ожиданием, но воспоминание об испытанной им прикосновения яда боли удержало его снова. Он скорчился на табурете, опершись в угол, и глядел воспаленными глазами в темноту. Кто-то сказал вдруг почти рядом насмешливым голосом: — Страдания единиц и даже миллионов единиц не принимаются в расчет на весах истории...

Он испуганно оглянулся, будто ожидая кого-то увидеть в мертвом хаосе, потом вспомнил: ведь это его собственные слова, сказанные вчера Гейслеру. Вчера? Или тысячу лет назад? Когда все это началось?

Мутный образ пятном выдвинулся из темноты... Он вгляделся: крысиная голова, неестественно большая, с оскалом зубов в разинутом рту. Он отмахнулся, — пятно потонуло во мраке. Кто-то вздохнул за спиной и тронул его влажной ладонью... Он закричал еще раз таким жалобным, созсем звериным криком. Потом мрак наполнился невидными шорохами, вздохами, движением смутных контуров.

Теперь Гейслер говорил откуда-то из дальнего угла:

— Попробуйте поставить себя на место тех сотен тысяч, которых будут травить вашими газами...

И запекшиеся губы выдавили жалкий ответ:

— Да, это страшно — умирать...

Потом наступил хаос и забвение.

Только к вечеру следующего дня лаборатория была очищена от газов. В первой комнате нашли мертвую собаку в клетке. Вся кожа ее была покрыта волдырями и язвами, шерсть, висевшая клочьями, почернела и истлела. Морда была оскалена в судороге предсмертного воя.

Краны у баллонов с газом оказались отвернуты: служитель, заменявший старого Густава, исчез.

Розыски показали след его в направлении французской границы, гостеприимно открывшей свои объятия тому, кто впоследствии, при тщательном расследовании, оказался офицером французского генерального штаба.

В верхней комнате на столе, подле табурета, лежал человек с совершенно

седыми волосами и выражением непередаваемого ужаса в остекляневших глазах. Тело его было нетронуто ожогами, кроме нижней части ног. Очевидно, он упал на стол после того, как движение облака прекратилось и газ осел вниз, просачиваясь в наружные щели.

В куче мусора, подле головы человека лежал молоток и пустая коробка из под спичек. На полу, изуродованные ядом, в клочьях висевшей шерсти валялись трупы двух крыс с вылезшими из впадин глазами.

Это было все. Штеккера хоронили через три дня с большой торжественностью. Говорились речи, центром которых была мучительная смерть на научном посту героя долга.

Гейслер слушал эти слова и думал упорно о своем, о том времени, когда безумие человечества останется в далеком прошлом и история развернет новую страницу, о которой сейчас мечтают и упрямые фантазеры, и люди крепкой воли, идущие к далекой, но неизбежной цели.

ЭВЕЛХУТ

Очерк и рассказ из жизни коряков
С. Н. СТЕБНИЦКОГО

Иллюстрации И. А. Владимирова по фотографиям с натуры

Нашему сотруднику С. Н. Стебницкому, только что вернувшемуся в Ленинград, пришлось провести год среди коряков — коренного населения северной Камчатки. Он был учителем в туземной школе. Впечатления С. Н. Стебницкого живы и интересны и отлились в форму помещаемого здесь рассказа «Эвелхут», первого чисто литературного опыта молодого автора.

Предполагаем рассказу краткие суммарные сведения о коряках — плод личных наблюдений С. Н. Стебницкого. Он принадлежит к школе молодых этнографов, созданной за последние годы проф. В. Г. Богоразом-Таном и проф. Л. Я. Штернбергом. Работая под руководством В. Г. Богораз, он и получил командировку на Камчатку от Музея Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР.

КОРЯКИ НА КАМЧАТКЕ.

Маленький, затерянный среди тундры поселок полуседлых охотников на морского зверя и рыболовов. 12 юрт-землянок. За недостатком дерева только остов юрты делается из шестов, самые же стены — из земли. Дымовое отверстие служит одновременно окном и дверью этого полуподземного жилища. Настоящее жилище пещерного человека! Пища — мясо оленя, горного барана, медведя и морского зверя — лахтак, тюленя, моржа и главная — сушеная рыба «юкола». Хлеб — редкое лакомство.

Летом рыба — кета, красная, горбуша, кижуч — в огромных количествах входит в реки из моря. Оседлые коряки всем поселком скопечиваются на устья рек и вылавливают рыбу по несколько тысяч штук на хозяйство. Рыбу сушат на ветру, подвешивая на вешала-юкольные. В дурную погоду рыба не высыхает, а сгнивает. Остаются одни кости. Это значит, что зимой предстоит голодовка. Другой способ заготовления рыбы — «кислые ямы». Рыба сваливается в яму по несколько сот штук, слегка засыпается землей и подгнивает. Кислые рыбы головки — корякский деликатес.

Летом 1928 года рыбы на Камчатке было так много, что в некоторые реки она буквально не вмещалась. По берегам рек во время отлива можно было наблюдать нечто вроде барьера из рыбьих трупов — жертв борьбы за место в пресной воде.

Морской промысел неверен и опасен. Охота на пловучих льдинах каждую минуту грозит смертью. Ветер с берега часто отрывает лед, и охотник гибнет в волнах Берингова моря.

Голодовка — бытовое явление в жизни оседлого коряка. Постоянный недоход рыбы или неудачная заготовка, неудачный морской промысел, отсутствие лисицы зимой, недоснабжение факторий Дальгосторга охотприпасами — все это достаточные причины для голодовки. Но для коряка ничего не составляет провести 3-4 дня без куска пищи. Коряк в обычной дневной, — правда, великолепно приспособленной к суровым условиям тундры, — одежде может спокойно проспать целую ночь, свернувшись калачиком на снегу в 20-градусный мороз.

По тундре в 20-50-100 км от поселка кочуют оленеводы. Их жизнь всецело зависит от привычек и потребностей оленя. Зато олень служит им почти единственной пищей, дает им материал для одежды и для жилища. У каждого хозяина в табуне от 150 до 600 оленей, а иногда — несколько тысяч. Зажиточный хозяин-оланевод уклончиво отводит разговор местного советского работника о строительстве нового быта и ликвидации 100-процентной неграмотности: «Нам ничего не надо. Наша еда вокруг нас ходит».

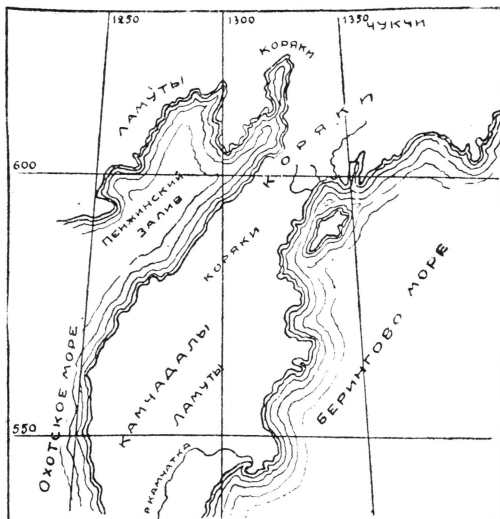
Молодое поколение — корякские ребята — в этом отношении полная противоположность старикам. С каким рвением набрасываются они на учебу! Утром чуть свет они являются в школу: «Учитель, вставай, учи». По окончании уроков на предложение идти домой отвечают: «Нет, ты нас еще учи, мы будем сидеть тихо». Это рвение скрашивало трудность условий школьной работы. А условия были действительно незавидные. В классе либо замерзают чернила, либо печурка так накалилась, что буквально нечем дышать. Ученики снимают свои меховые куртки и сидят полуголые — совсем дикарята каменного века: волосы черные, всклокоченные, глазенки раскосые, блестящие, лица смуглые, замазанные жиром и копотью. Древние парты ходят ходуном от малейшего движения учеников. Мест не хватает. Чернила падают. Тетради — самодельные из оберточной бумаги. Половина учеников совсем не понимает по-русски.

Школа — бывшая церковь. Алтарь — квартира учителя. Священники-миссионеры в свое время добрались и до Камчатки. Но коряки, официально православные, остались непоколебимыми шаманистами.

По представлению коряков, весь мир населен бесчисленным количеством злых духов — нинвитов. Нинвиты — невидимы. Они носятся в воздухе и ловят невидимыми сетями души людей. Поймав, поджаривают и съедают. Человек от этого болеет и умирает. После смерти человек сам становится нинвитом. Нинвиты бывают людские, звериные и птичьи. Внешний облик их: черное мохнатое тело, огромные красные глаза, огромные уши, пасть с длинными острыми зубами.

Шаманы — люди, подверженные особой полярной нервной болезни, — якобы имеют власть над нинвитами и понимают их язык. В жертву злым духам приносятся собаки и олени на особых жертвенных местах, где есть деревянное или каменное изображение духа данного места. Праздники, приуроченные к главным моментам оленеводческо-хозяйственного и промыслового года, тоже тесно связаны с шаманством. Шаман делает предсказания как пройдет отел оленей, как они перенесут зиму, удачен ли будет промысел. Неотъемлемой принадлежностью шамана является бубен, особая шаманская одежда, полуженская — полумужская, шаманский нож, копье. Коряки твердо верят, что шаман может вылечить любую болезнь и даже воскресить мертвого.

Все эти верования в настоящее время сохранились в полном расцвете так же, как и корякский фольклор, чрезвычайно богатый фантастикой и иногда очень красивый и интересный.

В землянке еще совсем темно. Но между досками, которыми закрыто на ночь дымовое отверстие, бегают узенькие полоски света. Дымовое отверстие — единственное сообщение землянки с внешним миром. Оно служит одновременно окном, дверью и дымоходом.

Краснощекая Каманха выглянула из спального полога, где она спала вместе с другими женщинами. Посмотрела наверх — пора! Ей сегодня утром много дела. Эвелхут поедет на морскую охоту — надо все приготовить. Она осторожно выползла из полога, стараясь никого не разбудить. В землянке был мороз, немногим меньший, чем на

дворе. Но девушку это не стесняло, несмотря на то, что ее странный меховой наряд представлял собою широко открытое декольте, оставлявшее без всякого прикрытия ее грудь, руки и плечи. Она неторопливо сложила костер, развела огонь, повесила над огнем чайники, приготовленные еще с вечера и, когда замерзшая за ночь вода оттаяла, помылась, выплевывая изо рта наруки. Потом достала «иняюсьгын» — дорожный мешок Эвелхута, сделанный из тюленьих шкур, и принялась укладывать в него все необходимое для охотника: пачку патронов, маленький дорожный чайник, несколько кусочков кирпичного чаю, непачатый короб

Каманха.

спичек, немного юколы — сушеной рыбы, запасные торбазы и чижы (меховая обувь). Ничего не забыла. Холод основательно пробрал ее. Но она нарочно не хотела надевать верхнюю одежду.

— Ну, разбужу. Как посмотрит на меня сейчас. Ласкать будет. — Она опасливо оглянулась — не проснулся ли кто-нибудь из старших — и поползла в угол, где спал Эвелхут. Эвелхут — еще неполноправный член семьи. Поэтому он спит не в пологу, а отдельно от всех — на шкурах. Он только второй месяц «отрабатывает жену» у старого Эмленвиля и старик еще не решил — выдать или нет за него Каманху, младшую дочь.

— Эво, гумнин нмись'а клавул... (Эво, мой красавец-муж) — шептала Каманха, склонившись над ним и глядя горящими черными глазами на его смуглое, чернобровое лицо.

Она легла рядом с ним и зубами взяла его за ухо. Он проснулся, открыл глаза.

— И-ка-ка, — замерзнешь.

— А ты меня согрей, — лукаво сверкнув глазами, отвечала она.

Потягиваясь, он протянул руки и хотел привлечь ее к себе, взяв за плечи.

Но она не даром слыла самой ловкой девушкой в Вороньем поселке.

— Не взять тебе меня, как лису-чернобурку.

Они принялись весело возиться, но так, чтобы не шуметь. Пока старик не объявил своего решения, они должны быть чужими друг другу. А увидят — все дело пропало.

— Каййе, Каманха, бешеная моя чернобурка...

Но к морю надо поспеть с рассветом. Эвелхут порывисто прижал к себе Каманху и тотчас же оттолкнул, вскочил и принялся оправлять смявшуюся за ночь одежду. Каманха налила ему горячего кирпичного чаю, заварив покрепче. Охотник ничего не ест перед уходом на промысел. Но чай разогревает и разгоняет кровь, дает меткость глазу и твердость руке. Опорожнив пятую чашку, Эвелхут стянул поясной ремень, хорошенько заткнул нож в ножны, взял свое ружье-винчестер и быстро, привычными движениями, вскарабкался по гладкому бревну с зарубками, служившему выходной лестницей. Каманха надела кухлянку, красиво расшитую бусами и бахромой из ремешков, и, взбежав по бревну не менее ловко, чем ее жених, вынесла его дорожный мешок.

Вместе запрягали собак. Разбуженные хозяйским пинком, собаки лениво вылезали из ямок, протаявших под ними за ночь, встряхивались и послушно шли за хозяином. Скоро дуг из 5 пар был в полном порядке. Эвелхут уложил на нарту ружье и мешок, взял остол — толстую палку с железным острием, с помощью которой тормозят нарту на раскатах. Затем он слегка подтолкнул нарту и крикнул:

— Хак-хак, хак-хак! Услышав команду, собаки подхватили все сразу и легкая нарта заскользила по крепко промерзшему снегу. Эвелхут смеясь кивнул Каманхе:

— Аттаукон, нав'о! (прощай, жена).

Каманха залезла на высокие подмости амбара-кольяника, уселась там и стала смотреть вслед быстро удалявшейся нарте... Сколько девичьих дум подслушали эти длинноногие коряские амбары для сушеной рыбы... Она готова была просидеть хоть целый день.

— Камо!—мама зовет. Ты там чего делаешь? — позвала старшая сестра Лектын.

— Юколу достаю.

— Какая юкола, когда сегодня будем есть мясо. Сама знаешь, отец вчера привез. Совсем одурела девченка. Поди, воды принеси...

Эвелхут тем временем уже успел доехать до моря. Он достал из мешка свою гордость — бинокль. Нынешним летом он удачно выменял этот бинокль у японца на шкурку летней лисицы, которую ни за что не хотел брать «советский купец» из «торговой юрты». А бинокль — хороший помощник на морской охоте. Он навел его на Пологой перевал. — Если там спокойно, значит берегового ветра не будет и можно ехать спокойно на лед хоть за 10 верст, не боясь что он оторвется от берега. — А разве у Эвелхута не будет удачи, когда ему помогает в охоте такая женщина, как Каманха. Хотя Каманха еще не жена его, все же, когда он уезжает на морскую охоту, она не шьет, не режет, не скоблит шкуры и про себя шаманит, чтобы морские духи послали ему удачу. И у нее должна быть большая сила. С тех пор, как Эвелхут живет у Эмленвиля, он ни разу не возвращался с промысла без добычи. Теперь уже наверное скоро старик отдаст ему Каманху...

Эвелхут спустился на лед с крутого каменистого берега. Лед был разбит недавним морским ветром и ехать приходилось с большой ловкостью и вниманием. Приходилось переезжать широкие трещины, выбирая льдины покрупнее и понадежнее. Быстро соблажнять — выдержит ли, не треснет, не перевернется ли льдина. Как ехать широкую полынью, чтобы следующая не заставила вернуться обратно. Они напряженно работали вдвоем — Эвелхут и передовой пес Авахли. Авахли — опытная собака. Он без команды знает, куда свернуть. Не даром он уже восьмой год ходит в упряжке Эвелхута. В одну и ту же осень Теннои, отец Эвелхута, надел алык — собачью сбрую, на спину щенка Авахли и дал остог для самостоятельного управления нартой своему одиннадцатилетнему сыну. И вот теперь достаточно

Эвелхут.

одного движения хозяина, чтобы верный пес понял, чего от него хотят, и потянул за собой весь девятиголовый мохнатый отряд туда, куда надо. Больше часу понадобилось, чтобы отъехать верст 5 от берега.

— Кхх... — вполголоса произнес Эвелхут, застопорив нарту остолом. Собаки остановились. Бинокль охотника устремился на показавшуюся вдали черную точку... Полынь? Тень от льдины? — Нет, совершенно ясно: большой лахтак лежит на самом краю полыньи. Жирный. Ну, теперь не зевать. Каманха, думай хорошенько про своего охотника, там, у домашнего огня. Достань из своего мешка плосколидого деревянного идола, намажь ему губы лахтаким жиром и поставь перед огнем...

Взяв ружье в правую руку и копье в левую, Эвелхут пошел вперед, низко пригибаясь и прячась за каждый ледяной выступ. Потом пополз на животе. Ползти пришлось довольно долго. Но вот он вынул из-за пояса лахтажий лап, начал скрести им по льду. Получилось совсем так, как будто ползет лахтак. Эвелхут приподнялся на локтях и крикнул, подражая голосу тюленя: — Кхук! кхук!

Лахтак поднял сонную голову, посмотрел на охотника. Но Эвелхут снова

пополз, поскребывая ластом по льду. Осторожно укрепил ружье на деревянных ножках, приделанных к стволу. — Кхук! кхук!

Лахтак снова поднял голову, на этот раз быстрее, с тревогой. Охотник не дал ему одуматься. Выстрел — и тяжелая голова зверя, словно оборвавшись, сунулась в воду. Метко, и даже слишком. Хрупкая с краю льдина обломилась от резкого движения убитого наповал зверя. Лахтак медленно сполз на воду. Скорее! Если жирный, — еще немного продержится. Оставив ружье, Эвелхут бросился с копьем к лахтаку. Наконечник копья, впившись, останется в теле животного даже если оно утонет, а древко, прикрепленное длинным ремнем, всплывет, его поплавок...

Крак! — копьа он не бросил. Оно едва спасло его от гибели, зацепившись концом за соседние льдины... Льдина, на которой он стоял, не выдержала упора ноги. Эвелхут провалился по пояс. Если бы не копье, он наверняка потонул бы. Как и все коряки, Эвелхут не умел плавать. Все же он кое-как выкарабкался. Но тем временем лахтак потонул.

— Каййе, отчего такая неудача?... Наверное Каманха совсем плохо шаманила... Какая некрепкая голова у этой девченки! Всегда в одно время о разном думает!

Он вынул нож и тупой стороной лезвия с досадой принялся выжимать воду из шерсти штанов и обуви. Подобрал копье и ружье и вернулся к собакам. — Куда же теперь ехать? Часа два он мыкался по льди-

Эвелхут
провалился
в воду...

нам, каждую минуту рискуя выкупаться еще хуже, если не совсем потонуть. Продрог. Давно бы пора вернуться — с берега все тянет да тянет.

— Чэх-чэх, чэх-чэх, — он круто завернул собак налево и поехал к берегу. И все бы обошлось хорошо, если бы не эта маленькая нерпушка. Она попала как раз на самой дороге. Со всем еще детеныш. Но ее шкурка, такая чистенькая, нежная, с едва заметными темными пятнами, как серебряная блестела на солнце. Конечно, мясо и жир с такой маленькой в счет не идет. Но как обрадуется Каманха, когда он принесет ей эту красивую шкурку. Какие славные торбасы (обувь) делает она себе из нее, каких пона, делает мешочков для бус, иголок и прочей женской мелочи. Он скажет, что нарочно убил эту нерпушку, чтобы сделать ей подарок, и она смеясь схватит его за уши и прижмет к груди его голову.

Убить такую нерпушку не стоило труда. Но все же пока он над ней возился, береговой ветер, давно уже усилившийся, успел превратиться в частые яростные порывы. Несомненно лед уже начал отходить от берега.

— Хак-хак! Хак-хак-хак! Скорей, сухомозглые! — заторопил Эвелхут собак. Помчался по льду, плохо разбирая дорогу. Временами лед с треском выгибался под нартою, как резиновый. Один раз даже проломился и нарта стала тонуть. Но собаки изо всех сил, всеми сорока лапами уперлись в лед и вытянули нарту на надежную льдину. Невпервой им было спасти жизнь хозяину. И все же, когда стали подъезжать к берегу, ясно обозначилась темная полоса сажени в три шириной между пловучим ледяным полем и береговой закраиной.

— Так... Теперь как буду?... Здесь останусь. — Спеть дальше некуда.

— Кхх...

Собаки остановились. Ветер все сильнее и сильнее. Если будет так один день — лед не уйдет. А если два, три... Лед уйдет в теплое море. Эвелхут

погибнет.. В прошлом году лед ушел в конце этого месяца... Сейчас все-таки рано было бы.. А четыре года назад лед ушел как раз в это время и даже немного раньше... И унес Ахали и Тэнгэлхута... А в прошлом году пропал Тнакуи, Муллинвилль с Ольховой речки... Нынче — я... А дядя Тальпываль спасся... Он нашел место, где лед задерживается дольше. Он поехал на мыс Иль'ун... — На Иль'ун! — блеснуло в голове у Эвелхута,

— Чэх-чэх-чэх! (налево) — Он замахнулся на собак остолом и снова началась бешеная езда, каждую минуту грозившая смертью.

Худое опасное место скала Иль'ун. Полно там злых духов. Потому что нехорошее дело было на этом месте. Давно, давно, еще старикам их деды рассказывали об этом, как о давнем — стоял там корякский острожек. И был этот острожек немирный — воевал соседние корякские поселки, уводил женщин и отбирал запасы. Потом пришли русские в Камчатскую землю. От самого большого начальника русских был указ: «Немирных инородцев тех усмирять всякими мерами, впрямь и заводом и из ума вывода и жесточью растрачивать». Провели русские про Иль'унский немирный острожек и явились усмирять его под началом «прикащика», «верного холопа царского». «Принимаемы они были с честью и любовью, как приятели, дарены щедро, почиваны довольно и ни в чем не имели отказа» — так гласит казачья отписка царю Петру. И таким приемом «введены были в оплошность». Утром на другой день на Иль'уне был праздник и большое шаманство. На самом высоком месте скалы торчал кол. На кол посажена мертвая голова «царева прикащика» — лицом к восходящему солнцу. Кругом лежали убитые холопы царские — казаки. Никто не спасся. Коряки плясали, пели, били в бубны, убивали собак и головы их тоже втыкали на колья к востоку. Собаки — это жертва душам убитых, которые теперь стали злыми духами — нинвиатами. Трое суток без перерыва длилось празднество на скале Иль'ун. Потом острожек скочевал куда-то далеко, на западный берег Камчатки.

С тех пор скала Иль'ун считается жилищем злых духов. Во время осенних праздников Кита и Тюленя, когда старики и шаманы едят мухоморы и пьянеют от них, они приходят сюда убивать собак, пляшут, бьют в бубен, произносят заговоры и заклятия. Потом опять целый год скала стоит пустая, одинокая. Люди даже мимо нее не любят ездить. Только вороны с криком стаями кружатся над разлагающимися собачьими трупами.

Вот и сейчас, завидев нарту Эвелхута, две вороны сорвались с самой верхушки скалы и полетели, сердито каркнув. — Скорее! — уже темнеет. Ветер то какой стал. Прилив начинается. Может быть прилив задержит лед. Отошел? Не отошел?

От мыса по льду ползла длинная тень. Голая каменная стена смотрела хмуро, враждебно. Лед отошел. Черная лента воды аршина в 3 шириной обвивала все подножие скалы. Эвелхут знал берег на многие десятки верст в обе стороны от Вороньего поселка. Но у этой страшной скалы он никогда не был, слышал только от стариков: Иль'ун — скала злых духов — отвесной каменной стеной обрывается прямо в море, в неизмеримую глубину. — Вот куда приехал... А вдруг дядя Тальпываль врет, что он спасся на Иль'уне...

Он оглянулся: где тут разбежишься! Как раз против площадки широкая полынья и ни одной надежной льдины. Но тут его осенила догадка. Спасены и он, и собаки, и добыча! Он торопливо принялся выпрягать собак. Вывалил на лед убитого по дороге лахтак и красавицу нерпушку. Свернув ремни нарты, он подвел ее к самому краю льда, взял за задние копылья и стал наводить, как мост. Так веселый Тнанкав спас семерых товарищей. Передняя дуга нартч крепко зацепилась за обледенелый камень, торчавший на площадке. — Только бы не сорвалось! Только бы выдержало! — Когда вода подымала льдину, задники полозьев едва держались на ней самыми концами.

Эвелхут поспешно надел ружье. Хотел взвалить на спину лахтак. Льдину подкинуло волной. Нарта за-

Эвелхут привязал собаку себе за спину.

трещала. Сорвалась? Нет. Он бросился к нарте, укрепил ее как мог и, забыв про добычу, перебежал по нарте на берег. На земле!

— Авахли, сюда.—Но собака догадалась и без приглашения. Она

уже вертелась у его ног и в ответ только радостно взывала. Остальные гуськом перебирались по нарте. Крак!—нарта осела, сорвалась. Эвелхут даже не успел

подхватить ее. Задние собаки взвыли, очутившись в холодной воде. Но все же выкарабкались. А нарта утонула—подцепить было нечем. Копье осталось на ней.

Темнеет быстро. На обледенелой площадке одному человеку и десяти собакам едва хватает места. Вода заливает ноги. Прилив наступает. Эвелхут попытался забраться на ближайший уступ. Но мокрые ноги скользили по обледенелому камню. К счастью вокруг пояса у него был обмотан запасной ремень, которым опутывают убитых лахтаков и привязывают их сзади к нарте, если нарта перегружена. Он размотал ремень, зацепил конец его за уступ, влез. Пытался найти другой уступ, чтобы опять зацепиться. Если бы хоть раз до этого он видел скалу! Но стало совсем темно. И потом:—как же собаки!

Он опустил руки, прислонился к скале, огляделся. Стоять на скользком уступе было трудно. Внизу, в сгушавшемся сумраке, разбивались

о камни волны. Раз два где-то не-вдалеке треснула прибитая к скале нарта. Ветер выл заунывно, сердито. Промокшая одежда обмерзла, жгла тело. Но Эвелхут стоял не двигаясь, безнадёжно уставившись в темноту, не зная что делать. И вдруг отчаянный вой собак заставил его метнуться. — Тонут! Эвелхут сложил ремень вдвое, укрепил за уступ, спустился. Вода доходила ему до колен... Прилив наступал. Собаки уже не доставали ногами до нижнего уступа, и плавали, сбившись в кучу. — Сюда, Авахли!—Он привязал собаку концом ремня себе к поясу. Из последних сил поднялся по ремню. — Хоть бы Лелякина еще спасти. Из него хорошая собака выйдет. — Хотел оставить собаку на верхнем уступе. Но им двоим не хватало места. — Куда дену остальных, если даже спасу?—Он решил больше не спускаться: пускай пропадут.

Началась страшная ночь на скале Иль'ун, вокруг которой носятся злые духи. Темно, хоть глаза выколи. — В-у-у-у—завывает ветер. Под ногами шумит море. На руках дрожит собака, воет. Стоять мучительно неудобно. А если прилив и сюда поднимется? Вой собак все глуше, слабее: тонут одна за другой.

— Какой я человек, если без собак буду... — Эвелхут привязал Авахли себе за спину. Собака полудежала у него на спине, упираясь в скалу лапами. — Так будем до утра, если нинвиты худого не сделают... Ох, не хорошее место... Скоро ли ночь пройдет... Хорошо все-таки, что не один, а с собакой... Один бы пропал...

— Гыррр... — донеслось по ветру непонятное, злое рычание. Эвелхут вздрогнул так, что едва не сорвался. Авахли задрожал, взвыл, ошетинился. Эвелхут весь превратился в слух.

— Гыр, гррр!..

Это морской медведь!.. Яркий весенний день. Отец с ружьем спрятался за льдиной. Эвелхут — 13-летний мальчик — поодаль, возле нарты. Раненый белый медведь вылезает из широкой полыньи со злобным рычанием. Рычание точь в точь такое. Медведь увидел отца. Со стоном идет

на него. Но со второго выстрела он убил наповал. Это единственный раз, когда Эвелхуту пришлось видеть морского медведя. — И вот теперь здесь. Как? Сюда никакой зверь не приходит... — Это главный нинвит скалы почуял. Превратился в морского медведя. Сейчас...

Эвелхут слушал, слушал... Но страшного голоса больше не было слышно. Попрежнему — только гудел ветер, да шумело море. Тело ломит от холоду. Тысячи иголок впиваются в ступни ног. Голова горит, как в огне. Боль победила страх. Эвелхут выпростал руки из рукавов кухлянки. Разорвал на себе рубаху. Стал снимать обувь. Дррр — ружье сорвалось и упало в море. — Каййе! Теперь безружейный буду... — Каждую минуту рискуя сорваться с утеса, Эвелхут обмотал себе ноги лоскутами рубахи. Стало немного легче.

— Гыррр... гыррр... — Опять!? Близко, слышнее. Почуют ли?!... — Собака у него на спине задрожала и проскулила.

— Молчи, сухокозлый выкидыш... Только молчи...

Гыррр... ррр... О-о-ой! — на этот раз рычание сопровождалось раздражающим ушаи стоном. — Вот! Теперь они все проснулись. Сейчас выйдут на охоту за душами людей. Меня увидят. Много их здесь. Все набросятся.

Эвелхут развязал собаку. Обнял ее обеими руками, прижал к себе, а сам мелко мелко дрожал в страхе, в безумии. Каждую минуту ждал себе страшной, мучительной смерти от нинвитов. Так стоял час, другой, третий. Время от времени все тот же стон и рычанье доносились до его

слуха, обдавая его потоком холодного пота... Так застала его заря. Тяжелые уступы каменной стены понемногу начали выступать из мрака. Все шире и шире расплзалась на востоке светлая полоса... Ветер ослабел. Вдали на море обозначилось ледяное поле, ушедшее уже версты за две от берега. Пополз туман. Настало утро...

Эвелхут опустил собаку, просунув ремень ей под брюхо. Его собственное тело казалось ему непосильной тяжестью. Он оглянулся вокруг мутным взглядом. Внизу, на опустившихся с отливом волнах, ударялись о скалу обломки нарты и шесть собачьих трупов. Три остальные куда-то пропали. Кверху, саженей на десять, крутой стеною вздымался каменный обрыв. Эвелхут снова посмотрел вниз.

— Прощайте, собачки. Больше вам не надо моего моржового жира.

Солнце взошло. При солнце человек становится силен и смел, как бы страшна ни была ночь. — Наверх! Эвелхут отрезал кусок ремня, связал своего последнего пса, крепко, как будто увязывал калаус — спинной мешок для дальней дороги — и взвалил его на плечи. — Товарища своего самого хорошего спасу. — Дальше ему осталось лишь вспомнить самые трудные приемы охоты на горных баранов.

Старики рассказывали, что когда бог людей украл себе в

Медведь крепко зажал
палку в зубах...

жены дочь начальника морского народа и спасался от его погони, он вынул нож, отрезал большой кусок от мыса Иль'ун и сделал из него сопку Морской Девки. Поэтому мыс Иль'ун словно ножом срезан. — Да, старики говорили верно. — И все же Эвелхут не терял надежды подняться. То он висел на руках, то, укрепившись кончиком ноги на каком-нибудь едва заметном выступе, прилипал всем телом к скале и осторожно шарил рукой, ища новой опоры. Подолгу закидывал ремень и поднимался по нему, каждую минуту рискуя сорваться. Он даже не слышал, как раза два все тот же страшный голос духов донесся с ветром. Наконец, с величайшим напряжением мысли, зрения, слуха и каждого мускула, он преодолел крутизну.

— Анто! — крикнул он обычное корякское приветствие, обращаясь к солнцу, которое уже высоко поднялось над морем. Лицо его было бледно, глаза лихорадочно блестели, мускулы словно оборвались все сразу. Он едва мог отойти на три шага от края обрыва и упал замертво. Собака так и осталась лежать связанная.

Прошло часа три, пока он очнулся. Сел, осмотрелся. Вспомнил все, что произошло.

— Один этот у меня остался. Один друг! — Посмотрел на Авахли и встретил покорно-страдальческий собачий взгляд.

Поскорее распустил ремень, притянул собаку к себе за мохнатые уши. — Что люди скажут... Скажут — гнилая голова у твоего хозяина. Какой он охотник. Ружье потерял, собак потерял, нарту потерял, добычу потерял... Биноколь потерял. — Каййе, Авахли! — Он спрятал лицо в густую собачью шерсть... — А Каманха, — каково ей будет слушать, как все смеются над ее женихом.

Да и не отдаст теперь старик Каманху.

И еще долго он сидел молча, тупо глядя в землю. Потом встал, машинально потянул за собой ремень. Поплелась и собака.

Вот оно страшное место: оленьи рогатые черепа лежат в куче, собачьи черепа, воткнутые на колья, глядят

пустыми глазами, многие еще торчат, другие свалились. Полуистлевшие собачьи шкуры. Деревянные стрелки, перевязанные ленточками с бусами, мешочки с табаком, чаем, с бисером. Все это разрыто, в беспорядке разбросано вокруг безобразного каменного изваяния — древнего Калака — злого духа этой скалы. Тупо и злобно он смотрит пустыми каменными впадинами на окружающую его смерть, и в огромной каменной пасти его видны прилипшие остатки мяса, следы крови и жира принесенных в жертву собак, оленей, а было время — и людей...

Эвелхут хотел уже идти дальше, как вдруг ему почудился чей-то тяжелый вздох. Он вздрогнул. Авахли зарычал, оскалил зубы, шерсть на загривке поднялась дыбом. — Нинвиты! — Но ведь солнце стоит над самой головой... Ну, и худое же место... Даже днем... — Гр-гр-гау-у — внезапно весь ошетинился Авахли. — Пропала собака, взбесилась, душу ее поймали. Сейчас и я... Что это? — Морской медведь!

Морда белого медведя высунулась из-за уступа скалы перед самым носом у разъяренной собаки. Эвелхут схватился за нож. Но взгляд у медведя был тупой, полумертвый. Он тяжело отвернул голову, сунулся носом в лапы.

— Помирает... — Эвелхут осторожно подошел, стал почти над самым медведем. Медведь лежал в каменной впадине, снег под ним был красный от крови. Эвелхут подобрал одну из валявшихся палок, подлиннее, потрогал медведя за ухом. — Хрр-ихх! — медведь резко метнулся, перевернулся, крепко зажал палку в зубах. Но это была его последняя хватка за жизнь. Он дернулся раз, другой, и опрокинулся навзничь, выставив напоказ свое распоротое во всю длину брюхо.

— Что это с ним? Или это морж так пропорол ему брюхо. Но ведь на нашем берегу вот уже третий год не видали моржей. И морских медведей совсем мало. — Эвелхут оглянулся, как бы ища ответа. Каменное лицо идола посмотрело на него попрежнему нагло и злобно. — О! — жертва Морского духа каменному Калаку. — Эвелхут

отпрянул назад, оттащил собаку за хвост и даже руки заложил за спину. Постоял еще немного с расширившимися глазами. — Убегать надо. Куда? — Он сунулся туда, сюда. Везде огромные нагромождения камней. — Не выпускают... Но вот он отыскал тропинку между острыми глыбами. Щебень был примят ногами редких посетителей этого страшного места. — Сюда, Авахли. — Эвелхут звал собаку дрожащим шопотом. Он присел за большой камень, прячась от невидимых духов. — Авахли, приبلудный выкидыш, сюда, скорее!

Собака прибежала. Морда ее была в крови. Эвелхут испуганно посмотрел на нее. — Что, он лизал кровь медведя, ел его жир. И живой вернулся!.. Эвелхут притянул собаку за шиворот, стал всматриваться ей в глаза. — Нет, и не бешеный. — Он отпустил собаку, поднялся и стоял в недоумении. Потом пошел по тропинке. Но снова остановился.

— Такая шкура здесь пропадает... У кого из наших есть белый медведь... У Аптарата, у Тнакуи, Муллиткиного брата, у Хаунто с Белой речки... И больше ни у кого... И вот если я... Авахли... моего самого хорошего товарища... принесу в жертву... духам... Они простят... Сердце Эвелхута сжалось. Он отпихнул ногой ласкавшуюся к нему собаку. Хотел пойти, но обернулся назад. Медведь отсюда был хорошо виден: огромный, шерсть добрая... — Скажут: — храбрый, сильный, ловкий. Такого один убил. Пускай потерял много, чуть сам не погиб. Зато добыча какая. Все говорить будут про него. Каманха будет гордиться своим женихом. Он скажет, что медведь вынырнул около самой нарты, но он убил его с одного выстрела... А духам он отдаст своего Авахли... За такую жертву они ничего не делают... и будут молчать... Морской дух не узнает. А каменный Калак получит такую хорошую собаку... Да... Авахли... Он пошел на-

Он надрезал собаке горло, поддел за прорез на кол. Голова собаки остеклевшими глазами уставилась в небо...

зад кидолу, выбрал кол из валявшихся —

потолще, остро застрогал с обоих концов, воткнул в землю, сделал наклон к востоку.

Не глядя на собаку, он каким-то шестым чувством все время ясно сознавал где и в каком положении она находится. И вот, окончив все приготовления, он стремительно обернулся, одной рукой выдернул нож, другой схватил собаку за шею и точно, без малейшей ошибки, всадил нож прямо в сердце своему другу. Бедный Авахли не успел даже пискнуть. Нож и собачий труп упали к ногам Эвелхута, а сам он стоял, как оглушенный.

— Убил...

Его движения стали вновь размеренными и обдуманними. Он надрезал собаке горло, поддел за прорез на кол. Голова собаки остеклевшими глазами уставилась в небо. Посмотрел с минуту на идола. Потом подошел к медведю. Привычными движениями стал снимать шкуру, соскоблил жилы и жир и в голове над левым глазом проделал кончиком ножа дырку — как будто от пули. Свернул шкуру, опутал ремнем, приспособил лямку и с трудом поволок тушу медведя к морскому обрыву. Спихнул в море. Обошел подальше жертвенное место, не глядя на него. Взяли шкуру на плечи и быстрыми шагами, не оглядываясь, направился к тропинке. По тропинке он бежал, падал, разбил и исцарапал ноги, разорвал обувь. — Гонятся... Вот сейчас поймают... Отнимут медведя... Разорвут меня... Живым съедят...

Но вот из-за последней груды камней показалась ровная тундра. Вдали — березняк. Еще дальше — сопки. Вон и Медвежья сопка видна. Под ней протекает родная река Кчига. Там Вороний поселок. Землянка Эмленвиля. Там Каманха. Страх сразу прошел. Эвелхут перевел дух. Пошел ровным шагом. Напрямик по тундре. Игги было трудно. Снег не держал. Ноша была тяжелая. Но он шел. Шел и думал: — Ничего не сделали... Собаку отдал... самую хорошую.

Вспомнилась первая поездка. Эвелхут — задорный мальчик, звонким голосом крикнул на собак и замахивается остолом. Авахли еще совсем щенки, пугливо настораживает длинные мохнатые уши и неумело подпрыгивает в упряжке, едва поспевая за другими собаками. Вспомнилась голодный год. Летом совсем не было рыбы. Зимой нечего было есть и собак кормить тоже нечем. Люди и собаки умирали. Эвелхут на пяти собаках поехал за мясом к троюродному дяде Хотыргыну, богатому оленеводу. По дороге застигла пурга. Четыре дня Эвелхут сидел в сугробе. Когда встал, не было видно ни собак, ни нарты. Отрыл, — четыре собаки замерзли. Жив остался только Авахли.

Вдвоем с Авахли они едва тащили нарту. Авахли нюхал воздух и к вечеру привел на стойбище Муллитки косоного. Если бы не привел, Эвелхут замерз бы ночью. У Муллитки Эвелхут лежал больным до новой луны... Гонки на собаках во время веселого, сытного праздника тюленей. Три года назад, на празднике у Тальпываля, Эвелхут взял лучший приз, — шкурку лисицы-сиво-лушки «1 сорт». Как хорошо работал тогда Авахли! Тальпываль хотел дать за него целую упряжку собак. Он сказал: — У тебя самый хороший передовой. Собаки слушаются его как люди самого умного шамана...

— И вот теперь отдал товарища духам... жалко Авахли...

Солнце опустилось совсем низко. Зашло. Стемнело. Эвелхут решил идти берегом. Узкий серп новой луны показался над морем. — Не успею до ночи. Скоро спать лягут.

Был уже совсем поздний час, когда Эвелхут пришел в Вороний поселок.

Бум-бум-дзень дррр...

Бум-бум-бум-дрр-дзень-дзень...

— Это из нашей юрты. Тетка, наверное, шаманит обо мне.

Да, это старуха Чачуч, старшая сестра Эмленвиля, шаманила — спрашивала у духов, что случилось с их молодым зятем. И все в страхе ждали ответа.

Эвелхут взобрался на землянку. Дымовое отверстие было заложено морской травой, как всегда во время шаманства. Во время шаманства входить нельзя. Он лег на крыше, стал ждать и слушать.

— Кейнно-о-онны-ынны-а анын к и-и-вгы, Апа-а-апкай.

Старуха пела долго, протяжно... Но вот она стала рассказывать:

— Худо... умрет наверно... Недоброе говорят... Не хотят помочь... Не придет... Не спасется...

— Кейнно-о-оннын.

— Тынамалаткы! (врет!) — гневно крикнул Эвелхут, разбросал траву, доски и бросил в юрту медвежью шкуру.

— О-ой! Ги-ги-ги!

Старуха вскрикнула резко, неистово. Захрипела. В темноте слышался

глухой удар упавшего тела. Дзень — жалобно звякнул откатившийся бубен. Минуту, две в землянке стояла мертвая тишина. Потом зашевелились, зажгли огонь. Эвелхут спустился вниз. Лежавшую без движения старуху огнесли в спальный полог...

Про Эвелхута рассказывали, как про самого смелого и ловкого морского охотника. Он стал зятем Эмлен-

виля и хозяином в юрте.

Веселая Каманха, укачивая своего балованного первенца, нашептывала ему интересную сказку:

— Жил храбрый охотник. Однажды льды его чуть-чуть не унесли в теплое море. Но его любил Морской Дух. Он спас его. Привел к морскому народу. Что он там видел!.. Потом Морской Дух отпустил его с богатым подарком. Он подарил ему красивую шкуру морского медведя. С тех пор этому охотнику всегда бывает большая удача на морском промысле... — Это твой отец, — заканчивала она. — И ты тоже

будешь таким, когда вырастешь.

А старая шаманка Чачуч, с того дня, когда так неудачно

кончилось ее шаманство, потеряла силу. У нее ушла половина души. Левая половина ее лица скосилась. Левая рука обвисла, как тряпка, и левая нога волочилась, как мертвая. Эмленвиль часто вздыхал: — Никому не передала Чачуч свою силу. Не будет теперь шамана в нашем роде.

А бравый и возмужалый Эвелхут всегда отвечал ему на это с насмешливой улыбкой: — И хорошо. И не надо. Не шибко нужны люди эти, шаманы...

ПРОВЕДЕНИЕ ЕПИСКОПА

Юмористический рассказ П. Г. ВУДХАУЗА

Перевод АННЫ БОНДИ

Иллюстрации Ч. КРОМБИ

Наиболее популярный в Англии писатель-юморист П. Г. Вудхауз героями своих рассказов берет обычно министров, лордов, епископов, священников и выставляет их в смешном виде, издевается над снобизмом, над светскою условностью, показывает в непривлекательном виде бездельников из высшего и среднего класса Англии, и вызывает невольный смех комическими положениями, в которые ставит своих персонажей.

Еще одно воскресенье приближалось к концу и мистер Мелинер вошел в зал кабинета «Отдых Рыболова» с блестящим цилиндром на голове, вместо обычно украшавшей эту голову поношенной старой широкополой шляпы. Сопоставив это обстоятельство с тем, что на нем был строгий черный костюм и что он заказал «горячее шотландское» с лимоном очень благочестивым голосом, я вывел заключение, что он присутствовал на вечернем богослужении.

— Хорошая была служба? — спросил я.

— Хорошая. Новый викарий говорил проповедь. Он, кажется, симпатичный молодой человек.

— Кстати, о викариях, — сказал я. — Я часто спрашивал себя, что случилось с вашим племянником, о котором вы мне недавно рассказывали?

— С Августиним?

— С тем, который принимал средство «Будь молодцом!»

— Это был Августин. И я очень рад и не мало тронут, — сказал сия мистер Мелинер, — что вы вспомнили простенький анекдот, который я рассказал. В этом замкнувшемся в себе мире не всегда находишь таких расположенных слушателей. Да и тека мне вспомнить, на чем мы оставили Августина?

— Он как раз сделался секретарем епископа и переселился к нему во дворец.

— Ах, да. Так вот прошло шесть месяцев с того периода жизни Августина, о котором вы упомянули. Отсюда мы сегодня и начнем.

В обычае доброго епископа страдфордского, — он так же, как и все духовные сановники нашей церкви, любил труд, — в обычае его было отправляться к исполнению своих обязанностей (сказал мистер Мелинер) в веселом и игривом настроении. Обычно, когда он входил в свой рабочий

кабинет, чтобы ознакомиться с корреспонденцией, пришедшей во дворец с первой почтой, на лице его сияла улыбка и, весьма вероятно, что на губах был отрывок какого-нибудь веселого псалма. Но в то утро, когда начинается наш рассказ, наблюдатель заметил бы, что на лице епископа было озабоченное, даже мрачное выражение. Подойдя к двери кабинета, он остановился в нерешительности, точно ему неприятно было входить. Потом, с заметным усилием, забрав себя в руки, он открыл дверь.

— Доброе утро, Мелинер, мой мальчик, — сказал он.

Августин весело поднял голову от груды писем, которые распечатывал.

— Да здравствует «епископ»! ¹ Как сегодня лумбаго?

— Я нахожу, что боль значительно уменьшилась, благодарю вас, Мелинер, — да, фактически боли почти уже нет. Эта хорошая погода, кажется, приносит мне пользу. Потому что вот зима уже прошла. Цветы показались на земле; время пения настало и голос горлицы слышен в стране нашей. Песнь Песней Соломона, глава II, ст. 11, 12.

— Ловко сказано, — воскликнул Августин. — Ну, а в этих письмах пока нет ничего интересного. Приходский священник св. Биовульфа в Весте хотел бы знать, как насчет каждения?

— Напиши ему, что не надо.

— Слушаюсь.

Епископ беспокойно поглаживал свой подбородок. Казалось, что он собирается с духом, чтобы покончить с чем-то неприятным.

— Мелинер, — сказал он.

— Ну, что?

— Ваше упоминание слова «священник» служит намеком на то дело, которое мы

¹ Прим. перев.: секретарь называет епископа фамильярно — сокращенно. По-английски: Bish вместо Bishop.

вчера с вами обсуждали — дело об освобождении — приходе в Стиппль Меммери.¹

— Да? — радостно произнес Августин. — Я попадаю?

Гримаса страдания исказила лицо епископа. Он печально покачал головой.

— Мелинер, мой мальчик, — сказал он, — Вы знаете, что я смотрю на вас, как на сына, и, будь я предоставлен собственной инициативе, я, не задумываясь, дал бы вам этот свободный приход. Но тут возникло непредвиденное осложнение. Незадолгий юноша, моя жена предписала мне, чтобы я отдал этот пост одному из ее двоюродных братьев. Этот молодчик, — с горестью сказал епископ, — блеет как овца и не умеет отличить стихаря от покрывала на престоле.

Было вполне естественно, что Августин испытывал минутную боль разочарования. Но он был и Мелинер, и спортсмен.

— Не думайте больше об этом, епископ, — сказал он приветливо. — Я вполне понимаю. Не скажу, чтобы я не рассчитывал на этот приход, но я не сомневаюсь, что у вас через минутку будет другое свободное место.

— Вы знаете, что это значит, — сказал епископ, опасливо озираясь, чтобы убедиться, что дверь закрыта. Лучше жить в углу на кровле, нежели со сварливой женой в просторном доме. Притчи Соломона глава XXI, ст. 9.

— Непрестанная капель в дождливый день и сварливая жена — равны. Притчи Соломона гл. XXVII, ст. 15, — согласился Августин.

— Совершенно верно. Как вы меня хорошо понимаете, Мелинер!

— Ну, а пока, — сказал Августин, протягивая епископу письмо, — вот тут есть нечто, требующее внимания. Это пишет птица по имени Тревор Энтвистль.²

— Да? Это мой школьный товарищ. Он теперь заведующий школой в Харчестере. Это заведение, в котором мы оба получили первоначальное образование. Что же он пишет?

— Он хочет знать, не поедете ли вы туда на несколько дней для открытия статуи, которую они только что поставили лорду Хемелю Хемпстедскому.

— Это также мой школьный товарищ. Мы звали его — «Жирный».

— Внизу страниды есть post scriptum. Он пишет, что у него еще сохранилась дюжина портвейна 87 года.

Епископ поджал губы.

— Эти земные соображения не имеют для меня такого большого значения, как, очевидно, предполагает старик «Мясо для кошки»..., то есть преподаватель Тревор Энтвистль. Но, как бы то ни было, нельзя пренебрегать призывом милой, старой школы. Мы, конечно, поедем.

— Мы?

— Мне понадобится ваше присутствие. Я думаю, что вам понравится Харчестер,

Мелинер. Благоприятное звание, воздвигнутое седьмым Генрихом.

— Я хорошо знаю его. Там учится один из моих братьев.

— Правда? Подумать только, — мечтательно говорил епископ, — что прошло, должно быть, лет двадцать и даже больше с тех пор, как я в последний раз посетил Харчестер. Мне будет приятно снова увидеть старые, знакомые картины. В конце концов, Мелинер, на какую высоту мы бы ни возносились, как ни велики были бы награды, которыми осыпала нас жизнь, мы никогда не теряем вполне своих чувств к нашей милой, старой школе. Это наша alma mater, Мелинер, нежная мать, направившая наши робкие шаги на...

— Совершенно верно, — сказал Августин.

— И, становясь старше, мы убеждаемся, что никогда не сможем вернуть былую, беспечную веселость наших школьных дней. Жизнь не была тогда сложной, Мелинер. В этом счастливым периоде жизни не приходилось разрешать никаких вопросов. Перед нами не вставало необходимости разочаровывать наших друзей...

— Послушайте-ка, епископ, — весело сказал Августин, — если вас все еще мучает этот приход, так вы забудьте про него. Посмотрите на меня. Ведь я превеселый, правда?

Епископ вздохнул.

— Я хотел бы иметь вашу ясную невозмутимость, Мелинер. Как вы этого достигаете?

— О, я всегда улыбаюсь и каждый день принимаю средство «Будь молодцом»!

— Средство «Будь молодцом»?

— Это — укрепляющее средство, изобретенное моим дядей Вильфредом. Действует магически.

— Я должен буду попросить у вас дать мне попробовать это средство в один из ближайших дней. Потому что, Мелинер, жизнь как-то стала мне казаться немножко серой. Но чего ради, — продолжал епископ раздраженным тоном, говоря наполовину про себя, — захотели они поставить статую старине Жирному, — этого я просто не могу понять! Молодчик, который бросал в людей чернильные стрелы. Но как бы то ни было, — сказал он, обрывая этот ход мыслей, — об этом уж нечего рассуждать. Если Педагогический Совет Харчестерского Колледжа решил, что лорд Хемель Хемпстедский заслужил статую своими трудами на пользу общества, нам нечего к этому придираться. Напишите мистру Энтвистлю, Мелинер, и скажите, что я с удовольствием принимаю приглашение.

Хотя, как епископ и говорил Августину, прошло полных двадцать лет с тех пор, как он в последний раз посетил Харчестер, но, к некоторому своему удивлению, он нашел, что никаких — или очень мало — перемен произошло в самих зданиях, в садах и в персонале школы. Все это казалось ему почти точно таким, как в тот день, сорок три года тому назад, когда он впервые пришел сюда новичком.

¹ Прим. перев.: Стиппль Меммери — в буквальном переводе значило бы «Колокольня Лидемерия».

² Энтвистль — в переводе «Насвистыватель».

Та же лавочка с лакомствами, где он проворным мальчуганом с костлявыми локтями так часто толкался, чтобы пробраться поближе к прилавку и схватить сэндвич с вареньем в одиннадцатичасовую перемену. Те же бассейны, пять дворов, площадки для футбола, библиотека, зал для гимнастики; тот же гравий, каштановые деревья, все точь-в-точь такое, как в те дни, когда его познания об епископах ограничивались тем, что они носят на своих шляпах шнуры для сапог.

Единственная перемена, которую он нашел, это, что на треугольнике из дерна перед библиотекой был воздвигнут гранитный пьедестал, над которым возвышалось нечто бесформенное, закутанное в большое покрывало — статуя лорда Хемеля Хемпстедского, которую он прискакал сюда открывать.

И попутно с тем, как продолжался его визит, его начало охватывать какое-то волнение, которое не поддавалось анализу.

Сначала он подумал, что это естественная сентиментальность. Но, если так, не было ли бы его волнение более приятным? Дело в том, что ощущения его были не лишены неприятной примеси. Как-то, обогнув угол здания, он наткнулся на капитана футбола во всем его великолепии и у него явилось отвратительнейшее чувство страха и стыда, которое заставило дрожать его ноги в гатрах, точно они были из желе. Капитан футбола почтительно снял свой головной убор, и чувство это исчезло так же быстро, как и родилось. Но не так быстро, чтобы епископ не успел его узнать. Это было точь-в-точь чувство, которое он испытывал сорок лет назад, когда, тихонько убегая от футбольных упражнений, он встречал кого-нибудь из начальства.

Епископ был смущен. Точно какая-то фея коснулась его своей волшебной палочкой, уничтожая прошедшие годы и превращая его снова в мальчишку с выпачканным чернилами лицом. Иллюзия эта крепла с каждым днем и этому способствовало еще постоянное общество преподобного Тревора Энтвистля. Юный Энтвистль, по прозванию «Мясо для кошки» был особенно близким другом епископа в Харчестере и наружно он как будто бы совсем не изменился с тех пор. Епископ был неприятно поражен, когда, на третий день после своего приезда, войдя в кабинет заведующего, увидел Энтвистля в кресле заведующего в форменном одеянии и в шапочке. Ему показалось, что «Мясо для кошки» пустился на самый ужаснейший риск, чтобы удовлетворить преступное желание пошалить. А если «старик» войдет и накроет его!

Все это, вместе взятое, заставило епископа свободно вздохнуть, когда настал день открытия памятника.

Но самую церемонию он нашел утомительной и неприятной. Лорд Хемель Хемпстедский не пользовался его расположением в их школьные дни, и было нечто в высшей степени неприятное в том, что ему приходилось говорить трескучие фразы в похвалу ему.

К этому прибавилось еще то, что у него с самого начала торжества сделался приступ страха, испытываемого артистами на сцене. Он помимо своего желания должен был все время думать о том, что он похож на ужаснейшего осла, стоя перед всем этим народом и разглагольствуя. Он все время ждал, что один из префектов школы среди его слушателей выйдет, хватит его по голове и скажет ему, чтобы он перестал быть смешным поросенком.

Но такой катастрофы все же не произошло. В действительности речь его имела значительный успех.

— Мой дорогой епископ, — сказал старый генерал Блэденеф¹, председатель Педагогического Совета Колледжа, пожмая ему руку, когда закончилось открытие памятника. — Ваше прекрасное красноречие свело мои слабые попытки на нет, свело их на нет, на нет. Вы были поразительны. —

— Очень благодарен, — бормотал епископ, краснея и переступая с ноги на ногу.

Усталость, охватившая епископа, в результате продолжительной церемонии, казалась увеличивавшаяся с течением дня. К тому времени, как он очутился после обеда в кабинете заведующего, епископ был во власти сильной головной боли.

Преподобный Тревор Энтвистль тоже казался обессиленным.

— Такие события немножко утомляют, епископ, — сказал он, скрывая зевоту.

— Да, действительно, заведующий.

— Даже портвейн 87 года оказался бес- сильным подкрепить нас.

— Совершенно очевидно бессильным. Хотел бы я знать, — вдруг осенила епископа мысль, — не могла ли бы маленькая порция «Будь молодцом» прогнать нашу усталость? Это какое-то укрепляющее средство, которое обычно принимает мой секретарь. Нет сомнения, что оно приносит ему пользу. Я никогда не видал более живого и крепкого молодого человека. Что, если мы попросим вашего домоправителя пойти к нему в комнату и взять у него бутылку. Я уверен, что он с восторгом даст ее нам.

— Конечно.

Домоправитель, посланный в комнату Августина, вернулся с бутылкой, наполовину полной густой темной жидкостью. Епископ внимательно рассмотрел бутылку.

— Я вижу, что тут нет никаких указаний относительно дозы приема, — сказал он. — Но я не хочу больше беспокоить вашего домоправителя, который, конечно, уже вернулся в свою комнату и снова уютно устроивается, чтобы заслуженно отдохнуть после более, чем обычно утомительного и беспокойного дня. Что, если мы положимся на собственное суждение?

— Конечно. А это средство противно на вкус?

Епископ осторожно лизнул пробку.

— Нет. Я бы не сказал, что оно противно. Вкус, хотя и совершенно особенный,

¹ Прим. перев.: Блэденеф — в переводе: Довольно крови.

не похожий ни на что другое и даже удивительный, ни в коем случае не неприятен. — Так выпьем каждый по бокалу.

Епископ налил жидкость в два внушительных винных бокала и друзья сидели, серьезно потягивая напиток.

— Это очень вкусно, — сказал епископ.

— Замечательно вкусно, — подтвердил заведующий.

— Оно точно огонь проходит через вас.

— Ощутительным огнем.

— Еще немножко, заведующий?

— Нет, благодарю вас.

— Ну, выпейте.

— Так, только капельку, епископ, если вы настаиваете.

— Это очень вкусно, — сказал епископ.

— Замечательно вкусно, — сказал заведующий.

Теперь вы, слышавшие рассказ о прежних приключениях Августина, знаете, что мой брат Вильфред изобрел это средство первоначально с той целью, чтобы снабжать индусских раджей специфическим лекарством, которое заставляло бы их слонов с веселым хладнокровием встречаться в джунглях с тиграми. И он прописывал, как среднюю дозу для взрослого слона, чайную ложку, смешанную с его утренним кормом. Неудивительно поэтому, что, выпив этой смеси по два бокала каждый, и епископ, и заведующий стали испытывать заметную перемену в своих взглядах на жизнь.

Усталость покинула их, а вместе с ней и подавленность, которая еще несколько минут назад лежала на них такой тяжестью. Оба испытывали необычайное чувство приятной веселости, и странная иллюзия очень ранней юности, которая преследовала епископа со времени его приезда в Харчестер, была теперь сильнее прежнего. Он чувствовал себя весьма молодым и буйным юношей лет пятнадцати.

— Где спит ваш домоправитель, «Мясо для кошки»? — спросил он после минутной задумчивости.

— Не знаю. А что?

— Я только думаю, что было бы забавно пойти и поставить у его двери капкан.

Глаза заведующего заблестели.

— Да, не правда ли? — сказал он.

Они подумали минутку. Потом заведующий захихикал.

— Чего вы смеетесь? — спросил епископ.

— Я только вспомнил, каким вы выглядели сегодня восхитительным ослом, когда говорили всю эту чепуху про Жирного.

Несмотря на всю веселость епископа, он слегка нахмурил свой прекрасный лоб.

— Было довольно трудно говорить в эпических выражениях, — да, в настоящих

эпических выражениях про человека, о котором мы оба знаем, что он был бездельником, какого не могло быть хуже. Кем это теперь стал Жирный, что ему воздвигают статую?

— Ах, он кажется теперь государственный деятель, — сказал заведующий, бывший человеком благожелательным.

— Вот именно этим-то он и должен был быть, — проворчал епископ. — Лезет вперед! Если я когда-нибудь кого-нибудь не переносил, так это — Жирного.

— Я тоже, — согласился заведующий. — Как он отвратительно смеялся. Точно клей, льющийся из ведерка.

— Если помните, он был жадным маленьким животным. Один из служивших у них в доме рассказал мне как-то раз, что он съел три бутерброда с намазанной на них сапожной ваксой после того, как кончил тушеное мясо.

— Между нами говоря, я всегда подозревал, что он таскает булочки в школьной лавке. Я не хочу необдуманно обвинять, не имея настоящих улик, но мне всегда казалось в высшей степени странно, что какое бы ни было время учебного года и как бы ни были стеснены обстоятельства других учеников, мы никогда не видели Жирного без его булочки.

Епископ наклонился вперед и поднял голос.

— «Мясо для кошки.»

— Что?

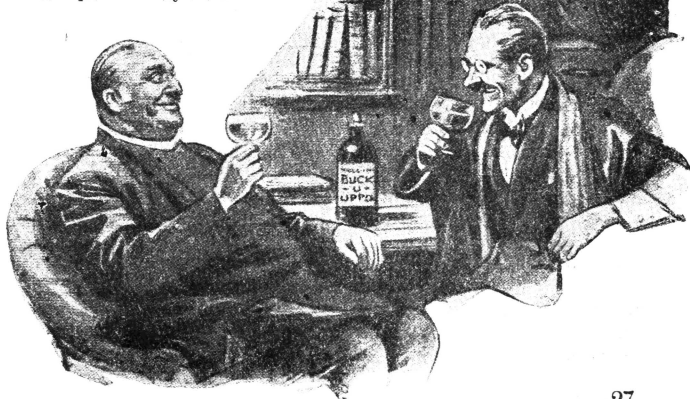
— Знаете, что?

— Нет, а что?

— Вот, что нам следовало бы сделать: подождать часов до двенадцати, когда никого не будет поблизости, потом выбраться и выкрасить статую в голубой цвет.

— Это очень вкусно, — сказал епископ.

— Замечательно вкусно, подтвердил заведующий.

— Почему не в розовый?
— Ну, в розовый, если вы предпочитаете...
— Розовый—славный цвет.
— Да, очень славный.
— К тому же я знаю, где я могу пользоваться розовой краской.
— Вы знаете?
— Целую массу розовой краски.
— Да будет мир в стенах твоих, «Мясо для кошки», благоденствие в чертогах твоих. «Псалмы, СХХI, ст. 7».

Когда спустя два часа епископ бесшумно закрывал за собой дверь, ему казалось, что Провидение, всегда стоящее на стороне правых, превзошло себя в своих усилиях, чтобы это его маленькое предприятие было успешно. Все условия для окраски статуи были благоприятны. Дождь, шедший весь вечер, перестал. А луна, которая могла стать помехой, весьма кстати спряталась за облаками.

Относительно людского вмешательства им нечего было опасаться. Нет более пустынного места, чем школьные сады после полудня. Статуя Жирного с таким же спокойствием могла бы стоять в центре Сахары. Епископ и заведующий влезли на пьедестал и с помощью кисти скоро выполнили то, что повелевало им чувство долга. И только тогда, когда они, осторожно ступая, чтобы никто не услышал их шагов по гравию, снова достигли парадной двери, произошло нечто, нарушившее гармонию их действий.

— Чего вы остановились? — прошептал епископ, когда его спутник задержался на верхней ступени.

— Полсекунды, — сказал заглушенным голосом заведующий. — Может быть он в другом кармане.

— Кто?

— Мой ключ.

— Вы потеряли ключ?

— Кажется, потерял.

— «Мясо для кошки», — со строгим упреком сказал епископ, — я в последний раз выхожу с вами красить статую.

— Я должно быть уронил его где-нибудь.

— Что же мы будем делать?

— Есть еще надежда, что окно в чулан открыто.

Но окно в чулан не было открыто. Осторожный, усердный и преданный своим обязанностям домоправитель, уходя на покой, запер окно и закрыл ставни. Дом оказался недоступным для епископа и заведующего.

Но правду говорят, что уроки, которые мы учим в дни нашей юности в школе, готовят нас для жизненных задач в более широком мире, вне школьных стен. Из тумана прошлого выскользнуло и возникло в уме епископа неожиданное воспоминание:

— «Мясо для кошки!»

— Ну, что?

— Если вы не наделали в этом месте всяких перемен и улучшений, так сюда должна быть водосточная труба, которая ведет к одному из окон наверху.

Память не изменила ему. В плюще действительно пряталась труба, вверх и вниз по которой он лазил круглыми мальчуганом в 86 году, когда убежал из школы, чтобы поплавать ночью в реке.

— Полезайте наверх, — сказал епископ коротко.

Заведующего не нужно было уговаривать. И оба, не теряя времени, стали взбираться по трубе.

Как раз, когда они добрались до окна, и как раз после того, как епископ сообщил своему старому другу, что если он еще раз хватит его ногой по голове, так он попомнит это, — окно неожиданно раскрылось.

— Кто это? — спросил звонкий молодой голос.

Заведующего это застало совершенно врасплох. Хотя освещение и было тусклое, но он ясно видел, что человек, высунувшийся в окно, держал наготове палку для гольфа весьма неприятного вида. Первым его движением было назвать себя, освободить себя таким образом от подозрения и доказать, что он не вор, за которого, повидимому, приняли его. Но потом ему пришли в голову некоторые обстоятельства, которые мешали ему объявить свою личность, и он молча висел на трубе и не мог придумать следующего подходящего движения.

Епископ был человек более находчивый.

— Скажите ему, что мы — две кошки, принадлежащие кухарке — шепнул он.

Мучительно было такому до мелочей правдивому и честному человеку, как заведующий, опуститься до такой лжи. Но это казалось единственным возможным способом.

— Отлично, — сказал он, стараясь придать голосу тон легкой веселости. — Мы — две кошки.

— Кошачьи воры?

— Нет. Просто обыкновенные кошки.

— Принадлежащие кухарке, — подсказал снизу епископ.

— Принадлежащие кухарке, — добавил заведующий школой.

— Понимаю, — сказал человек у окна. — Ну, в таком случае полезайте сюда!

Он отступил от окна, чтобы дать им возможность пролезть. Епископ, артист в душе, благодарно мяукал проходя, чтобы придать обману достоверность. Потом он направился в ответвленную ему спальню в сопровождении заведующего. Эпизод, повидимому, был исчерпан.

Но, несмотря на это, заведующий испытывал некоторое беспокойство.

— Как вы думаете, он, действительно, поверил, что мы кошки? — спросил он озабоченно.

— Я не совсем-то уверен, — ответил епископ, но я думаю, что мы обманули его беспечностью нашего поведения.

— Да, я тоже думаю. Кто это был?

— Мой секретарь. Молодой человек, про которого я говорил. Это он дал нам это удивительное средство

— О, тогда все хорошо. Он не выдаст вас.

— Нет. И ничто другое не может навести на подозрение. Мы не оставили никаких улик.

— Все-таки,—задумчиво сказал заведующий,—я начинаю думать, было ли в полном значении этого слова справедливо, что мы выкрасили эту статую.

— Но кто-то, ведь, должен был это сделать,—решительно сказал епископ.

— Да, это верно,—согласился заведующий и повеселел.

Епископ долго спал на следующее утро и ел в кровати свой скромный завтрак. День, так часто приносящий с собой угрызения совести, не имел на него такого действия. Он не испытывал никакого раскаяния и только думал теперь, когда все было кончено, что голубая краска произвела бы большее впечатление. Но его старый друг так стоял за розовую краску, что ему, как гостю, было бы трудно не исполнить желания принимавшего его у себя хозяина. Но голубой цвет все-таки больше бросался бы в глаза.

Раздался стук в дверь и вошел Августин.

— С добрым утром, пискоск.

— С добрым утром, Мелинер,—приветливо сказал епископ. — Я немножко поздно залежался сегодня.

— Послушайте, пискоск, с некоторым беспокойством спросил Августин,—вы приняли очень большую дозу «Будь молодым» вчера вечером?

— Большую? Нет. Насколько я вспоминаю, совсем маленькую. Всего два полных обыкновенных бокала.

— Да неужели?

— Почему вы спрашиваете, мой милый?

— Ах, ничего. Особенной причины у меня нет. Мне просто показалось немножко странным, как вы вели себя на водосточной трубе, вот и все.

Епископ почувствовал некоторое огорчение.

— Так вы проникли в наш... гм... невинный обман?

— Да.

— Я пошел немножко прогуляться с заведующим,—объяснил епископ,—и он куда-то задевал ключ. Как прекрасна ночью природа, Мелинер! Темное, бездонное небо... легкие дуновения ветерка, точно шепчущие

Епископ и заведующий школой с увлечением красили в розовую краску статую Хемеля.

вам на ухо какие-то секреты... запах всяких растущих...

— Да,—сказал Августин. Он помолчал.— Целый скандал сегодня. Оказывается, что кто-то выкрасил этой ночью статую лорда Хемеля Хемпстедского.

— Правда?

— Да.

— Ну, чтож,—терпимо сказал епископ,—мальчики всегда мальчики.

— Это очень таинственная история.

— Без сомнения. Но, в конце концов, Мелинер, разве не вся наша жизнь тайна?

— А что еще более делает эту историю таинственной, это, что на голове статуи нашли вашу шляпу.

Епископ привскочил.

— Как?

— Именно вашу.

Мелинер, — сказал епископ, — оставьте меня. Есть один или два вопроса, над которыми я хочу подумать.

Он стал торопливо одеваться и его онемелые пальцы долго возились с гетрами. Теперь он все вспомнил. Да, он помнил, что одел шляпу на голову статуи. В ту минуту казалось, что это очень хорошо, и он сделал это. Как мало мы предвидим, что наши самые обыкновенные поступки могут иметь последствия!

Заведующий был в школе и преподавал шестую форму в греческих дополнительных предложениях. Епископу пришлось ждать до двенадцати часов тридцати минут, когда звонок зазвенел для отдыха на полпути дневной работы. Он стоял у окна кабинета, ожидая с плохо скрытым нетерпением, и, наконец, заведующий появился, тяжело шагая, как человек, на совесть которого что-то давит.

— Ну что? — крикнул епископ, когда тот вошел в кабинет.

Заведующий сбросил шапочку и одеяние, в котором он сидел в классе, и бессильно опустился на стул.

— Не могу понять, — простонал он, — во власти какого безумия был я прошлую ночь.

Епископ был потрясен, но он не мог перенести такого отношения к событиям.

— Я не понимаю вас, заведующий, — сказал он холодно. — Нашим долгом было выкрасить статую. Это был протест против несправедливого восхищения человеком, про которого мы оба знаем, что он был пренебрежительнейшим школьным товарищем.

— И долгом вашим тоже, вероятно, было оставлять шляпу на голове статуи?

— Ну, что ж, — сказал епископ, — я, конечно, мог зайти немножко далеко. — Он кашлянул. — А разве это, быть может, немного необдуманное действие, вызвало подозрение людей авторитетных?

— Они не знают, что им думать.

— А какого мнения держится педагогический Совет?

— Они настаивают на том, чтобы я нашел виновного. Они грозят самыми серьезными последствиями, если мне не удастся этого сделать.

— Вы хотите сказать, что они лишат вас места заведующего?

— Они на это-то и намекают. Меня просят подать в отставку. А если это случится, так конец моим надеждам стать епископом.

— Ну, тоже не всегда сладко быть епископом. Вам бы это не доставило удовольствия, «Мясо для кошки».

— Вам, конечно, очень хорошо говорить. Это вы меня втянули в это, глупый осел.

— Это мне нравится! Вас это заняло так же точно, как и меня.

— Вы предложили это.

— Ну, а вы сразу ухватились за предложение.

Оба взволнованно смотрели друг на друга, и казалось, что сейчас произойдет серьезная битва. Первым овладел собой епископ.

— «Мясо для кошки» — сказал он со своей удивительной улыбкой и взял заведующего за руку, — это недостойно нас. Мы не

должны ссориться. Мы должны соединенными силами подумать, нет ли выхода из несчастного положения, в которое, как бы ни были основательны причины, мы очевидно поставили себя. А что если...

— Я уже думал об этом, — сказал заведующий. — Это не привело бы ни к чему. Конечно, мы могли бы...

— Нет, и это не имеет смысла, — сказал епископ.

Они некоторое время сидели, погружившись в сосредоточенное молчание. И тут открылась дверь.

— Генерал Блоденеф, — объявил домоправитель.

— О, кто дал бы мне крылья, как у голубя, — Псалом, LIV ст. 7, — пробормотал епископ.

Едва ли можно было считать неблагоразумным его желание унести с этого места со всей возможной быстротой.

Генерал сэр Гектор Блоденеф, кавалер множества орденов, выйдя в отставку, много лет до своего окончательного возвращения в Англию заведывал тайной полицией в Западной Африке, где его проникательность без промаха заслужила ему от туземцев прозвище Вах-Нах-Бгош-Бджинго, — что в вольном переводе означает: «Большой начальник, который видит через дыру в сыром орехе».

Человек, — обмануть которого невозможно. Епископ никак не мог желать, чтобы такому человеку поручили вести расследование дела.

Генерал вошел, гордо выступая. У него были проникательные голубые глаза под торчащими белыми бровями; епископ нашел его взгляд слишком сверлящим, чтобы быть приятным.

— Нехорошее это дело, — сказал генерал. — Нехорошее дело. Нехорошее дело.

— Да, действительно, — проронил епископ.

— Возмутительно нехорошее дело. Возмутительно. Возмутительно. Вы знаете, что мы нашли на голове этой статуи, а? Этой статуи, этой статуи, этой статуи? Вашу шляпу, епископ. Вашу шляпу. Вашу шляпу.

Епископ сделал попытку ободриться. Мысли его кружились в каком-то вихре, потому что привычка генерала повторять все по три раза производила на него такое впечатление, что проделка этой ночи казалась ему теперь вдвое хуже. Он уже видел себя избалованным в том, что выкрасил три статуи тремя ведерками розовой краски и что надел на каждую статую из этого трио по шляпе. Но епископ был сильный мужчина и сделал и тут все, что мог.

— Вы говорите, моя шляпа, — возразил он с раздражением. — Почему вы знаете, что это моя шляпа? Сотни епископов могли слоняться прошлой ночью в школьных садах.

— Наши на ней ваше имя. Ваше имя. Ваше имя.

Епископ ухватился за ручки кресла, в котором сидел. Глаза генерала пронизывали его насквозь, и с каждой минутой он все больше и больше чувствовал себя, как кро-

лик, имевший несчастье привлечь внимание змеи. Он уж был готов заявить, что падпись в шляпе была подделкой, когда раздался стук в дверь.

— Войдите, — закричал заведующий, сидевший съевшись в своем кресле.

В комнату вошел маленький мальчик в школьном костюме. Лицо этого мальчика показалось епископу как будто знакомым. Лицо это очень сильно напоминало спелый помидор с посаженным на него носом, но не это поразило епископа. Этот мальчуган напоминал ему не помидоры, а нечто другое.

— Сэр, пожалуйста, сэр, — сказал мальчик.

— Да, да, да, — раздраженно сказал генерал Блюденеф. — Бегите отсюда, мой мальчик, бегите отсюда, бегите отсюда. Разве вы не видите, что мы заняты.

— Но сэр, пожалуйста, сэр, это насчет статуи.

— Что насчет статуи? Что насчет статуи? Что насчет статуи?

— Сэр, пожалуйста, сэр, это был я.

— Что? Что? Что? Что? Что?

Епископ, генерал и заведующий заговорили одновременно, и все эти «что» были распределены следующим образом:

Епископ . . . 1

Генерал . . . 3

Заведующий 1,

составляя в

сумме пять.

Они произнесли эти воскли-

пания и продолжали смотреть во все глаза на мальчика, побагровевшего еще больше.

— Что вы говорите? — закричал заведующий. — Вы раскрасили статую?

— Сэр, да, сэр.

— Вы? — сказал епископ.

— Сэр, да, сэр.

— Вы, вы, вы? — сказал генерал.

— Сэр, да, сэр.

Наступила трепетная пауза. Епископ смотрел на заведующего. Заведующий смотрел на епископа. Генерал смотрел на мальчика. Мальчик смотрел на пол.

Первым заговорил генерал.

— Чудовищно! — воскликнул он. — Чудовищно! — Чудовищно! — Никогда не слышал ни о чем подобном. Этот мальчик должен быть исключен. Исключен Ис..

— Нет! — сказал заведующий звенящим голосом.

— Тогда его нужно засесть на дюйм от смерти. На дюйм. На дюйм.

— Нет! — Странное новое достоинство вдруг точно снизошло на преподобного Тревожа Энтвистия. Он немножко быстрее обычного дышал через нос и глаза его приобрели сходство с рачьями. — В вопросах школьной дисциплины, генерал, я должен, при всем моем почтении к вам, требовать себе главенства. Я поступлю в этом случае так, как найду лучшим. По моему мнению, тут не требуется никакого проявления строгости. Вы согласны со мной, епископ?

Епископ вздрогнул и пришел в себя. Он думал о статье на тему о чудесах, которую только что кончил для одного журнала и жалел, что взятый им тон, хотя и в со-

ответствии с направлением современной мысли, имел нечто, приближающееся к скептицизму.

— О, совершенно, — произнес он.

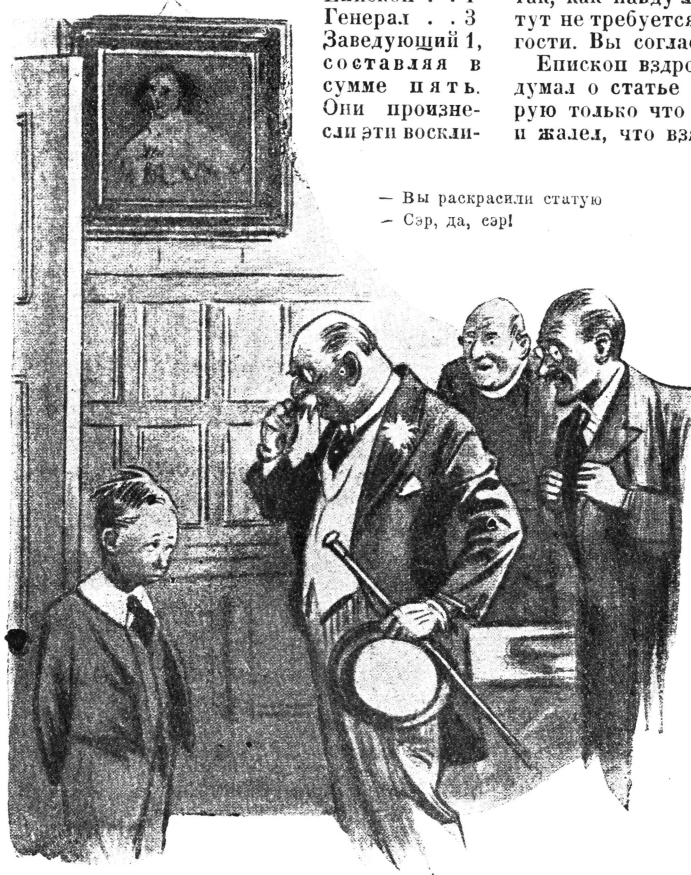
— Так все, что я могу сказать, — гневно заявил генерал, — это — что я умываю руки во всем этом деле, во всем этом деле, во всем этом деле. Если наши мальчики теперь так воспитываются, неудивительно, что страна идет к собакам, к собакам, идет к собакам.

Дверь громко хлопнула за ним. Заведующий обернулся к мальчику с доброй, заискивающей улыбкой.

— Нет сомнения, — сказал он, — что вы раскаиваетесь в этом необдуманном поступке.

— Сэр, да, сэр.

— И вы не сделали бы этого больше?

— Вы раскрасили статую

— Сэр, да, сэр!

— Сэр, нет, сэр.

— Так я думаю, — сказал заведующий, — что мы можем отнестись мягко к тому, что, в конце концов, было просто мальчишеской шалостью. А, епископ?

— О, конечно, заведующий.

— Это точно такая же вещь.. ха, ха!.. которую вы или я могли бы сделать... гм... в этом возрасте.

— О, вполне.

— Так вы напишите мне двадцать строчек из *Виргилия*, Мелинер, и мы не будем больше об этом говорить.

Епископ вскочил со своего кресла.

— Мелинер? Вы сказали — Мелинер?

— Да.

— У меня секретарь с такой фамилией. Вы случайно не родственник его, мой мальчик?

— Сэр, да, сэр. Брат.

— О! — сказал епископ.

Епископ нашел *Августина* в саду, где тот пускал струю раствора китового жира на розовые кусты, так как был большим любителем-садоводом. Епископ положил ему на плечо дружескую руку.

— Мелинер, — сказал он, — не думайте, что я не увидал за этим удивительным случаем вашу скрытую руку.

— А? — спросил *Августин*. — Какой удивительный случай?

— Как вы знаете, Мелинер, я и преподобный *Тревор Энтвистль* были принуждены прошедшей ночью по причинам, которые, уверяю вас, были благородны и согласны с самым чистейшим духом истинной церковности, отправиться и выкрасить в розовый цвет статую старого *Жирного Хемеля*. Только что сейчас, в кабинете заведующего, мальчик сознался, что это сделал он. Этот мальчик, Мелинер, был ваш брат.

— О? Да?

— Это вы для того, чтобы спасти меня, внушили это признание, не отрицайте, Мелинер.

Августин улыбнулся смущенной улыбкой.

— Это были пустяки, пискос, сущие пустяки.

— Надеюсь, что дело это не повлекло вас в слишком большие расходы. Насколько я знаю братьев, молодчик этот едва ли отдал бы даром эту благожелательную хитрость.

— О, всего несколько шиллингов. Он хотел три, но я выторговал у него.

— Нелепо, хочу я сказать, — горячо продолжал *Августин*. — Три шиллинга за совершенно простое легкое дело, как это. Я так ему и сказал.

— Это будет вам возвращено, Мелинер.

— Нет, нет, пискос.

— Да, Мелинер, это будет вам возвращено. У меня нет сейчас при себе этой суммы, но я пришлю вам чек по вашему новому адресу: — *Приходский дом, Стиппль Меммери, Хантс*.

Глаза *Августина* наполнились неожиданными слезами. Он схватил руку епископа.

— Пискос, — сказал он прерывающимся голосом. Я не знаю, как мне вас благодарить. Но... приняли ли вы в соображение?

— Принял ли я в соображение?

— Жену на лоне твоём, Второзаконие гл. XIII ст. 6. Что скажет она, когда узнает об этом от вас?

Глаза епископа засверкали огнем решимости.

— Мелинер, — сказал он, — поднятый вами вопрос не ускользнул от меня. Но дело в моих руках. Птица небесная может перенести слово твоё, и крылатая пересказать речь твою. *Экклезиаст* гл. X, ст. 20. Я сообщу ей о своем решении по телефону.

ЖИЗНЬ

УМНЫЙ ТРЕСТ

ПОСЛЕДНЯЯ
ГЛАВА
РАССКАЗА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАДАЧА № 5

Читателю нужно сжато, сильно, динамично и красочно, в стиле этой главы, написать весь рассказ, чтобы он завершился этим концом. Повествование может быть в тоне легкой сатиры на современные провинциальные нравы. Размер рассказа не более $1\frac{1}{2}$ печатного листа, т. е. 20.000 букв.

После „повального разгрома“, учиненного Мелюзгановым, „умный трест“ распался. Старика Ералашина, вообще склонного к апоплексии, хватил удар,—у него отнялась вся правая сторона. Но и в этом жалком положении он остался верным себе: пока Митродора Уаровна рыскала в городе по докторам, выписывая такую „панацею“ от кондрашки, от которой после двух-трех витаний болезнь мужа „как рукой сняло-бы“, (ее Ящиков уверил, что такие средства существуют)—Кирик Петрович, Ералашин, лежа на терраске своей „дачки на Оке“, занимался „ревизией Эйнштейна“. „Философ из низов“ Миней Яковлев, или, попросту—Миняка, варил на примусе „злые припарки“, ставил больному банки и старался втолковать своему злополучному „учителю“, что вся путаница жизни происходит от двух причин: от вековой вражды ума с разумом,—раз—и оттого, что ноги не поспевают за головой,—два.

Кирик Петрович, силясь изобразить на одеревеневшем лице мудрую улыбку, снисходительно отмахивался здоровой рукой от философии своего „управдachi“:

—При-ми-тив-но, Миняка,—говорил он коснеющим языком.—Твои выводы идут в контр с положениями новейшей науки. Эйнштейн уже доказал, что в мире все условно..

—Не суйте вы мне в нос ваших Эйнштейнов! Пятьдесят пять лет я сам себе Эйнштейн!... Вы вон весь огород сравили...

—Все условно, Миняка..

—Тыфу, ты, будьте вы неладны! Что тут условного? Кормили вы целое лето ораву дармоедов, а они вам же в шапку наклали... Не то, что там огурчики, или салат, картошку и ту всю слопахи. С Верой Кириковой опять же история..

Перекошенное лицо Ералашина побагровело.

—Миняка!—закричал он, с трудом ворочая языком и путая слова.—Гармовой

миронией тебя напоминаю, не заклинай!... Нет у меня дочери!... Нет и не было!...

Миняка усмехнулся.

—Ишь, все слова переиначили. Язык не слушается, а вы все сердитесь. Что нет ее, это я вижу, что не было—это шалишь, мамонись, брат. Я ее когда-то на руках носил.

—Не можешь ты возвыситься до умозрительных... вершин!—с отчаянием восклицал Ералашин.

—Где же нам!—не унимался Миняка.—Мы „умных трестов“ не составляли, да и ума-то у нас нет, с одним разумом все доживаем.

—Отстал ты безнадежно, старик.

—А пушай! У меня голова и ноги в одну такту действуют, под один рычаг... А у вас? Ум-то ваш — эвона где! На мзечных путях рыщет, вчерашнего дня ищет, а ноги?... В сарайчик, с позволения сказать, и то без моей подмоги не сходите... Так-то... Ну, и не дрыгайтесь, а то припарку менять мешаете..

Митродора Уаровна привезла из города доктора Кошкина, того самого, который в начале лета, попав как-то на дискуссию „умного треста“, не нашелся вставить ни одного слова в философский ералаш многоумной компании и только, уходя поздно вечером на пристань, бросил Недоткину:

—Да это обезьянья академия какая-то! Заумный Бедлам!

Пока Кошкин осматривал Кирика Петровича, тот попробовал было сесть на своего конька и воспарить в надзвездные выси, но доктор его сухо оборвал:

—Молчите! В вашем положении разговоры—яд.

Он долго возился над больным, потом сел и молча закурил.

—Я полагаю, доктор...—начал Ералашин.

—Если вы будете „полагать“, мне здесь нечего делать. Можете разлагаться дальше в свое удовольствие. Слушайте, что я скажу: удар пустячный, через неделю—две танце-

вать будете,—ручаюсь. Только при одном условии: не разглагольствовать и не волноваться.

— Но доктор, это для философски мыслящего существа...

— К чорту всякую философию! Растительная жизнь и кудые мыслишки. Три аршина в глубину и три в высь,—вот ваш диапазон. Иначе... увидите, что будет... Или, правильнее, не увидите того, что будет... Согласны слушаться—буду лечить; не согласны... Не раскрывайте рта! Кивните головой...

Ерлашин изобразил страдальческую мину и со вздохом кивнул головой.

— Ну и ладно. Слушайте, Митродора Уаровна, идите-ка за мной. Для этого философа самый зверский, самый скотский режим. Пить, есть, спать, дышать. Никакой болтовни, никаких книжек, понимаете?—Они вышли в соседнюю комнату.

— Отчего бы это, доктор?—беспомощно развела руками Митродора.

— „Умный трест“ был? Был. Вот вам и разгадка. Глупые люди ни в чем меры не знают... В особенности, когда в философские дебри попадают прямо от кооперативного прилавка...

— Ох, уж этот „умный трест“—вздыхала Митродора Уаровна.—И Верочка нас покинула через него... Это т сманил ее куда-то к текинцам...

— Ничего, по крайней мере, жизнь увидит... Ну, всего хорошего...

Вскоре пришел Ящиков. Его воловь глаза были красны и мутны, нижняя губа отвисла еще более. Он молча протянул Ерлашину письмо, однако Миняка вырвал бумажку и замахал на Ящикова руками.

— Что вы, что вы!.. Им мозги тревожить запрещено... Идите к Митродоре Уаровне, с ней объясняйтесь...

— Миняка... ты, того... — зашепелявил Ерлашин.

— А вы—чего?—озлился Миняка.—Или в самом деле в Могилевскую губернию захотели? Ну и помалкивайте в тряпочку. Идите, Ананий Иванович, идите в сад...—Он так и выпроводил Ящикова, недав вымолвить слова ни хозяину, ни гостю. Ящиков, найдя Митродору, подал ей письмо. Письмо было от Верочки, на конверте стоял штамп „Самара“.

— Укатила...—мрачно ронял Ящиков, пока Митродора Уаровна читала письмо дочери.—Пшет, будто я—ошибка ее жизни... и тот, мол,—поправка к этой ошибке... И что она в нем нашла? Гопорная работа... А я... А мне... Не придумую за что взяться... В монастырь что-ли? Да нет теперь монастырей... Прочли? Позвольте обратно... Я его на груди хранить буду, как... как весточку из потустороннего мира... Прощайте... — Ящиков направился было к калитке, но вернулся:

— Вот еще что... Возьмите-ка эту веревку у меня... Как в кармане очутилась?—не пойму... Ведь я сюда — пешком... Двенадцать верст... В лесу хотел того... да проезжие мужики помешали... Это за два дня уже

третья веревка: одну Шпандорин отобрал, другую я сам Гузкин отдал, чтобы не смущала... Впрочем, веревки на свете много... Не поминайте лихом...

Ящиков вышел за калитку. Через минуту плачущая Митродора услышала его голос из-за изгороди:

— Эти подлецы—Шпандорин и Гузкин—потешаются над нашим „умным трестом“. А Кирика Петровича величают—полнокровным идиотом... Вы их на порог больше не пускайте... Да, еще... я там у вас со стены фотографию этого хама, Мелюзганова, стащил... Он вам больше не нужен, а я его из браунинга расстреляю... До свиданья...

На другой день утром нагрянула из города Глафира Викторовна Шорх. Она только что вернулась из отпуска и влетела сияющая и радостная, сильно загоревшая. Она ожидала встретить здесь Мелюзганова. Столкнувшись с Митродорой Уаровной у калитки, Шорх засыпала ее вопросами об „учителе“, о беседах, о здоровье, не давая той вставить слова.

— А как райски чудно на Волге!—закапывала она глазами.—На будущее лето мы обязательно все вместе отправимся отдыхать. И вы с Кириком Петровичем, и Веруна с Ананием Ивановичем, и мы с Мелюзгановым. К слову, что, Андрей Павлович у вас еще не был сегодня?

— Ах, Глафира Викторовна... Вы не знаете еще нашего несчастья... У Кирика Петровича удар... он без движения... А Мелюзганов увез Верочку куда-то к текинцам...

И счастливая улыбка, и сияющее выражение, и даже, кажется, загар,—сразу сбегал с лица Глафиры.

— Позвольте, да как же это так?—лепетала она, опускаясь на скамью.

— Да так... Любовь говорит, да и все тут...

— Ведь это подлость,—вскликивала Глафира,—ведь он мне... без малого муж... Я алименты буду требовать... Противный отпуск... Противная Волга... Теперь я понимаю, все это подстроено измочно... Это заговор... Вы охотились за ним... Ваша Верочка—распущенная девченка... Я жаловаться буду... В самый высший суд подам... Нельзя терпеть такой разврат... Все это ваши собрания незаконные... Сводничество одно... Скажите, какие философы объявились... Идиоты!.. Рвань коричневая!..

Митродора Уаровна только руками всплескивала:

— Глафира Викторовна!.. Голубушка!.. Да побойтесь вы...

— Мне бояться нечего... Это я вам рекомендую!.. Вам и вашей распущенной дочке...

С террасы бежал, размахивая руками, Миняка и радостно кричал:

— Митродора Уаровна!.. Идите-ка, взгляните... Кирик Петрович правой ножкой шевелит... Быстро-быстро, как точиальщик... Не верите? Честное слово... Скоро первые шаги делать будут, уж поверьте мне... Вот радость-то!..

Между тем история с „умным трестом“ получила в городе всестороннее освещение

Шпандорин и Гузкин, эти современные Бобчинский и Добчинский, „мстили“ за то, что лишились даровых угощений на лоне природы. Они бегали по городу, хватали знакомых за полы (а знакомых у них было пол города) и таинственно сообщали:

— Слышали, Ерашаши-то? Дофилософствовался до паралича... Лежит без задних ног. А ведь сколько тумана напустил. Чуть ли не весь город самопросветить собирался. В Платоны метил. Вот тебе и академия на дому! Полн-кровный идиот! Из всего „умного треста“ не дураком оказался только Мелюзганов, да мы двое,—мы это давно предсказывали...

Явились они и к Недоткину. Тот принял их очень сурово и без всяких околичностей выставил за дверь. Друзья даже растерялись, не зная чему приписать „неприличное“ поведение будущего писателя, обычно такого радушного и вежливого. А ларчик открывался просто. Недоткин только что получил от Нины Ручейской письмо, где она ругательски ругала „афериста“ Мелюзганова, того самого Мелюзганова, которого она, при памятном объяснении с Недоткиным ночью на берегу Оки, называла своей путеводной звездой. Ручейская писала:

„Если бы Вы знали, как я нравственно подавлена! Этот человек, на время сковавший мои мысли и чувства, оказался негодяем. Оказывается, он был в связи с этой белоглазой немкой — Шорх, и в то же время подготовлял себе новенькую — Верочку Ерашаину. Безнравственнейшая личность. Как я могла этого не замечать раньше? Удивляюсь своей временной слепоте и глупости. Какими чарами этот человек затмил от меня Ваш светлый образ? Заставил меня забыть Ваше искреннее, хорошее

чувство ко мне? Я говорю откровенно, — (к чему стесняться?) так как знаю это, ощущаю и ценю... Если можете, простите мне мое временное помешательство и забудьте... пусть будет так, как будто ничего этого не было... Рука об руку с Вами жизнь еще может мне улыбаться, одной же, без Вашего светлого участия... брр... холодно и жутко... Ответьте мне, что хотите, в каких угодно выражениях, ругайте, унижайте меня,—все равно, только ответьте... Самый факт Вашего ответа я буду считать за прощение и забвение... Не будьте же жестоки к Вашей в прошлом, настоящем и (надеюсь) в будущем —

Нине Р“...

Недоткин на письмо не ответил. Перебирая мысленно свои отношения к Ручейской, он обнаружил в них много фальши, мещанства и пошлости.

Вспомнил свою оригинальную „дуэль“ с Мелюзгановым во время купанья, которая едва не стоила Недоткину жизни. Вспомнил, как Нина легкомысленно и обидно реагировала на это „водяное единоборство“ и твердо решил порвать с ней во имя „морального оздоровления“, как он сказал сам себе.

Не ответил он и на целый ряд новых писем, следовавших за первым,— писем то умоляющих, то просительных, то угрожающих. Недоткин, не ожидавший от себя подобной твердости, был чрезвычайно доволен собой, хотя прежнее чувство к Нине в нем еще не совсем угасло.

„Так лучше... сразу...—подбадривал он сам себя.—Если что то еще и осталось, я переборю... непременно переборю... На то я и человек“...

И он переборол.

УСЛОВИЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ № 5.

Первая премия—75 р., вторая и третья—ценными изданиями на сумму 75 р.

В Систематическом Литературном Конкурсе могут участвовать все граждане Союза Советских Социалистических Республик, состоящие подписчиками „Мира Приключений“. Рукописи должны быть напечатаны на машинке или написаны чернилами (не карандашом!), четко, разборчиво, набело, подписаны именем, отчеством и фамилией автора и снабжены его точным адресом. На первой странице рукописи должен быть приклеен печатный адрес подписчика с бандероли, под которой доставляется почтой журнал „Мир Приключений“. Примечание. Авторами, состязующимися на премию, могут быть и все члены семьи подписчика, а также участники коллективной подписки на журнал, но тогда на ярлыке почтовой бандероли должно значиться не личное имя, а название учреждения или организации, выпысывающей „Мир Приключений“. Последний срок доставки рукописей—1 августа 1929 г. Поступившие после этого числа не будут участвовать в Конкурсе. Во избежание недоразумений рекомендуется посылать рукописи заказным порядком и адресовать: Ленинград, 25, Стремянная, 8. В Редакцию журнала „Мир Приключений“, на Литературный Конкурс.

ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 11

Решение рассказа-задачи „ЭЛЕКТРО-ЖИЗНЬ“

Перед нами снова груда рукописей и большая пачка сопроводительных писем. В этих письмах зачастую есть нечто ценное, потому что живое и искреннее, не укладывающееся в строгие рамки формального решения литературной задачи, но охватывающее или всю задачу, или даже систему Конкурсов, т. е. ряд разнотипных задач.

Приходило-ли читателям на мысль, что в письмах неизвестных нам авторов, которые мы цитируем, когда это полезно для остальных, и в наших отчетах-разборах всегда содержится любопытный материал для психологии творчества?

Задумывались-ли когда-нибудь читатели, что, сохраняя свою индивидуальность, не погашая ее, они в то же время — непосредственные сотрудники большой коллективной работы всех участников Конкурса совместно с Редакцией, и что именно это коллективное начало создает наиболее благоприятные условия и возможность для тех, кто хочет научиться хорошо читать и вдумчиво писать?

Наконец, не представляет-ли отчет о каждом Конкурсе высшую форму традиционного «почтового ящика», где происходит обмен мнений между Редакцией и читателями, и между самими читателями по всегда интересному литературному вопросу?

Нас несколько не затрудняют эти письма, как деликатно предполагают некоторые корреспонденты. Наоборот, обычно их читаешь с чувством большего удовлетворения, ибо в них отражается действительное желание автора работать и нередко освещается процесс его творчества. Скажем больше: письма эти — нередко портреты самих авторов, с их образом мыслей, даже с их характером. Видишь живого и интересного человека. Ведь каждый человек интересен, когда он увлечен и искренен.

Вот письмо одного московского читателя. Не называем его, потому что неуверены, хотел ли бы он, чтобы его фамилия была оглашена. Это — молодой врач-невропатолог, аккуратный и добросовестный участник цикла наших конкурсов. В обширном письме, из которого мы приводим только краткие выдержки, он пишет:

«Посылая заключительную главу к рассказу „Электро-жизнь“, прошу ее рассмотреть вне конкурса, т. е. так, чтобы это не отразилось на судьбе решений остальных читателей, принявших участие в конкурсе. Другими словами, если Редакция и признает мою заключительную главу заслуживающей премирования, — премии прошу мне не назначать. Это не исключает, разумеется, для Редакции возможности распорядиться присланной мною заключительной главой, как ей заблагорассудится.

Эта просьба вызвана следующим. Недавно исполнилось мое давнишнее желание, о котором я писал Вам. Уже после того, как Редакция „М. Пр.“ вторично удостоила меня премией по систематическому литературному конкурсу, я договорился с одной московской редакцией о печатании серии рассказов, — в сущности романа, сырой материал для которого я подготовил еще в 1927 г. Роман начался печатанием. Я стал на путь писателя.

Одна из основных задач Ваших конкурсов сводится к тому, чтобы облегчить начинающим писателям возможность выбиться на дорогу; и теперь мне не следует мешать другим, используя сполна свою возможность участвовать в конкурсе и тем уменьшая у кого-либо шансы выкарабкаться на поверхность, когда я сам уже выкарабкался.

С другой стороны, Ваши конкурсы мне пришлись очень и очень по душе, и совершенно расстаться с ними мне не хочется не только потому, что они мне много дали во всех отношениях, что я получил три премии, доставивших мне большое удовлетворение, — я вообще люблю конкурсы, и в них — не столько, пожалуй, момент состязания (который для меня ценен, главным образом, как самопроверка), сколько — задачи, заключенные во всяком конкурсе. Я иногда даже сам себе устраиваю конкурсы, сам даю задачи. Но это носит, разумеется, совсем другой характер — трудно быть к себе объективным. С Вашим Систематическим Конкурсом я сроднился. Тут мне по душе и особое чуткое отношение Редакции, и систематичность, и многократность, и многое еще, о чем я уже писал. Я полагаю, что я — не единственный, который заранее предвкушал возможность участвовать в аналогичных прошлогодних конкурсах и в 1929 году. Объявление о новых систематических конкурсах я читал с наслаждением.

Разрешите мне участвовать в Систематическом Конкурсе, не принося ущерба моим товарищам — начинающим писателям».

Указав, что систематический конкурс имеет и другие, не менее важные задачи для читательской массы, не собирающейся «вступить на путь писателя», автор письма говорит:

Нужно упомянуть еще об одной большой группе участников конкурса, которые являются, надо думать, иногда довольно деятельными, несомненно должны быть самыми многочисленными, но при этом о них ничего определенного неизвестно, о них можно лишь догадываться, так как ни своих решений, ни писем они в Редакцию не шлют, и себя ощутительно для Редакции не проявляют. Это — основная масса читателей журнала, интересующихся так или иначе Конкурсом про себя. И мне думается, что этих участников было бы полезно во многих отношениях выявить. И можно это сделать (путем ли анкеты среди читателей или иначе — вопрос технический). Правда, это увеличит и без того огромную работу Редакции по Конкурсам, но таков уж этот своеобразный, многосторонний, интересный, жизненный конкурс, что из него вытекают все новые, новые следствия, его многочисленные корни дают многочисленные новые побеги. Такое выявление скрытых участников обнаружит и истинное лицо, и истинные размеры аудитории конкурса, участников своего рода «читательских курсов» «Мира Приключений».

Мы понимаем благородные мотивы, руководящие автором письма, и с удовольствием исполняем его желание. Если премия будет присуждаться ему, об этом всегда будет упомянуто, а сама премия будет выдаваться следующему по достоинству. Поздравляем молодого писателя с успехом! Желаем ему, и открыленному удачей, не потерять своей любви к работе. В тяге к творческому труду он почерпнет силы и приобретет внутреннюю стойкость, необходимые среди сомнений, колебаний и разочарований, которыми всегда обильна жизнь настоящего писателя.

В прямую противоположность этому типичному письму добросовестного участника конкурса, приводим короткую выдержку из единственного — с радостью отмечаем — единственного письма, диетического по тону и свидетельствующего, что автор не понимает сути работы, к которой он приглашен. «Журнала я не получил во время» — пишет негодующе читатель, — «и сам не мог написать окончания, а придется читать неинтересные мне бумагомарания других». Автор выдал сам себе аттестат..

Мы рекомендовали обсуждать тематически и психологически конкурсные рассказы среди друзей и знакомых. Получено много откликов, показывающих, что совет принят и хорошо усвоен — А. В. С. из Запорожья пишет, например:

«Я мало того, что перечитываю их раза 3, но насчет окончания, среди моих домашних или друзей, когда я им прочитаю или расскажу, поднимаются целые «дискуссии» с различными вариантами возможных исходов. Премируемые ответы приходят, обыкновенно, к нам спустя 3-4 месяца и по прочтении их вновь поднимаются рассуждения и споры. С еще большим интересом я прочитываю новое задание в совершенно новой форме, стиле языка и с иной возможной развязкой. С большим удовлетворением я встречаю совершенно новые имена премированных «начинающих»... Цели С. Л. К. — поощрять самостоятельность и работу читателя в области литературно-художественного творчества — Редакция достигла и... я думаю, — это скромно сказано.

Для меня рассказы-задачи со своими заданиями были прямо толчками в некоторых вопросах. Например, рассказ «Электро-жизнь» натолкнул меня не бегом прочитать, а внимательно ознакомиться с деятельностью рефлексов, и все-таки я не смог развить окончания в этом духе, так как до тех пор, пока я не поговорю с каким-либо доктором на тему «что эта была за болезнь у Клима» — я не успокоюсь, не взирая на то, заслужила ли моя глава внимание или же нет; — она написана мной, имеющим весьма скудные представления о работе содержимого моего же «купола».

Искренность, заложенная в стремлении Редакции не играть на струнках любопытствующего читателя «скуки ради», а дать ему новые знания и приятный отдых в доступной литературной форме — не может не быть ценной для нас, читателей».

Среди множества писем такого же содержания, к сожалению, нет ни одного сообщения, что кто-нибудь прежде чем начать читать наш разбор и премированную главу, перечитал снова задание, т. е. весь рассказ без последней главы. А это необходимо. Нужно освежить в памяти все содержание и непосредственно за этим приступить к отчету и окончанию. Для тех же, кто хочет углубить свою работу, взять от нее максимум пользы, полезно потом поразмыслить над всем материалом в совокупности, проработать его собственным мозгом, т. е. произвести собственный анализ. По-

пробуйте сделать это один раз! Увидите поразительные результаты и сразу шагнете вперед в умении читать и писать. То, что оставалось незамеченным, выпукло появится перед глазами, кажущиеся мелочи, будто бы недостойные внимания, займут надлежащее место. Художник пишет картину маслом и вся она состоит из мазков. И каждый мазок нужен. Чтобы научиться класть эти мазки, необходимо прежде всего — понимать их, чувствовать их. То же самое — и в беллетристике. Как «из песни слова не выкинешь», так в художественной литературе не должно быть ни одного лишнего слова. Все должно быть на своем месте, выделяясь и не затемняя другое. Идеальным в отношении формы литературным произведением будет то, в котором, без ущерба для гармоничности и цельности вещи, самый строгий критик не может выкинуть ни одного слова, и не может заменить одно слово другим, не изменяя оттенка мысли автора. Идеал — высок, трудно достижим, но хорошо научиться по крайней мере разбираться в произведении, давать себе отчет в нем и наслаждаться им. Лучше съесть одно хорошее яблоко, чем поглотить десяток плохих. Ведь вся культура стремится к созданию высших ценностей материальных и нематериальных, а вовсе не к одному увеличению количества их в ущерб качеству.

Повторяем еще раз — мы не собираемся всех читателей наших превратить в писателей. Если выделится несколько даровитых — очень хорошо, если все остальные научатся быть настоящими читателями — отлично! Многие участники конкурсов так правильно и смотрят на это. Напр. В. И. Ш. (сл. Чернянка) пишет:

«Конкурс меряет (или правильнее — служит мерой) силы читателей в литературной работе. Посылая решение, я думаю, посылающий его не всегда собирается стать писателем... и, если бы так думали, то многие из-за одного стыда за свои окончания вышли бы из Конкурса».

Автор прав, но не следует толковать расширительно его мысль. Никакую работу посылать не стыдно, если она сделана добросовестно, в полную меру сил, и если цель ее — самоусовершенствование.

Среди писем этого месяца значительное по количеству число содержит одобрение плана Редакции на 1929 г. и в различных формах выражение благодарности. Спасибо на добром слове! Общение с читателем дает нравственную силу и поддержку Редакции, облегчает ее труд. Попутно многие возбуждают технический вопрос: как быть с адресом бандероли, когда конкурсов несколько и сроки их совпадают? Наше требование наклеивать этот адрес — не формальная придирка, оно продиктовано желанием выделить постоянных читателей, которым, как друзьям журнала, конечно, — и большее внимание, и большая забота, — из массы читателей случайных, ничем не связанных с журналом. Вместо наклейки адреса можно сообщить на первой странице № своей бандероли или № и число почтовой квитанции, или другие данные, указывающие, что рукопись поступила от подписчика.

Читатели могут быть уверены, что все письма их прочитаны. По недостатку места упоминаются здесь только наиболее характерные. Нескольких мы коснемся при самом разборе конкурсного рассказа.

* * *

Всего на конкурс № 11 поступило 86 решений. Из них подписчиками прислано 19. Все рукописи приняты на Конкурс, когда бы они ни поступили.

Задача была в сущности проста: требовалось только написать коротенькую главку, из которой было бы видно, что Клим поправился, что ли, что его видения будущей электро-жизни в Ленинграде явились результатом повреждения черепа с одной стороны, усердных занятий и увлечения электротехникой — с другой, и общего переутомления — с третьей. На это ясно намекало и указание, что 6-я глава могла бы быть поставлена на место 2-й, т. е. в промежуток между несчастным случаем и его любопытным результатом — стройной фантастической картиной недалекой электрифицированной жизни.

Все участники Конкурса верно поняли суть рассказа, кроме трех—двух мужчин и одной женщины. Эти трое почему-то не догадались и электрофантазию приняли за настоящую жизнь. В результате—такие окончания. Мир разделился на две части: Америку и Старый Свет. Во всем мире — коммуна, и антиподы-американцы объявили войну. Она окончилась через $1\frac{1}{2}$ часа в нашу пользу. Клим все пережил наяву.—У другого подписчика—Глеб действительно пролежал четверть столетия и проф. Грунькин собрался сделать ему операцию. У подписчицы—вариант, похожий на первое из приведенных решений: Мир распался на две части: мировая Советская республика и Америка. В последней—революция, быстро оканчивающаяся победой восставших. Таким образом у этих трех авторов Клим все пережил в действительной жизни.

Группа читателей совершенно напрасно углубила задачу и искала для последней главы специальных медицинских знаний и даже соответствующей латинской терминологии. Мы рады дать рассказом толчек любознательности и пытливости. Очень хорошо, если беллетристическое произведение возбуждает жажду знания научного, но требовать узко специальных знаний от рядового читателя мы не можем.

Один из постоянных, аккуратных участников наших конкурсов, И. С. С., в сопроводительном письме сообщает, что он не врач, но медициной интересуется и состоит даже членом-любителем научной ассоциации врачей. Автор прав, что это позволяет ему легче ориентироваться во многом. Но тут-то, в окончании «Электро-жизни», медицина и научное с латинскими названиями объяснение происшедшего с Климом являются роскошью, а не необходимостью. Суть задачи не в этом, не в техническо-научной части. Иначе задача была бы недоступной большинству, а, следовательно,—и плохо составленной. С нашей точки зрения гораздо интереснее признание И. С. С., что у него самого была во время недавней болезни очень высокая температура и что тогда состояние Клима ему стало более понятно. Такие же сведения сообщает одна неизменная и премированная однажды участница Конкурсов г-ка Н. К. Р.:

«В дополнение к прилагаемой рукописи добавляю, что мысль о галлюцинации Клима дала мне собственная моя, несколько лет назад перенесенная болезнь. Я до сих пор живо помню многие свои бредовые сны и видения, и они кажутся мне осколками пережитой «второй жизни».

Лучшим решением, соответствующим всей задаче, мы считали бы главу с такой схемой. Клима отвезли в больницу, лечили (может быть оперировали), он выздоравливает и хочет изложить письменно пережитое и переживаемое во время болезни. Рассказ «Электро-жизнь» — есть результат его литературного опыта.

Подписчица Е. А. З. (Городня) и подписчик Г. Т. П. (Москва) эту последнюю черточку инстинктом поняли и такой мостик между главами 2-й и 6-й одной фразой положили. Разница между ними та, что в одном решении сам Клим пишет, в другом—журналист, услышавший эту историю. Есть и еще варианты. В. Н. Т. и немногие другие проводят хорошую мысль, что сам Клим рассказывает в третьем лице о каком-то Климе Шаброве.

Как своеобразно работает мозг! У нескольких подписчиков не плохо надумано, будто Клим, придя в себя, вообразил, что проснулся еще 25 лет спустя, т. е. что после того, как попал в фантастическое газоубежище, он вторично четверть века был в состоянии беспомощности. Такое литературное осложнение темы и углубление в развитии сюжета вполне допустимо и интересно. Что Клим просыпается вторично — попадает в сновидения у многих. Тут же попутно есть хорошее замечание, что Глеб, по впечатлению Клима, очевидно, омолодился. Ведь он пожилым был в приключениях Клима, а теперь навещает брата в больнице снова молодым.

Мы перечислили здесь основные решения задачи. Их и не могло быть много по условиям рассказа.

Вариантов во второстепенных подробностях — не мало. У одних авторов Клим лежит в больнице, у других — в аптеке, у третьих — в пункте Скорой Помощи и т. д.; вся фантастическая история разыгрывается то в течение недели, то в полчаса, то на операционном столе. У М. С. П.-К — все протекает очень быстро: «За 10 минут во сне можно 25 лет прожить». Написана у этого автора вся глава не худо.

Некоторую часть решений нужно отметить, как совсем неудачную по стилю и по несоответствию тона. Вот выдержка из одной антилитературной главки. В ней слова какие-то все странные, плохие, из газетного обихода: «Крик и шум бешено мчавшейся городской жизни в вихре времени... все то, что было предпосылкой (?) злополучного столкновения Клим с грузовиком». «И вот, когда увязка (?) была найдена, утрамбована (?) и подытожена (?)»... «И он поделился с братом переживаниями (?) своего бредового сна на эмоционально-ассоциативной подкладке». В этой главке повторяется и много фраз из основного рассказа. Мы уже указывали, что этого не следует делать. У другого автора — мужчины — заключение перенасыщено ругательствами и странными присказками в жанре плохого юмористического фельетона.

Доктор говорит: «этот губошлеп будет завтра утром здоров, как бык, и пусть у меня оборвутся подтяжки, если он не потерял сознания»... Или: «ах я чурбан, колода, болван, старая клизма и осел из ослов. Слепой тетерев, дурак». — Верим, что лексический запас в этой области у автора весьма богат.

Некоторые участники конкурса забыли, что нужна беллетристика, и сочинили совершенно публицистические концы, послесловия о значении электричества в жизни, о том, что ученые в дружной работе с рабочими и крестьянами жизнь деревни по удобствам сравнивают с городской. Мысли верные, что говорить, но им не было места в рассказе.

Попадают у иных бытовые недочеты, с виду мелкие, а на деле — большие. Из них видно, что автор не представлял себе как могло и должно было происходить дело. Напр., у одного — Глеб не видел несчастного случая с братом, перешел спокойно на противоположный троттуар, заметил, что подъехала карета «скорой помощи» и пошел за ней из любопытства. Тут все непродумано. И бесцельное ротодействие на панели впродолжение доброй четверти часа, и отсутствие интереса к исчезновению брата, с которым шел, и хождение пешком за мчащейся каретой. — Или, у другого: — Глеб еще в карете скорой помощи очень сжато передает суть фантастических переживаний Клим. Спрашивается: откуда Глеб уже знает «Электро-жизнь»? Техническая ошибка и очень грубая — налицо.

Общий уровень всех окончаний на этот раз — средний, с незначительными в отдельных случаях повышениями или понижениями. — Отличного решения, к сожалению, нет. — Отметим сравнительно хорошие главы: Е. В. П. (г. Ош) (испорчена публицистическим концом); Т. А. П.-Е (написано гладко, даже литературно, но не в тоне рассказа и с длинным объяснением происхождения сна); А. М. С. (Ростов-на-Дону), гр. К. (Томск), Е. А. З. (Городня), И. Ф. В. (Ленинград) и Б. В. Б. (Тверь).

В. Б.

По решению Редакции, премия в 40 руб. присуждается

ЕВГЕНИИ ИВАНОВНЕ ФОРТУНАТО (г. Ленинград).

Поощрительные премии в 15 рублей присуждаются: С. М. КАЦМАНУ (Алма-Ата), А. Г. ВЛАСЕНКО (Чита), А. Н. ИВАНОВУ (Владивосток), Г. Т. ПАВЛОВУ (Москва).

ЭЛЕКТРО-ЖИЗНЬ

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

которую, в целях экономии времени, можно было бы поставить на место второй.

Иногда в ровно разграфленные клеточки дневного строя больницы клином впирается экстренная операция и спутывает все.

Тогда с особенной напряженностью бегают белые халаты по длинному корридолу и насторожившиеся фигуры больных то и дело лепятся к большой стеклянной двери, замазанной краской, где в левом углу краска эта вершка на два отколушнута и можно заглянуть в операционную, пока не прогонит санитар, сестра или врач.

— Вузовец... молоденький... вот грех какой...

— Поскользнулся... и затылком...

— Череп треснул... я слышал...

— Мозги наружу?

— Ишь хватил! кабы мозги наружу...

— Иван Игнатьевич говорил: черепную коробку раскрывать будут...

Перед входом в корридол, против двери в умывальню, тянется длинная коричневая скамья. На ней всегда кто-нибудь сидит и ждет, не имея права войти в корридол. И теперь тут сидит Глеб Шабров. Он то и дело вскакивает со свойственной ему порывистостью, хватается за голову, ерошит гриву волос. Но профессор сказал: «можете посидеть здесь, а туда не ходите», — и хоть не терпелось сидеть здесь, но Глеб ждет.

Операция, да к тому же очень сложная и длительная, и в неурочное время, напряженно концентрирует мысли всех обитателей больницы в одну точку. Повседневность обычных интересов отходит на задний план.

У отколушнутой краски на двери образуется очередь, — кому взглянуть. Новички, еще не оперированные, смотрят с затаенным страхом и мучительным вопросом. Поправляющиеся после операции смотрят спокойнее, но с болезненной сознательностью и с глубоким сочувствием. И все брызгами отскакивают во все стороны, когда дверь открывается и выходит сестра или один из врачей.

Смелчаки рискуют подступить с вопросом:

— Ну что?...

— Все время говорит... Так и рвется из рук санитаров... под наркозом говорит... И все в одном направлении: «Экзамены... Глебка... вот будет буза, коли институт проморгаю...» Интересный тип!.. Было отщепление затылочной кости... Осколок изъят... Теперь уже зашивают, все хорошо...

— Все хорошо! — мчатся двое больных к ерзающему на скамье Глебу. — Сейчас вынесут вашего братишку.

— Да что вы!

И Глеб, прорвав все плотины дисциплины, мчится туда, к стеклянной двери.

На длинном операционном столе, при ослепительном свете громадных ламп с ре-

флекторами, спешно бинтуют только что оперированную голову. Лица почти не видно, и молчание анестезированного длится недолго. Он опять начинает бормотать:

— По бетониркам на авто жарят... Да... Аккумуляторы пополняют энергию автоматически... В больших городах газ аммиачный...

И забытые.

Бережно перекадывают его тело на тележку и катят ее. Больные расступаются у двери; из всех палат выглядывают напряженные лица с тревожным вопросом в глазах.

— Нельзя, — мягко останавливает равнувшегося Глеба врач, — немного погоды вас пустят к нему на мгновение... Все хорошо, не беспокойтесь.

Глеб цепляется за его руку своими трепетными, красными, потными пальцами. В синеющей белизне длинного корридора уже исчезла тележка с оперированным. В комнате прохладно и удивительно тихо. Проснувшийся Клим Шабров смотрит на стоящую перед ним фигуру врача.

— Вы профессор Грунькин?

— Нет, не совсем так, — врач улыбается: он привык к несообразности вопросов таких больных, — последние штрихи картин, вкрапленных в мозг наркозом.

— А Глебка?.. что он за фон барон... до сих пор не является?..

Глеб, с трудом сдерживая слезы не то горя, не то радости, вошел и склоняется над братом. Клим смотрит напряженно.

— Так ты не толстый? — изумленно говорит он.

Врач знаком показывает: — «не удивляйтесь».

— В деревню тебя отправлю, браток, как выйдешь из больницы, там скоро поправишься! — бормочет Глеб, чтобы что-нибудь сказать. — Вот только холодно будет зимой...

— Так ведь там центральное отопление и стоградусный кипяток круглые сутки... — и Клим устало закрывает глаза.

— Уходите! — шепчет Глебу врач. — Все хорошо, не беспокойтесь, организм у него здоровый, и он из этого выкарабкается.

Глеб идет по корридолу медленнее обыкновенного, с отрывистыми бредовыми фразами брата в ушах, тщетно стараясь связать их в одно целое.

Сиделки чистят медные дверцы печек, — завтра приемный день. На громадных подносах дымятся ужин. Хлопают двери. Фельдшер равнодушно спрашивает: кому клизма? Прерванная было нормальная жизнь больницы торопится нагнать пропущенное время.

«15 августа 1928 г. — операция Глеба Шаброва» — записывает в журнал дежурный врач.

Е. Фортунато.

ДВОЕ мужчин следили друг за другом.

Уже десять дней носило их в море в небольшой лодке по воле ветра. В лодке было немного корабельных сухарей и два боченка с водой. Накануне вечером они доели сухари и сегодня утром начали второй боченок с водой. Вначале они распоряжались водой легкомысленно, но потом, по взаимному соглашению, посадили себя на чашку воды в день, — половина этой порции утром, половина — в полдень.

Десять дней! Эдриг спрашивал себя, не десять ли лет прошло с тех пор, как «Морской Король» пошел ко дну, а он и матрос Одвик стали следить друг за другом. Каждый час был хуже предыдущего, терпеть дольше уже стало казаться невозможным и Эдриг начал думать, что самое лучшее — броситься через борт в море.

Мелькнувший в воде плавник акулы удержал его от этого и с потом ужаса на лице Эдриг продолжал страдать, как никогда не думал, что человек может страдать. А, ведь, он видел много страданий. Эдриг был врач.

Небосвод был подобен опрокинутой металлической чаше безжизненного голубого цвета. На дне чаши был раскаленный шар солнца, изливавший свирепый зной, какой-то липкий жар, высасывавший жизненные соки из тел двух людей в лодке. Лодка поднималась и опускалась, как бакан; ветра не было. Океан был похож на тусклый остеклянившийся глаз больной собаки. Он был таким уже десять дней.

Эдригу казалось, что день придавил его тяжестью своего зноя. Голова его точно была заключена в футляр из раскаленного металла. Глаза его горели, губы потрескались и язык стал таким толстым, что едва помещался во рту. Тело жаждало влаги, все нервы трепетали от этого неудовлетворенного желания. Когда он дотрагивался до уключин, они были раскалены. Когда он оглядывался кругом, он видел только тяжелое колыхание волн и пылающую кайму горизонта. Когда он смотрел прямо перед собой, он не видел ничего, кроме бочки с водой, а за ней матроса Одвика.

Рассказ Ч. БУТА

Эдригу не было бы так неприятно, если бы здесь сидел кто-нибудь другой. Или если бы Одвик был человек другого типа. Потому что сначала вражда Эдрига к Одвику была просто враждой одного определенного типа к другому. Теперь она стала неприемлимой и личной.

Когда Эдриг смотрел на руки Одвика, он вспоминал, как они отличаются от его рук. Руки Одвика были крупные, волосатые и мозолистые. Они были невероятно грязны. Ногти были обломаны и ободраны, а суставы

Иллюстрации М. МАККИНЛЭЯ

превратились в узлы сухожилий и костей. Руки Эдрига были длинные, тонкие, быстрые и ловкие в движениях. Они были безукоризненно белые, пока солнце этих последних десяти дней не покрыло их густым золотистым загаром. Это были умные, гибкие живые руки; сильные, красивые, аристократические руки; руки человека, умеющего обращаться с тонкими инструментами.

Полученные отсюда выводы были достаточно ясны. И чем больше он думал, тем яснее они становились.

Он хотел было изложить эти выводы Одвигу, — не мог же человек не понять их, если у него была хоть капля разума, — но достаточно было одного взгляда на его тупоумное лицо и тусклые, невыразительные глаза. Попытка была бы бесполезна. Он продолжал повторять выводы самому себе.

Он был Стефен Эдриг, невропатолог из Нью-Йорка. Репутация его была международной и он этого заслуживал. Он был не из тех, которые постоянно думают о своих совершенствах, его взгляд на жизнь был всегда слишком отвлеченный и аналитический, но было признано всеми, что он одна из звезд в своей специальности. В Париже был Лессеж, в Вене — Штраус, в Лондоне — Конвей и Эдриг — в Нью-Йорке.

Эдриг всегда говорил, что разум несовершен в мире, управляемом страстями и страхом. В мире, состоящем большей частью из таких отрицательных типов, как, например, этот человек, Одвик, сидевший по другую сторону боченка с водой. По крайней мере с дюжину лучших умов десятилетия спокойно отдавались в руки Эдрига и он спас каждого из них. К нему обращался и сенатор Рингольд, экономист Фенвик, исследователь Энтрим, финансист Эрмитедж, артист Диллон.

Одвик же, вероятно, всю жизнь был матросом на корабле. Вероятно, он знал, как распределяется на корабле груз. Нет сомнения, что у него достаточно соображения, чтобы исполнить приказание, которое ему прокричит помощник штурмана. Может быть, он был знаком и с другой незатейливой работой. Короче говоря, такие как он миллионами толпились во всех концах земли, и руки и тела их были к услугам каждого, у кого в кармане есть доллар.

Их — миллионы! А Стефен Эдриг — один!

И все же, если он изложит эти доводы этому тупому дураку, тот будет продолжать настаивать на своих «правах» на половину воды в боченке. Его право! Это было нелепо, как Эдриг и доказал себе за последние пять дней. Большинству людей было

свойственно придавать своей личности слишком много значения в ходе вещей. Несколько часов без воды — и все было бы кончено. И человек умер бы с прекрасным утешением, что его отказ от своих «прав», — глупое выражение! — удвоил возможность значительно более высокому интеллекту остаться в живых и продолжать свою важную работу в мире. Ведь, нет сомнения, что это все так просто, как задача элементарной арифметики.

Ну, что ж, был и другой выход...

Сначала мысль эта была отвратительно чистой, незапятнанной ясности его мозга, и он только постепенно подходил к ней. Он даже раздражался сам на себя, что не сразу ей подчиняется, раз он был так прав. Его противодействие этой мысли было, как он сам сознавал, как бы уступкой морали настоящего времени. Нельзя без борьбы сбросить с себя цепи условностей.

Но в этот день, когда солнце в белом пламени зноя прошло зенит, оборвалась последняя ниточка противодействия мысли, которая должна была освободить его. В голове он испытывал чувство напряжения. Сейчас уничтожится последняя ниточка и он укроется в полнейшей и великолепной ясности ума, для которой чужды чувства и мораль.

Элдриг склонил голову на руки, но не спускал глаз с матроса Одвика. На тупоумном лице человека он не видел и тени подозрения. Одвик наблюдал за ним просто потому, что не на что больше было смотреть.

Прошло некоторое время и вдруг Элдриг почувствовал какую-то бодрящую легкость, какой-то экстаз. Он сейчас же понял, что это освобождение, которого он ждал. Ему хотелось откинуть назад голову и разразиться смехом, но он подавил в себе это побуждение. Он не должен смущать Одвика. Настало время действовать.

Да и лучше было не медлить. Приблизительно в течение последнего часа он наблюдал тревожные симптомы в связи со своим чувством зрения. Ничего серьезного, конечно. Просто слишком ярко светило солнце. Пред-

меты как будто перемешались или совершенно исчезали. Например, боченок с водой стоял посреди лодки, потом он исчезал и Элдриг видел только дно лодки. Потом вдруг боченок точно появлялся там, где сидел Одвик, а матрос исчезал. Потом Одвик появлялся на месте боченка. Неприятно, конечно, но ничего серьезного. Просто оптическая иллюзия, созданная слепящим светом солнца. Но все же чем скорее он сделает то, что хочет сделать, тем лучше.

Одвик дремал. Этим нужно воспользоваться. Элдриг пошарил на дне лодки и достал складной нож. Открыл его и провел пальцем по лезвию. Острый, как бритва. Отлично! Он знал, в какое именно место нужно ударить. Тогда одно быстрое движение — и Одвика не станет.

Шаг за шагом, он медленно стал двигаться в лодке вперед, осторожно, бесшумно, не нарушая даже ритмических подъемов и опусканий суденышка. Еще шаг и он будет в расстоянии, нужном для удара. Еще одно движение... Тело его напряглось. Он занес руку.

— Ах!

Дело было сделано.

Элдриг опустился назад на свое место на носу, потирая руки одну о другую. Он был удивлен простотой происшедшего и бранил себя, что не сделал этого раньше. Раздался плеск, сверкнули один или два рыбьих плавника и слегка покраснелась вода. И все было кончено. Элдриг взглянул на часы на руке.

— Пять часов! — пробормотал он.

В доказательство своей выносливости он подождет до шести часов и только тогда выпьет полную чашку воды по случаю своего освобождения от цепей условной морали.

После этого он добросовестно будет придерживаться порции, которую они с Одвиком назначили себе.

Когда солнце начало опускаться на западе и дневной зной стал ослабевать, муки жажды, терзавшие Элдрига, утихли. Скоро он, вообще, почти перестал ощущать жажду. Его охватило

восхитительное чувство благодущия. Точно сильное наркотическое средство перенесло его в сад его мечтаний. Ему казалось, что он парит в воздухе. Он до бесконечности мог воздерживаться от воды. Как странно была создана человеческая природа! Когда человеку хотелось чего-нибудь, он этого не получал. А когда это было у него под рукой, он уже не желал этого.

Он не испытывал сожалений о том, что сделал. Почему бы ему испытывать их? Если бы положение было обратное и разум Одвика превосходил бы его разум, Эдриг спокойно бы ступевался. Это был вопрос обыкновенного здравого смысла. Личного тут не было ничего. Жаль было, что Одвику пришлось умереть, но это было необходимо.

Эдриг снова посмотрел на часы.
— Шесть часов!

Слегка улыбаясь, он направился к боченку, стоявшему посреди лодки. Он сделал шага два, как вдруг остановился с холодеющим сердцем. Он быстро заморгал глазами и потер их обратной стороной руки. Оно все еще было там! Эдриг отступил. А! Оно исчезло. Оптическая иллюзия, конечно!

Снова двинулся он вперед и снова остановился с этим расслабляющим холодом на сердце. Он слегка отступил. Оно исчезло. Тогда он двинулся вперед. Вот оно снова тут!

Холод на сердце превратился в ледяную руку. Дрожь страха пробежала по спине Эдрига. То, что он видел, конечно, было иллюзией, но это действовало на него, как материальная реальность. Он не мог, он не смел приблизиться к боченку, пока это было тут. Дрожа он снова опустился на свое сидение на носу.

Фигура матроса снова исчезла. Как будто бы что-нибудь могло доказать, что это была иллюзия и что он видел не самого Одвика... Одвика! Что это он говорит! Как это может быть Одвик, когда этот человек умер? Но если это всего только иллюзия — это была, была иллюзия! — то почему же эта фигура давала ему ощущение материального присутствия?

Это не может быть Одвик. Не может быть! Одвик умер. Чтобы увериться в этом, он стал вспоминать подробности исчезновения Одвика.

Одвик дремал... он подкрался с ножом в руке... тело его напряглось и он замахнулся. Потом он перекинул тело Одвика за борт. Блеснули плавники рыб и заадела вода. О, да, Одвик умер, в этом не было сомнений.

Эдриг сильно встряхнулся и смочил высохшие губы кончиком языка. Жажда его возвращалась.

— Это только иллюзия, — прошептал он.

Голос его совсем не был похож на его голос. Он медленно двинулся вперед, шаг за шагом.

— Ах! — сорвалось с его губ.

Оно снова было там, сидело на боченке, все с таким же тупоумным лицом, но глаза... «иллюзии» казались менее тусклыми и невыразительными, чем были прежде. В них был точно упрек? Глупости! Человек этот умер.

Он попытался пройти вперед, но что-то присутствие на боченке удерживало его, точно это была материальная реальность и упиралась в его грудь материальными руками. Минуту он боролся изо всех сил с тем чем-то, что удерживало его. Потом, обессиленный, упал на нос лодки.

— Это не может быть Одвик! Одвик умер! Умер!

Эдриг произносил эти слова пронзительным голосом, тер руками глаза, раскачивался из стороны в сторону. Потом он взял себя в руки. Так не годится. Такой одаренный человек, как он, боится тени! Это было нелепо! Да ему и вода нужна. Эга ужасная жажда снова терзала его.

Напрягая всю волю, он стал пробираться вперед. Минуту спустя, он уже сидел на носу, прижимая руки к искаженному ужасом лицу, сдерживая рыдания.

— Он не может помешать мне взять воду, — дрожащим голосом шептал он. — Он не может: его нет здесь, нет!

Теперь солнце было на краю горизонта. Пламенные и золотые знамена раскинулись по опрокинутой чаше небосклона и с башен из облаков

развевались лиловые и сиреневые флаги. Воздух стал немного свежеть.

Элдриг снова овладел своими придавленными ужасом чувствами. Как он мог дойти до такого состояния? Где ясный разум, которым он всегда так гордился? Он должен встать лицом к лицу с положением, как это сделал бы каждый здоровый человек. Каждая задача имела свое разрешение. Он и тут должен добиться разрешения. Ах! так было лучше. Он уже снова владеет собой.

Одвика больше нет. Элдриг снова перебрал в памяти подробности его исчезновения. Нож... движение вперед... плеск воды. Все это было неоспоримо. Отлично. Спиритический феномен, как благоразумное объяснение того, что он видел, был тут, конечно, невозможен. Он — ученый и материалист. Такому разуму, как его, отвратительны были Конан Дойль и его спиритические глупости. Это напоминало ему первое предположение: где-то присутствие на боченке было ничто иное, как оптическая иллюзия, вызванная раскаленными лучами солнца!

Отлично! Но как ему справиться с иллюзией, которая не подпускала его к боченку с водой?

Это и было его задачей и он должен найти разрешение ее, потому что жажда делала его существование невыносимым. Глазные яблоки его были точно горячие уголья, упавшие в его голову прямо из кузницы. Мозг его казался жидким металлом, что превращало всякую мысль в пытку. Темнеющее лоно океана призывало его... Если бы не эти мелькающие в воде плавники!

Прошло некоторое время. Элдриг так был занят разрешением своей задачи, что не заметил приближения ночи. Небо пылало тусклым пламенем умирающих в печи углей. Темные тона ночи поползли по небосводу. Звезды зажигали свои лампочки. Робкая золотая луна выглянула из-за края восточного горизонта. Элдриг вдруг заметил этот переход дня в ночь и в это время его осенило разрешение задачи. Почему не подумал он об этом прежде?

Иллюзия была расстройством зрения, последствием ослепительного блеска солнца. Значит, темнота исправит это. Если глаза его отдохнут за ночь и он, быть может, хоть немножко заснет, утром его зрение будет нормальным. Но он не должен до рассвета приближаться к боченку с водой. Возвращение иллюзии может помешать его выздоровлению. Воздух будет немножко посвежее. Это поможет ему перенести ожидавшие его часы мучительной жажды.

Как здорово мыслил его мозг.

Элдриг охватил измученную голову руками и сжал ее изо всех сил. Он закрыл глаза. Он ждал.

Луна выплыла в бесконечную пустоту ночи, как золотой корабль в багряное море. Прошел час. Воздух стал прохладнее, только немножко прохладнее. Воздух был как внутренность печи, огни которой были затушены на ночь. В воздухе чувствовалась какая-то напряженность.

Элдриг все ждал. Он вздрагивал по временам и стонал. Казалось невозможным, чтобы так продолжалось. Но он все-таки ждал. Он сам не знал, чего он ждет.

Элдриг, вероятно, немного заснул под утро.

Он ощутил красноватый свет на востоке. Потом перевернутая чаша небосвода стала светлеть. Кроваво-красное солнце выползло из-за горизонта, как китайский дракон, являющийся на празднество. Элдриг нашел, что реальность нового дня гораздо отвратительнее кошмара, от которого он проснулся. День этот будет повторением десяти предыдущих дней. Тихий плеск волн о борт лодки; ритмическое поднятие и опускание лодки; небо, похожее на внутренность раскаленного медного колокола. Зной солнца...

Элдриг устремил глаза на боченок посреди лодки. В нем была вода, а вода — это жизнь. Нужно было только пробраться к боченку и взять его. Но бесжалостный белый свет дня поколебал его уверенность в то, что поддерживало его всю эту ужасную

ночь, — в то, что утром зрение его снова будет нормальным. Ему было страшно. Он чувствовал, что если иллюзия снова появится, он не в силах будет сделать новую попытку.

немножко пены. Щеки его были бескровны и провалились.

Когда солнце поднялось над горизонтом и на глаза Эдрига легли косые полосы зноя, перед ним встали

Эдриг смочил губы кончиком языка. Оно было снова тут и сидело на боченке

Измученный жаждой, он продолжал сидеть на носу лодки. Его глаза с покрасневшими веками были устремлены на боченок. Язык его высывался изо рта, на раскрытых губах было

видения горных потоков, мчащихся в прохладные ущелья, звенящих ручейков, тихих озер, обрамленных высоким тростником... Он видел себя идущим по горло в ароматной воде.

В боченке была вода. Она будет нектаром для его пересохшего горла. Он должен взять эту воду! Одвика нет! И все же...

С криком, который он напрасно старался подавить, Эдрик закрыл глаза и стал бить себя руками в грудь. Этими умными, опытными руками, которые могли вести лезвие вдоль волоска, отделявшего жизнь человека от смерти. Огромным усилием он снова забрал себя в руки. Что бы ни случилось, главенствовать должен его ясный разум. Фраза эта имела успокоительное действие. Ах, так будет лучше. Вот он опять владеет собой.

Он должен достать воду. Шаг за шагом он снова двинулся к центру лодки. Все его горящее тело облил холодный пот. Ужас заставлял его вернуться, но воля двигала вперед его дрожащие ноги. Еще два шага...

Его там не было!

С губ Эдрига сорвался крик. Он был возрожден. Он протянул руки, схватил ими боченок и торжествующе выпрямился. Он победил. Он будет жить. Восторжествовал его здоровый разум. Здоровый... здоровый... аах!

Он остановился. Сердце его похолодело. Он встрахнул боченок. Лицо его стало мертвенно-бледно. Он смотрел на место, где должна была быть втулка. Ее там не было. Не было. Она лежала на дне лодки.

Крик поднялся к его губам. Но крик этот никогда не прозвучал. Что-то сорвалось в его голове, в его ясной голове. Потом жизнь покинула

его и, все еще держа в руках боченок, он упал через борт лодки.

Блеснули плавники рыб. Вода слегка покраснела.

Матрос Одвик потерял глаза и кивнул головой.

— Вот и конец ему! Да и лучше так-то! Совсем спятил. Ткнул ножом в боченок, а потом махал руками будто бросал что-то акулам. Смотреть было тошно. Этими белоручкам лучше сидеть по домам, никуда они не годятся. Мир-то вертят эти волосатые руки, уж поверьте Ральфу Одвику. Он знает!

С этими философскими рассуждениями матрос Одвик вынул из-под себя боченок с водой, на котором сидел.

— Хорошо, что я сидел на полном боченке, а дал ему пустой, не то он бы унес с собой всю воду до капли... Ну, а это, пожалуй, ветер с гор, как говаривала моя старуха-мать.

Одвик взял в руки жестяную чашку. Он приоткрыл втулку и вода закапала в чашку. Когда чашка наполнилась, Одвик вставил втулку обратно и поднял полную до краев чашку ко рту.

— На этот раз я угощу себя полной чашкой. За ваше здоровье, почтенный, где бы вы ни были. Надеюсь, что там не так горячо, как здесь.

Но не успел Одвик пригубить, как он бросил чашку на дно лодки. С губ его сорвался крик, глаза вылезали из орбит и он вытянул вперед большие волосатые руки.

На западном горизонте вился дымок. Спасение было близко!

Научно-фантастический роман А. МЕРРИТА

Иллюстрации ПОЛЯ

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ I—XXIII. НАПЕЧ. в 10. 11—12 КНИЖКАХ „М. ПР.“ за 1928 г. и в 1 и 2 за 1929 г. Американский профессор Луи Сорбонг, уже побывавший в Тибете, снова отправился туда вместе с инженером Драком. В горах они наблюдают замечательные световые явления и находят загадочный гигантский след на скале, оставленный точно каким-то невероятным чудовищем. В разрушенной крепости, помнящей времена Александра Македонского, путешественники встречают Мартина Вентнора с его прекрасной сестрой Руфью. Брата и сестру преследуют войны, похожие на древних персов времен Ксеркса. В решительную минуту появляется странная женщина Норхала, по приказанию которой тысячи маленьких металлических предметов—чисто геометрических фигур—принимают форму многорукого чудовища и разбивают войско персов. Шары, кубы и пирамиды из живого металла исчезают, затем огромные кубы перекидываются, как мост, через пропасть, и несут на себе Норхалу и путешественников. Последние начинают таинственное, полное странных физических и магнитных явлений путешествие. В кратком содержании невозможно передать многочисленные и причудливые формы встречающихся чудовищ, состоящих однако из знакомых всех форм—кубов, шаров и пирамид. Путешественники попадают в жовый мир, в металлический мир, где они видят живые, вертящиеся купола и арки, и башни, точно тающие в каком-то брожении. Летя на кубках, они проходят области ультрафиолетовых лучей, рентгеновских и других, наукою неизследованных. Друг другу путешественники кажутся скелетами. Один световой феномен сменяет другой. Они приходят к колоссальному сияющему металлическому диску необычайной красоты, излучающему могучую и сознательную силу. Руфь подтянута к диску. Вентнор выстрелил, но в него полетела молния—стрела зеленого пламени. Вентнор упал, диск обследовал его и по просьбе Норхалы подарил ей путешественников в качестве „игрушек“. Норхала перевезла всех в свой круглый дом, похожий на блестящий пузырь сапфировых и бирюзовых оттенков. Интересные главы посвящены описанию самой Норхалы, ее жилища, ее слуги евнуха Юрука, встретившего чужеземцев враждебно. Большой Вентнор, оторванный от реальной действительности, первый начинает понимать, что металлические предметы высасывают свои силы из солнца, что их кровь—молния, что их разум—думающий кристалл, что у них гигантское групповое сознание, действующее в знакомых человечеству и в неизвестных ему сферах колебаний энергии, силы электрической и других. Очень любопытную гипотезу строят едва пришедшие в себя от пережитого путешественники, объединяя последние завоевания науки для объяснения деятельности металлического народа. Юрук рассказывает всякие басни о Норхале и старается уговорить путников уйти к Черкису, предводителю преследовавших их потомков персов. Попытка евнуха загипнотизировать ненавистных пришельцев оканчивается неудачей. Профессор и Драк отправляются в металлический город. После любовного объяснения Руфи и Драка, Руфь возвращается в дом Норхалы, а профессор с молодым спутником через туман, полный невообразимого рева бездны, в котором смешивался хаос звуков, звон миллионов наковален, грохот миллиона кузниц, гремели громы, ревели тысячи ураганов, попадают в металлический чудо-город, живущий какой-то своей жуткой жизнью, оживленный каким-то брожением, расчтаным, механическим, симметричным, геометричным, в высшей степени урегулированным. Металлические предметы точно играют с путешественниками... Длинный ряд приключений сопровождает попытки их ближе ознакомиться с городом-чудом. Они встречают Норхалу, попадают в „детскую“ металлических малыток, ближе знакомятся с металлическим народом, с Повелителем Металла и присутствуют при изумительном питании истощенного металлического народа извлеченными из Солнца лучами.

ГЛАВА XXIV.

Кормление.

— Они питаются! — шепнул Драк. — Питаются солнцем!

Лучи заплескали быстрее. Кратер был очагом огней, в котором скречивались конические лучи. Там, где они перекрещивались, вспыхивали огромные круги, трепетавшие мгновение и затем превращавшиеся в изумрудные спирали, в перистые разветвления.

Все сильнее и сильнее бился пульс возмущавшейся жизни.

Поток огня ударил прямо в Повелителя металла. Сразу торжествующе заблестало его великолепие. Его золотой зодиак, уже не тусклый и померкнувший, вспыхнул солнечным пламенем.

Все кругом источало теперь свет. И настало окутати сверкающие туманы и потом залили луча света. Биение моего пульса усилилось, дыхание было неестественно ускоренным. Я протянул руку, чтобы коснуться Драка, и из моих пальцев с треском вырвались большие зеленые искры.

Теперь со всех сторон бушевали огни, похожие на огни драгоценных камней. Они исходили от всех колонн, от всех шаров.

Они питаются, — шептал Драк, — питаются солнцем!

Щиты поднимались все выше над краем кратера. Я не видел, какой механизм их поднимает. Потом они остановились, и все множество их сразу завертелось. Они залили потоками света весь город и всю Бездну, затопляли их светом.

Вдруг сверху, точно из круга открытого неба раздалися ревущие звуки. Цепи молний прорезали туман. Молнии были зеленые, как и сам туман.

Мелькали стрелы разрушительного фиолетового цвета, палящего, красного. Взрывались раскаленными многоцветными огнями шары.

От звездообразных предметов исходили изумрудные и пурпурные лучи. От крестообразных—извивающиеся цепи шафранного и красного пламени. От дисков отделялись взрывающиеся шары. Весь кратер пронизывался этими молниями металлической рати. Он был точно весь расшит ими, сот-

кан из огромных и меняющихся рисунков электрического пламени.

Грохот стал ужасающим, разрушительным. Весь город пульсировал, трепетал жизнью, досыта напился и допьяна напился жизнью. Я чувствовал, что его пульс стал моим собственным, я эхом отзывался на него. Я видел, что я как бы очерчен пламенем и что вокруг Дрэка образуется сияние.

В этом хаосе кратера появилась Норхаа. Ее точно окутывали молнии.

Тело Дрэка скользнуло мимо меня и, пылая, лежало у моих ног на узком выступе.

В голове моей стоял ревущий шум, гораздо более сильный, чем тот, который ударял мне в уши. Что-то толкало меня в глубины пространства, которое одно только могло погасить огни, охватившие меня, огни, частью которых я становился. Мне казалось, что я лезу куда-то, куда-то, где забвение.

ГЛАВА XXV.

Металлическая фантазмотория.

Я открыл глаза. Все тело мое затекло и болело. Я лежал на спине. Высоко над мной был огромный круг неба, окаймленный множеством щитов. Теперь щиты слабо мерцали и небо было небом ночи.

Ночи? Но как долго я здесь лежу? И где Дрэк? Я попытался встать.

— Тише, дружище, — услышал я рядом голос Дрэка. — Успокойтесь. Как вы себя чувствуете?

— Весь разбит, — простонал я, — что слышите?

— Мы не привыкли к таким представлениям, — сказал Дрэк. — Мы обьелись на этой оргии. С нами неожиданно сделался сильный припадок электрического несварения. Шш-ш... Оглянитесь-ка.

Я обернулся. Я лежал возле одной из стен кратера и с облегчением заметил, что крошечные точки-глаза уже не сверкали, а были снова тусклыми.

Передо мной бледно светилась гора из конусов. Вокруг ее основания блестели огни овальной формы. От них не исходило лучей, они не отбрасывали теней. Рядом с каждым стоял крестообразный предмет, который, как я уже теперь знал, был раскрытым кубом металлической рати.

Предметы эти были меньше Хранителя, меньше, чем в половину его высоты. Они выстроились почти непрерывающимся полумесцем вокруг огромного пьедестала. Огни были на несколько футов ближе к пьедесталу, чем они. Овальные, как я уже говорил, они более широким концом стояли книзу, в широкой чаше, которую поддерживала тонкая серебристо-серая, металлическая ножка.

— Я уже долго наблюдаю за ними, — прошептал Дрэк. — Я увидел, что вы живы и боялся вас разбудить. Они строят основание для конусов. Конусы так выросли, что им нужно дать больше места.

Крестообразные предметы склонились. Они склонялись все одновременно, как по

команде. У подножия каждого была гряда какого-то слабо поблескивающего вещества. Щупальцы предметов извивались среди этой гряды и затем вытаскивали нечто, похожее на хрустальный канат. Склоненные части предметов выпрямлялись и тотчас же бросали хрустальные полоски к овальным огням. Раздавалось странное шипение. Концы полос начинали таять и опадать ослепительным дождем, проходившим через овальные огни и падавшим на периферии пьедестала. Полосы таяли быстро. В этих огнях должен был быть жар, ужаснейший жар, но работники Хранителя как будто бы не чувствовали его.

Предметы все снова и снова проделывали одни и те же движения. Казалось, они нас не замечают, или же совершенно безразлично относятся к нам.

Вдруг огни, точно выключенные, померкли до света свечи. В то же мгновение полумесца из крестообразных предметов превратились в полумесца из кубов.

Теперь огромные черные кубы стояли неподвижно, вырисовываясь на мерцающем фоне конусов.

Потускневшие огни качнулись, поднялись и водррузились на спинах кубов. По двое, размеренным, торжественным шагом скользнули кубы в окружающий мрак. За ними двинулось множество других металлических предметов, которых мы до этого не заметили.

Странная и жуткая картина! Жуткая, потому что металлической рати было до нас, смертных, не больше дела, чем нам до муравейника, который мы топчем, или до паутины, через которую проходим. Вот в чем была сущность испытываемого нами ужаса. Если уничтожают из ненависти, то есть, по крайней мере, удовлетворение, что мы — осознанная реальность. Но если уничтожают с безразличием, небрежно, как человек наступает на муравьиную кучу — вот тут ужас!

Огни становились все слабее. Исчезли.

Мы не двигались. Кругом не было ни звука, ни движений. Мы встали и вместе пробрались по гладкому полу к конусам, находившимся футах в тысяче от нас.

Проходя, я увидел, что пол, как и стены, состоял из тел металлического народа. Но, как и стены, пол спал и точки-глаза были тусклыми. Я подошел ближе к конусам. Я заметил, что они стояли на хрустальном фундаменте, не выше чем в четыре фута над землей. Крепкие, приземистые колонны поддерживали этот фундамент. Я только теперь заметил, какое огромное сооружение опиралось на этот хрустальный фундамент. Он имел, вероятно, в диаметре целую милю, толщиной же не был и в ярд.

Меня поразило, что такая хрупкая поддержка могла нести такую гору, потом вспомнил, как сжимались конусы и что питало их и заставило их распухнуть.

Не имеющие веса магнитные атомы; рои электрических ионов; туманное дыхание бесконечной энергии, дышащее на них и сгущающееся в них.

Они не имели веса. Не знаю, как мне это стало ясно, но теперь, почти касаясь их, я это знал. Они были облачные и все же крепкие, сгущенные и в то же время редкие; плотные и в то же время не материальные.

Они были силой, ставшей видимой!

Энергией, сгустившейся, в материю!

Мы пробирались мимо фундамента и искали доску, над которой склонился Хранитель. Я нерешительно дотронулся до хрустального основания. Край был теплый, но я не мог сказать, было ли это следствием сверкающего дождя, или это было свойством самого вещества. Конечно, на нем не было следов, указывавших, куда падали растаявшие туманы. Он был как бриллиант тверд и гладок.

Ближайшие конусы начинались футах в девяти от его края.

ГЛАВА XXVI.

Гигантская клавиатура.

Вдруг мы увидели доску. В форме огромного Т, сверкающая бледным и прозрачным фиолетовым светом, она могла по форме и размерам быть светящейся тенью Хранителя. Она поднималась на фут над землей и повидимому не сообщалась с конусами. Она состояла из тысяч плотно расположенных, крохотных восьмигранных палочек. Концы некоторых из них были закруглены, концы других же — остры. Ни одна из палочек не была шире полудюйма. Палочки были подвижны. Они составляли невероятно сложную клавиатуру. Я увидел, что только щупальды-руки Хранителя могли разбираться в ее сложности.

Но почему же клавиатура эта была сделана так, что только угрюмый пылающий крест один мог знать ее скрытое значение? И как передавались ее сообщения?

Между доской и конусами не было видимой связи и между ею и щитами не было антенны. Могло ли быть, что раздражения, передаваемые щупальцами Хранителя, проходили по металлическому народу, образовавшему дно кратера, и дальше, наверх к металлическому народу, поддерживавшему по краю кратера щиты? Это было вероятно. Групповое сознание нуждалось в каком-то импульсе. Это было ясно,

иначе, зачем нужна доска, зачем работа Хранителя?

Не была ли каждая из этих крошечных палочек механизмом, сходным в некотором роде с посылающими клавишами беспроводного телеграфа? Не были ли они передатчиками тонкой энергии, в которой и заключалось приказание? Быть может они передают азбуку какого-то сверх-Морзе, несут каждой ответственной металлической клеточке приказания высших единиц, которые для тела Рати то же самое, что для нас клеточки мозга?

Я наклонился, твердо решив, вопреки непобедимого отталкивания, испытываемого мною, дотронуться до палочек на доске.

Трепетная тень упала на меня...

Над нами сиял Хранитель Конусов.

В сравнении с ним мы были карликами перед гигантом. Если бы он имел форму человека, мы достигали бы трети расстояния до его колен. Я устремил все свое внимание на двадцатифутовый четырехугольник, который был его основанием. Поверхность его была совершенно гладкая, но под нею мерещились бесчисленные, микроскопические кристаллы. Эти крупицы, существование которых вернее чувствовалось, чем было видно, светились тусклым, красным светом, дымчатым и угрюмым. С каждого края четырехугольника, у самого низа его, было по два

...бледно светилась гора из конусов. Блестели огни овальной формы. Рядом стояли крестообразные предметы — раскрытые кубы.

ромба, может быть, в ярд длиной. Они были тускло-желтого цвета, прозрачные, в них не чувствовалось внутренней кристаллизации. Я решил, что это органы чувств — подобные огромным овам в диске Повелителя Металла.

Мой взгляд перешел к раскинутым в обе стороны плоскостям крестообразного предмета. От одного конца до другого они растянулись на шестьдесят футов. На каждом конце было еще по такому же ромбу, горевшему злым оранжево-багровым светом. В центре луча было нечто похожее на тлеющее отражение пульсирующий многоцветной розы Диска, если бы лепестки розы были угловатыми. В центре она сгушалась и образовалась какой-то странный алый решетчатый узор. Во всю эту фигуру стекалось множество ручейков угрюмого багрового и оранжевого цвета,

перекрещиваясь узорами, в которых не было ни сгибов, ни дугообразных линий. Среди них, на некотором расстоянии друг от друга, были как бы вставленные розетки, похожие на огромные бутоны хризантем, полуоткрытые и выточенные из серого нефрита.

Над всем этим возвышалась гигантская вертикальная часть предмета. Около верхушки ее я заметил огромный четырехугольник пламенеющего красного цвета и яркого топаза. Два бриллианта были как раз под ними и глядели на нас... как глаза.

Нас подняло вверх. Дрек схватил меня за руку. Против решетчатого сердца розы с четырехугольными лепестками наш полет задержался. Тут мы повисели...

К нам вытянулись эти щупальцы и стали извиваться вокруг нас.

Тело мое было неподвижно, точно его держали крепко стиснутым. Но кожа моя вся сжималась от прикосновений щупальцев. И все же прикосновения эти не были неприятны. Гладкие концы щупальцев проникали в наши волосы, проходили по нашим лицам, скользили по одежде. Хранитель разглядывал нас!

Ритм угловатой розы стал ритмом моих мыслей. Но в испытываемом мною ощущении не было ничего похожего на тот покой, который, по словам Руфи, исходил от Повелителя Металла. Без сомнения, тут чувствовалась огромная сила, но в ней были отголоски ярости, нетерпения, нечто неполное и борющееся.

Щупальцев становилось все больше и больше, они обвивали нас, затрудняя наше дыхание.

Вдруг тиски, державшие меня, ослабели. Я почувствовал, как вспыхнул злобой предмет, державший нас. Его угрюмые огни запылали. Потом щупальцы втянулись назад и меня куда-то понесло.

В тисках Повелителя Металла.

Теперь я висел рядом с Дреком перед Дисксом.

Он оторвал нас от Хранителя и я видел, как щупальцы того, злобно извиваясь, тянулись к нам и, наконец, неохотно, угрюмо вернулись в свои гнезда.

От Диска исходил и охватывал меня огромный покой, усыпавший всякую человеческую мысль, невыразимый покой, в котором как бы тонуло все, что было во мне человеческого.

И как будто я был не участником, а наблюдателем, я увидел всю жуткую картину—двое людей, висящие в воздухе, с одной стороны—поблескивающий багровый и оранжевый крестообразный предмет, с другой—сияющий Диск. Светящаяся гора конусов и высоко надо всем—круг солнечных щитов.

Вокруг раздавался звон, нежный и хрустальный. Он исходил от конусов и был их голосом. В широкий круг неба уходило копые зеленого огня. Быстро вслед за ним устремились другие. Это был солнечный восход.

Мы медленно опустились на землю и, покачиваясь, стояли у подножия Диска. Хранитель снова склонился, и щупальцы его снова заиграли на хрустальных палочках какую-то неведомую симфонию силы.

Толще становились копыя света, превращаясь в широкие, волнующиеся завесы. Граненое колесо на вершине копыя над конусами поднялось вверх. От конусов стал исходить свет, уже не в виде столба, а широким кругом, который, крутясь, мчался к небу, точно раскинутая сеть.

И подобно сети, он поймал утреннюю зарю. В его туманности закрутились ионы, потеряли свои цвета, превратились в поток света, мчавшийся вниз.

Вниз лились сияющие корпускулы, омывая конусы. Конусы эти не пылали, как тогда, когда их заливали потоки от щитов, и если они и росли, то так медленно, что я не мог уследить. Щиты были неподвижны. То тут, то там вверх мчались другие круги—меньшие рты меньших конусов, всасывающие магнитное течение.

Потом, так же, как тогда увидели странное явление в голубой долине, кольцо исчезло, скрытое туманом, точно сила, льющаяся через кольца, рассеялась после того, как ее поймали. Я спрашивал себя, не из этих ли самых плененных ионов состояло то море света, в которое мы погружились, войдя в долину? Не было ли это резервуаром для ночного питания Города и его отдельных единиц?

Забыв о том, что мы в плену, мы внимательно следили за игрой щупальцев на торчащих сверху палочках.

Диск скользнул ближе и точно смотрел на нас, как человек смотрел бы на каких-нибудь интересных и забавных насекомых, или на котенка. Я почувствовал толчок, толчок, полный колоссальной сверкающей игривости. От этого толчка я откатился на ярды, Дрек последовал за мной. Сила, конечно, исходила от Диска и в ней не было и намека на злобу, не было ни тени жути. Было похожее на то, что кто-то дунул на перышко.

Диск смотрел, как мы завертелись в воздухе, и в его пульсирующих огнях был сверкающий свет.

Снова толчок—и мы полетели, крутясь, еще дальше. Вдруг перед нами засияла мигающая тропка—разбуженные глаза кубов обозначали нам дорогу, по который мы должны были следовать. Когда они выглянули, Повелитель повернулся, и его огромная, овальная металлическая спина выплала черная на фоне сияющих конусов.

От узкой сверкающей тропы,—тропы, открывшейся и покоряющейся каким-то таинственным приказаниям, поднялись рои крошечных, невидимых рук, мыслящие течения магнитной силы, которые были руками и пальцами металлического народа. Они держали нас, отправили нас дальше, вперед. Мы двигались все быстрее и быстрее.

Я повернул голову назад—конусы были уже далеко. Над доской склонялись плоскости Хранителя и попрежнему выри-

совывался черный силуэт огромного овала на сияющем фоне.

Наше движение все ускорялось. Высокая стена была совсем близко. В ней показались продолговатые ворота. Мы влетели в эти ворота. Перед нами был корридор, точно такой, как тот, который закрылся за нами и выбросил нас. Только здесь пол круто поднимался. Поверхность его была такая гладкая, что по ней не мог бы подняться ни один человек. Это был колодец, стены которого поднимались под углом, по крайней мере, в тридцать градусов и конец которого не был виден. Вверх, все вверх, он проходил через город.

Мгновение мы задержались на пороге корридора. Но то, что заставляло нас двигаться, не желало останавливаться здесь. Нас подняло вверх, ноги наши едва касались блестящей поверхности. Нас поднимала сила, исходящая от пола, и несла сила, нажимавшая с боков.

Мы мчались вверх, вверх... десятки футов... сотни...

ГЛАВА XXVII

Покой, в котором
рождалась Рать.

— Профессор, — прервал молчание Дрэк, — это не способ выйти отсюда. Мы все больше углубляемся, все удаляемся от ворот.

— Что же мы можем сделать? — Я был уверен в нашей полной беспомощности.

— Если бы мы только знали, как разговаривать с этими предметами, — продолжал Дрэк, — Если бы мы только могли объяснить Диску, что хотим выйти отсюда. Я уверен, что это бы нам помогло.

Хотя эти слова и звучали дико, но я чувствовал, что он прав. Диск не желал нам вреда. Я даже подумал, что он желал нам добра, когда угадал нас толчками. Я не мог забыть душивших нас щупальцев Хранителя Конусов.

— Отвыкнув нас, точно мы были кош- кой, — как эхо отозвался на мои мысли Дрэк.

Мы продолжали мчаться вверх по колодцу. Я предполагал, что мы теперь тысячах в двух футов над уровнем долины.

— Нам необходимо вернуться к Руфи. Что она думает? — волновался Дрэк.

— Но мы же ничего не можем сделать, — отвечал я. — Не забывайте, что она

в доме Норхалы, где с ней ничего не случится.

— Да, и Норхала верно с ней, — утешал себя Дрэк.

— Не сомневаюсь в этом, — ответил я и мне вдруг пришла мысль, в которую я сам почти не верил. — Послушайте, здесь ничто не делается непреднамеренно. Нас мчат вперед по приказанию того, кого вы называли Повелителем Металла. Он не хочет нам зла. Может быть, мы несемся теперь к выходу отсюда?

— Может быть, — он с сомнением покачал головой. — Но я в этом не уверен. Его толчок мог означать, что он хотел нас прогнать отсюда. Я чувствую, что движение наше стало медленнее.

Я теперь тоже обратил на это внимание. Я оглянулся. Стена позади падала вниз на сотни футов.

— В корридоре есть отверстие, — заметил Дрэк. — Я не очень-то доверяю этому Повелителю. У него на металлическом уме кое-что совсем другое. Попробуем проскользнуть в первое отверстие, которое попадется на нашем пути.

Я и сам заметил корридоры, выходящие по бокам в колодез, и кивнул Дрэку в знак согласия.

Продвижение наше становилось все медленнее. Футах в ста над нами я заметил отверстие. Достигнем ли мы его? Мы поднимались

все медленнее, отверстие приближалось, но наши ноги начали скользить назад по крутому пути. Теперь отверстие было в каком-нибудь ярде от нас, но мы стояли неподвижно.

Дрэк охватил меня руками и страшным усилием втолкнул меня в корридор. Я упал на краю его, увидел, что Дрэк скользит вниз, вниз, и протянул ему руку. Он схватил ее и так рванул, что чуть не сломал мне руку. Но он удержался, и я прополз в корридор, волоча его за собой почти как мертвую тяжесть.

Минуты две мы лежали на спине, отдыхая. Я сел. Корридор был широкий, безмолвный, повидимому, также бесконечный, как и тот, из которого мы только что бежали. Вдоль его, над нами, под нами, кристаллические глаза были тусклыми. Нигде не было признаков движения.

— Пойдемте, — сказал я.

К нам вытянулись щупальцы Хранителя и стали извиваться вокруг нас.

Корридор тянулся прямо впереди нас. Не знаю, как далеко мы прошли. Казалось, мы идем мило за милей. Он вдруг неожиданно расширился в громадный зал.

И зал этот был полон металлической рати, был гигантской мастерской, переполненной ими. На полу были груды сверкающего металла, горы сверкающих драгоценных камней, кучи слитков, металлических и кристалльных. Повсюду горели раскаленные овалы, точно летающие в воздухе горны, большие и малые.

Перед одним из таких горнов, близко от нас, стоял предмет. Тело его было двенадцатифутовой колонной из кубов. Наверху колонны был полый четырехугольник, состоящий из кусков металла немногим больших, чем металлические Малытки. С боков полого четырехугольника тянулись длинные руки из шаров, каждый из которых был увенчан четырехгранником. Они двигались свободно и, точно десяток маленьких разумных молотков, ударяли своими пирамидальными кончиками на столько же предметов, которые они по очереди бросали в немигающие горнила и затем на центрально-стоящий куб, где придавали им форму.

Тут было множество таких оживленных машин. Они не обращали на нас ни малейшего внимания. Мы прошли мимо каких-то предметов, стоящих подвое и очень близко друг к другу. На верхушках их были широкие, прозрачные и бесцветные слитки. Мне показалось, что они были из того же вещества, что и стены дома Норхалы, и кристаллы, образовавший основание для конусов. Слитки эти проходили между вертящимися дисками и показывались снова в виде длинных, тонких цилиндров. Тут их подхватывали склоняющиеся кубы, место которых занимали тотчас же другие.

Сложные, оживленные машины выполняли какую-то странную, непонятную работу. И все помещение полно было таинственной суетой, грохотом молотов о наковальни. Точно какая-то пещера металлических Нибелунгов.

Мы пошли ко входу в другой корридор. Наклон его был крутой, но не опасный. Мы вошли в него и стали продвигаться. Далеко впереди на фоне яркого света вырисовывались очертания другого входа.

Мы подошли, остановились на пороге и осторожно выглянули.

Мы хорошо сделали, что не перешагнули порога. Перед нами была бездна — бездна в самом теле Города. Корридор открывался на эту бездну, как окно. Мы высунули и увидели ничем непрерываемую стену и над нами и под нами. Противоположная стена была от нас в расстоянии четверти мили. Над этим колодцем было туманное небо, а не больше, чем в тысяче футах наверху, на фоне неба чернел край огромной бездны.

Под нами на различных уровнях рать перекидывалась через бездну паутиной дугообразных арок и прямых мостов. Мы знали, что все эти странные сооружения были гигантских размеров, но расстояние

уменьшило их до узких тропинок. Через эти мосты торопливо двигались целые толпы, от них исходили молнии, сверкания, призматические лучи. Одни золотого, плутанического пурпура, другие стрелы — цветного света, исходявшие от развернутых кубов, шаров и пирамид, пересекавших мосты.

А когда они проходили, мосты поднимались, свертывались и исчезали в отверстиях, которые закрывались за ними. На их пути вытягивались новые мосты, так что над бездной все время висела эта странная паутина линий.

Мы медленно повернулись и пошли назад. Мы прошли так ядров сто, пока не остановились у отверстия в стене рядом с нами. Я был совершенно уверен, что этого корридора не было, когда мы здесь проходили.

Мы заглянули в него. Корридор был узкий и вел вниз. Мгновение мы задержались, оба испытывая одно и то же неприятное чувство жутости. Но какой же у нас был, в конце концов, выбор среди окружающих нас со всех сторон опасностей? Там не могло быть больше опасностей, чем здесь.

Оба пути были... живые. Оба подчинялись воле, над которой мы не были властны. Корридор этот тоже вел вниз. Наклон его был меньше, и он поэтому не так быстро спускался к тому уровню, на котором находились выходы в долину. Вернуться назад значило для нас попасть опять в кузницу, оттуда к Конусам, а, значит, и к верной гибели.

Мы вступили на открывшийся путь. Он некоторое время шел прямо, потом заворачивал и слегка поднимался вверх. Мы пропали небольшое расстояние, когда в корридор вдруг ворвалось мягкое сияние, полное жемчужных отблесков и розовых теней.

Точно открылась дверь в какой-то сияющий мир. Вместе с светом ворвалась и музыка, если можно назвать музыкой могучую гармонию, звучные аккорды, кристалльные темы, связанные четкие нот, которые были точно спиральные извивы звуков крошечных золотых звездных колокольчиков.

Мы двигались к источнику света и звука и не могли бы ни остановиться, ни отступить, если бы даже и захотели. Сияние притягивало нас к себе, как солнце водяную каплю, и нежная музыка невыразимо очаровывала нас. Мы подошли все ближе... к узкой нише, из которой лился и свет, и звуки. Мы вошли в нее... и не пошли дальше.

Мы заглянули в обширное сводчатое помещение, огромный храм света. Высоко плыли и светили мягкие шары, похожие на нежные солнца. Это была не бледная позолота холодных лучей. Они пылали радостно, точно вино из рубинов, которое джинны Эль-Шираза выжимают из зачарованных лоз. Розово-белые шары, опаловые шары, шары зеленые, как шепчущие весенние бутоны. Шары великоленного багрянца, солнца, от которых исходили певу-

чие лучи розы, обрученной с жемчугом, шары сапфира и топаза. Шары, рожденные прохладными девственными зорями и великолепными закатами.

Они плясали, эти бесчисленные ореолы. Они раскачивались нятями, образующими яркие коралловые рисунки.

И в пляске этой они ласкали и заливали своими веселыми лучами мириады металлических народа. Под этими лучами сверкали многоцветные огни дисков, звезд и крестообразных предметов и плясали в том же ликующем ритме.

Мы увидели источник музыки—огромное нечто, состоящее из блестящих хрустальных трубок, похожее на гигантский орган. Из окружавшего его сияния собрались огромные языки пламени, лизали хрустальные трубки и поглощались ими.

И когда трубки выпивали их, языки пламени превращались в звуки. Ревущий зимний ветер, шум водопада и потока—это было изумрудное пламя. Трубные звуки желания были пурпурным пламенем. Переливы бриллианта таили в серебристых симфониях, подобно окутанным туманами плядам, претворенным в мелодии.

Под эти, подобные хамелеонам, мелодии плясали странные солнца.

Теперь я понял тайну этого покоя.

В каждой трепещущей розе радужного огня, которая была сердцем диска, во всех пурпурных лепестках звезды прятался крошечный диск, крошечная звезда.

Невероятное цветение хрусталя и металла под колыбельные песни-симфонии пламени.

Это был покой, где рождалась Рать!

Лоно Города!

Стены ниши, в которой мы находились, засверкали, глаза-точки угрожающе уставились на нас, как часовые, заснувшие было на своем посту. Ниша закрылась и с такой быстротой, что мы едва успели выскочить в корридор.

Корридор тоже проснулся, был угрожающе живой. В точках уже не было игривого лукавства. Они смотрели пронзительно, сгла, исходящая от них, подхватила нас и бросила вперед. Далеко впереди показался четырехугольник света. Он быстро рос. В нем, как в рамке, виден был аметистовый свет огромного кольца, огибавшего скалы.

Я оглянулся. Корридор за нами смыкался.

Теперь отверстие было так близко, что через него мы могли видеть обширную панораму долины. Стены за нашей спиной коснулись нас и толкнули вперед. Мы в отчаянии прижимались к ним. Но с таким же успехом могли бы пытаться мухи сдерживать движущуюся гору.

Нас неуклонно толкало вперед. Вот мы уже на выступе в какой-нибудь фут шириной...

Дрожа, задыхаясь от страха, мы видим, как отвесно спускается вниз стена Города. Ее гладкая блестящая поверхность тянется на тысячи футов ко дну долины. И никакие милостивые туманы не скрывали от нас

то, что нас ожидало. В это короткое мгновение все подробности Бездны вырисовывались перед нами с невероятной четкостью.

Выступ таял под нашими ногами. Мы нырнули вниз, ухватившись друг за друга. Далеко внизу нас ждала смерть!

ГЛАВА XXVIII.

Наказание.

Правда ли это, что Время внутри нас самих, что как и Пространство,—его двойник,—это только иллюзия, созданная человеческого мозгом? Бывают часы, которые летят на крыльях птицы, есть секунды, которые тащутся, точно обутые в свинцовые сапоги.

Правда ли, что когда мы лицом к лицу со смертью, сознание находит в своей воле к жизни силу победить иллюзию—продлить Время? Что, отшатавшись от угасания, в попытке удлинить наше существование, мы в одно короткое мгновение будим к жизни целые прошедшие года, года, которые еще должны были наступить. Как иначе объяснить кажущуюся медленность, с которой мы падали, кажущуюся неторопливость, с которой стена проплывала мимо нас.

Подвергались ли мы наказанию за то, что наш взгляд проник в запретное место? Наказанию за то, что коснулись взглядом колыбели Металлического Народа, где рождались Металлические Малюты?

Медленно скользила вверх стена...

Вдруг я понял то, что происходило, но сразу еще не мог этому поверить. Это не было иллюзией. После того, как мы с быстротой нырнули вниз, наше падение было задержано. Мы опускались очень медленно и наשמивые глаза-точки в стене пронически смотрели на нас. И сила этой живой стены поддерживала нас в воздухе и осторожно опускала на дно долины, лежащее теперь уже тысячах в двух футов под нами.

Меня охватила ужаснейшая ярость. Благодарность, которую я должен был испытывать, была на деле чувством злобного унижения.

Если мы совершили преступление, то почему не наказать нас так, как того достойны мыслящие существа? Если же мы не провинились, то зачем же нас так унижать? Была ли это просто шутка, обидная для нас шутка?

Зачем раскачивать нас в воздухе, как кукол, спущенных с небоскреба? Не очаровывали ли нас просто надеждой, чтобы под конец еще более жестоко нас уничтожить?

Я вырвался из рук Дрэка и стал грозить стене кулаками, пытаясь ударить ее ногами, как злое дитя. Я весь дрожал, когда прошла эта вспышка. Дрэк мягко коснулся меня рукой.

— Успокойтесь, — говорил он, — успокойтесь. Это не имеет никакого смысла. Взгляните лучше вниз.

Я ослабел от припадков ярости и подчинился. Дно долины было теперь приблизи-

тельно в тысяче футов от нас. Там, где мы должны были опуститься, собрались толпы металлического народа. Казалось, они ждали нас. Я окинул взглядом всю долину. Свет, заливавший ее, напоминал лунный свет, но не имел его качеств. Он не отбрасывал теней. Мягкий, он был в то же время пронизывающим и все освещенное им было видно так же ясно, как при солнечном свете. Я решил, что освещение это исходило от светящихся завес, спадавших с аметистового кольца, охватывавшего скалы.

В то время, как я смотрел, от завес издалека отделилась искра. Она мчалась к нам со скоростью метеора. Она остановилась у самого города и, может быть, в полумиле от нас. Я узнал в ней один из летучих предметов — невероятных вестников.

При его приближении увеличилась суета среди ожидавшей нас толпы. В нашем движении тоже произошла перемена, и мы стали быстрее опускаться.

ГЛАВА XXIX.

Появляется Норхала.

Вдали, в направлении, откуда появился Летучий Предмет, я уловил какое-то другое движение, нечто отличавшееся от других беспрерывных движений в бездне.

— Норхала! — воскликнул Дрэк.

Это была Норхала. Она мчалась к городу с развевающимися волосами, похожая на очаровательную ведьму, летящую на спине коня из огромных кубов.

Она приближалась. Наше падение становилось быстрее. Дно долины было теперь футах в двухстах от нас.

— Норхала! — крикнули мы. — Норхала!

Прежде чем наши крики могли достигнуть до нее, кубы остановились под нами. Вокруг Норхалы заскользил металлический народ, касаясь ее со странно кошачьими движениями. Она не обращала на это никакого внимания и во все глаза смотрела на нас. Мне стало жутко. Невидимые руки мягко подхватили нас и опустили рядом с Норхалой.

— Норхала, — начал я и замолчал, потому что это была не та Норхала, которую мы знали. Исчезли ее необычайное спокойствие и невозмутимость. Это была проснувшаяся наконец Норхала. Над сверкающими глазами насупились тонкие, золотистые брови. Ноздри раздувались, нежный, когда-то пунцовый рот был сжат и губы побелели.

Что могло ее разбудить?

— Норхала, — голос мой дрожал, — те, которых мы оставили...

— Они исчезли! Их взяли...

— Взяли? Но кто же? — в ужасе крикнул я. — Взяты вот эти? — я указал на теснящийся вокруг металлический народ.

— Нет! Эти мои! Они покорны мне! — золотой голос дрожал от волнения. — Их взяли в плен... люди!

Дрэк прочел выражение моего лица, хотя и не мог понять нашего разговора.

— Руфь, — застонал он.

— Ее взяли в плен, — сказал я ему. — И ее, и Вентнора. Взяли вооруженные люди, воины Черкиса.

— Черкис! — Норхала подхватила это слово. — Да, Черкис! И теперь он и его воины, и все его женщины, и каждое живое существо, подвластное ему, должны будут поплатиться. Не бойтесь — вы оба! Я, Норхала, верну себе своих. Горе тебе, Черкис! Я, Норхала, не забуду! Горе тебе Черкис, теперь пришел твой конец! Я обещаю это именем богов моей матери, богов, повернувших свою силу против нее. Я, Норхала, не нуждаюсь в богах. У меня сила большая, чем у них. Я когда-нибудь раздавлю этих богов, как теперь раздавлю тебя, Черкис.

Норхала совершенно потеряла самообладание.

— Вы будете со мной, — крикнула она.

Норхала высоко подняла руки и топнула ногой по кубу. Кубы дрогнули и полетели. Быстро исчезал сверкающий, живой лик Города.

Мы были уже далеко. Кубы замедлили ход. Норхала закинула назад голову. Из горла ее полился зов — золотой, повелительный. Он прозвучал трижды, и вся Бездна точно застыла, прислушиваясь.

Этот дикий, победный клик был космическим зовом к борьбе.

Кубы под нами затрепетали, и мне показалось, что я чувствую покалывание тысяч стрел, вызывавших меня на какую-то оргию разрушения.

Покоряясь зову, к нам полетели кубы, шары, пирамиды. Они следовали за нами точно вал вечно волнующегося моря.

Этот металлический вал поднимался все выше и выше по мере того, как к нему примыкали все новые и новые металлические предметы. И скоро он вырос в высокую стену.

Кубы мчались все быстрее и быстрее, вот уже аметистовое, сверкающее кольцо по краю бездны почти над нашими головами.

Одно жуткое мгновение — и мы прорвали светящиеся завесы. Вдали светился сапфировый шар дома Норхалы. Мы приближались к нему.

На дороге возле дома я увидел трех оседланных лошадей. Они стояли мгновение, парализованные от страха, потом заржали и понеслись.

Мы были у дверей Норхалы. Те же невидимые руки спустили нас с кубов и мы шагнули к двери.

— Подождите, — остановила нас Норхала, — без меня вас там ждет опасность.

(Продолжение в № 5 „Мира Приключений“).

МИР, КАК ВИДЯТ ЕГО ЖИВОТНЫЕ

Очерк Е. Г.

Фотографии с натуры

Если бы животные могли говорить, что сказали бы они нам о предметах, которые видят вокруг себя? Показывают ли им глаза мир таким, каким видим его мы, или же они живут в своем собственном, странном и удивительном мире, который перевернул бы все наше «мировоззрение», если бы мы только могли смотреть их глазами?

Невозможно ответить на эти вопросы с полной уверенностью, потому что, в конце концов, зрение находится в зависимости от мозга. Изображение получается на сетчатой оболочке глаза, но мозг расширяет детали этого изображения и передает его нашему сознанию. Мы, люди, имеем возможность разговаривать друг с другом, и после бесчисленных веков опыта человечество свыклось с видом окружающего его мира и принимает многое, как неоспоримое. Эти накопленные познания передаются от родителей к детям. И все-таки человек может прожить на свете сорок лет, прежде чем он узнает, что не умеет различать цвета.

Насколько же нам труднее судить о зрении животных. Мы можем анатомизировать глаза собаки и видеть, что в общих деталях он очень похож на нас, но мы не узнаем умственных процессов, происходящих в мозгу собак. Пока мы не сможем сделать этого, мы не в состоянии с уверенностью и сказать, видят ли собаки так, как видим мы. Самое большее, что нам позволено, это—вывести некоторые заключения, основанные на опыте и доказанные наблюдениями.

Что касается размера и формы, животные видят предметы почти так же, как мы. Главное различие в том, что они одновременно видят больше предметов. Поле зрения животных обширнее нашего, потому что глаза в большинстве случаев помещаются у них по бокам головы. Это не значит, что они могут видеть на большее расстояние, но что они видят многое, происходящее позади них.

Нормальное поле зрения среднего человека — около 190°. Встаньте прямо и устре-

мите глаза на какой-нибудь предмет перед собой. Вытяните руки в стороны под прямым углом и перебирайте пальцами. Не отрывая глаз от предмета впереди вас, вы легко можете видеть движения ваших пальцев. Не двигая головой, поворачивая только глаза направо и налево, вы можете увеличить поле зрения на пятьдесят процентов.

Много людей, — особенно те, у кого выпуклые глаза, — могут различать движущийся предмет, находящийся в 45° за линией плеч, что составляет общее поле зрения в 270° (или три четверти круга), которое может быть покрыто всего только поворачиванием глаз, без каких-либо движений головы и тела.

Вот прозаическое объяснение того, что часто называют «шестым чувством», способности, которая точно сообщает нам, что кто-то бесшумно вошел за нашей спиной в комнату. Глаза наши были привлечены каким-то легким движением, но так как человек производит это движение почти за нашей спиной, мы считаем, что никак не могли видеть его. Нужно только сделать несколько опытов, чтобы убедиться, что мы можем видеть так, точно у нас «глаза на затылке».

Но тут нас побивает лошадь, поле зрения которой покрывает 360°, или полный круг. Профессор Вулдридж рассказывает о случаях, когда у лошади были плохо примыкающие наглазники. За спиной лошади, в экипаже, произошло какое-то движение. Лошадь испугалась и понесла. К лошади всегда нужно подходить спереди. Если лошадь увидит, что что-то двигается за ее хвостом, она может заподозрить, что ей грозит какая-то опасность и лягнуть в виде самозащиты. Но относительно глаз лошади часто ошибаются. Многие убеждены, что глаз лошади увеличивает и что лошадь видит человека, как страшного великана. Это, конечно, неверно. Смешно думать, что глаз лошади увеличивает только человека. Лошадь видела бы тогда все в увеличенном виде — включая лошадей.

Канарейка должна считать людей существами с огромными головами. Когда мы заглядываем в клетку канарейки, ей видно очень мало помимо нашего гигантского лица.

Наше зрительное представление приобретает только сравнением. То есть, мы сравниваем высоту предметов, новых для нас, с высотой предметов, уже привычных. В первобытном состоянии лошадь видела других лошадей и животных и должна была затем, конечно, сравнить с ними человека и убедиться, что человек — незначительное существо. Но и помимо этого надо прибавить, что хрусталик глаза лошади не обладает способностью увеличения предметов.

Наш мир создается человеком, и человек строит предметы по масштабу, удобному ему. Поэтому то, что кажется маленьким нам, должно быть громадным в глазах кошки и собаки. Глаза их часто бывают только на фут от земли, тогда как наши — выше земли на пять футов. Поэтому кошке, проходящей по улице большого города, все дома должны казаться небоскребами. По этой же причине обычные, окружающие нас предметы, приобретают для наших любимцев такие характерные черты, которые для нас остаются незамеченными. Подумайте про стол — и тотчас же вы мысленно увидите гладкую, блестящую деревянную поверхность. Кошка же, вероятно, представляет себе стол, как четыре огромные ноги, поддерживающие тусклую, темную крышу.

У крошечного существа, как канарейка, должны быть вообще очень странные, с нашей точки зрения, представления о вещах. Вообразите себе, что вы беседуете с человеком футов шестидесяти ростом и смотрите в глаза, имеющие почти фут в диаметре. Если бы он приблизил к вам свое лицо вплотную, почти все его

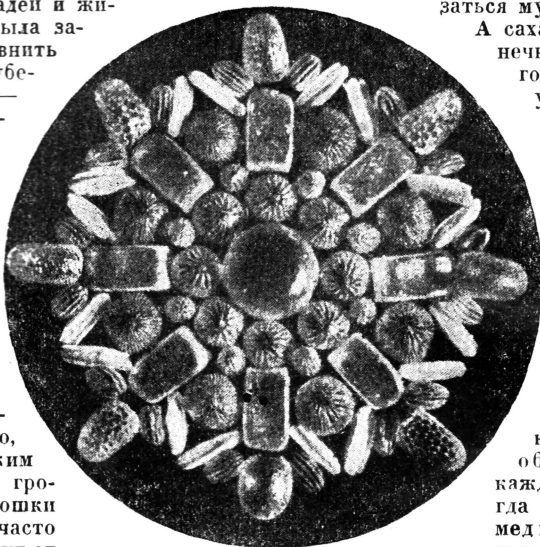
остальное тело стало бы для вас не видно. Вот такое впечатление человек и должен производить на канарейку, когда он заглядывает к ней в клетку.

Обыкновенная комната должна казаться мухе обширным полем.

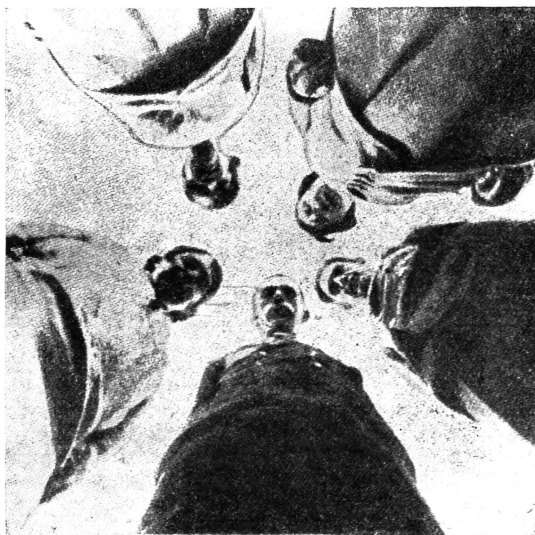
А сахарница для мухи, конечно, должна являться гористой местностью, усеянной скалами.

Мы можем себе ясно представить, как видят мир насекомые. Каждый, заглянувший в микроскоп, бывает поражен красотой предметов, которые слишком незначительны, чтобы мы могли их видеть невооруженным глазом. И вот этот мир крошечных чудес — обыденный мир для каждого насекомого. Когда пчела высасывает мед из сердца цветка, она должна видеть положительно сказочный мир красок и ароматов. Если бы этот мир соответственно увеличить, он был бы слишком ослепителен и оудрающе для чувств человека. Многие насекомые кладут яйца странной и интересной формы, и садовники были бы очень удивлены, если бы им сказали, что грязные пятнышки, которые они так усердно уничтожают, дают иной раз прекрасную картину, если их рассмотреть в увеличительное стекло.

Насколько мы знаем, у животных очень мало развито, или почти отсутствует, чувство красок. А. С. Эккерман, автор «Популярных заблуждений», объясняет, что мысль, будто быков раздражает красный цвет, родилась по той причине, что торреадоры употребляют во время боя быков красные плащи. Но в этих боях бык раздражается прежде всего тем, что в него бросают бандериллы — зубчатые стрелы. После этого уже

Яйца бабочек и мотыльков, увеличенные во много раз. Для человеческого глаза они все еще только точки, но насекомые видят их во всей красе.

Некоторые животные, как например, заяц, обладают такими выпуклыми глазами, что могут видеть все вокруг. Если бы пять человек стояли кольцом вокруг зайца, и он поднял бы голову, он увидел бы их так, как изображено на фотографии.

обезумевшее животное бросается на всякий движущийся в его поле зрения предмет. Смелые исследователи, махавшие перед нараненными быками материями всевозможных цветов, установили, что ни один двет сам по себе не производил на быка никакого впечатления.

Делали и следующий опыт. Красили крысу в красный двет и выпускали ее в некотором расстоянии от терьера — специалиста по ловле крыс. Несмотря на необыч-

разведку. Птицы же эти обычно находятся на небольшом расстоянии друг от друга.

Но несомненно, что стервятники обладают неизмеримо более острым зрением, чем люди. То же можно сказать и про птиц, ловящих насекомых. Ласточка не ждет, чтобы насекомое влетело ей в рот. Она должна охотиться за этим насекомым, а это требует очень большой быстроты глаза.

Человек обладает так называемым бинокулярным зрением, т. е. оба глаза одновременно смотрят на предмет, и оба отражения, получаемые на сетчатой оболочке, сливаются в одну контролирующим мозгом. Закройте один глаз и мир сразу станет для вас каким-то плоским. Ничто не будет выступать и будет казаться, что смотришь на картину, а не на действительную жизнь.

Часто думают, что многие животные и птицы обладают монокулярным зрением, потому что глаза их на далеком расстоянии друг от друга по бокам головы. Каждый наблюдал, вероятно, как курица поворачивает голову на бок и пользуется только одним глазом, когда она особенно внимательно что-нибудь рассматривает. Но если форма черепа и длинный клюв мешают глазам курицы встретиться на предмете в одном

Эта иллюстрация изображает, по мнению профессора Вуда, как видела бы рыба людей, окружающих стеклянный аквариум.

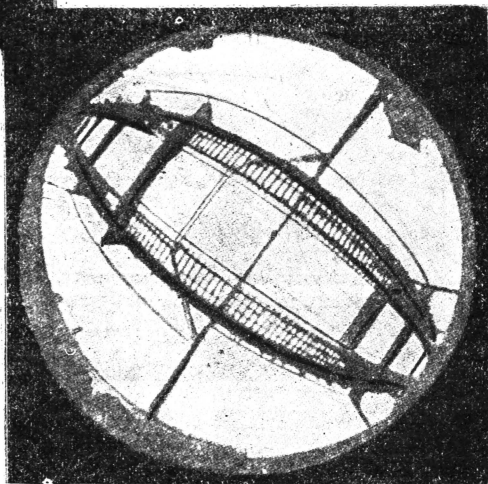
ный вид крысы, собака гналась за ней с таким же увлечением, как и за обыкновенной крысой.

В случаях болезни, когда животные отказывались есть не вкусную, но полезную для них пищу, ветеринары придавали ей двет любимой животными пищи. С детьми такие опыты часто удавались, но ни собаку, ни кошку на такую удочку нельзя было поймать.

Как ни странно, но у насекомых высоко развито чувство красок. Нет сомнения, что бабочек привлекает окраска цветов, снабжающих их пищей, и естественные опыты пользуются этим, окрашивая приманку в цвета, которые особенно привлекают тех или иных насекомых.

У некоторых птиц, на наш взгляд, невероятно острое зрение. Жуткие рассказы передают о стервятниках, которые летают так высоко над пустыней, что наш глаз не видит их. Но стоит пасть животному или умереть человеку, как тело атакуют полчища этих птиц, точно сваливающихся с неба.

Это не так странно, как кажется. В чистой атмосфере пустыни легко видеть движение точек, которыми являются с высоты люди и животные. Если такая точка долго остается неподвижной, стервятник опускается на

Вот как видела бы рыба, плавающая в реке, железнодорожный мост. Линия, идущая сверху справа вниз налево — один из главных быков моста.

фокусе, она бинокулярно видит предметы, находящиеся на большом расстоянии.

Золотая рыбка, плавающая в аквариуме, видит мир совершенно особенным образом. Тут все зависит от того, как преломляются лучи света, проходящие из воздуха через поверхность воды. Если предмет находится в воде, рыба видит его, вероятно, почти так же, как мы, с той разницей, что глаза рыбы, специально приспособленные, видят под водой гораздо лучше, чем видели бы глаза человека. Но граница зрения рыбы

Как маленькая собачка видит свою хозяйку.

была бы очень сокращена из-за плотности стихии, в которой она живет. Но когда рыба сквозь воду смотрит вверх и видит мост через реку или кого-нибудь, стоящего на берегу, тогда то, что она увидит, будет очень странно и исковеркано.

Если бы человек стоял под непрозрачной стеклянной крышей с маленьким круглым отверстием, прорезанным над его головой, он увидел бы над крышей такой же кусок окружающего его мира, какой рыба видит над поверхностью воды. Другими словами, то, что увидит рыба, заключено в границы конуса света, острый конек которого находится в глазу рыбы, а круглое основание — на поверхности воды. Преломление световых лучей в соединении с их ограниченностью круглым отверстием дает рыбе вид окружающего мира, очень схожий с тем, какой мы наблюдаем в выпуклом зеркале.

Но самые странные особенности домашних животных проявляются ночью, когда мир погружен во мрак. Природа создала большинство животных так, что они одинаково хорошо чувствуют себя в темноте, как и при свете. Культура давно уничто-

жила эту способность в человеке, но она все еще сохранилась у некоторых домашних животных. Зрачки их могут расширяться значительно больше, чем наши зрачки, и это позволяет им поглощать и хорошо пользоваться лучами света, такими слабыми, что они не производят никакого впечатления на сетчатку оболочку человека.

Возьмите собаку или кошку в комнату, в которой, по нашим глазам, «ни зги не видеть», и животное спокойно пройдет по комнате, ничего не задевая. Конечно, отчасти это объясняется чувством осязания. Для собаки рулем будет кончик носа, а для кошки — усики. Но если собака слепая или ей завязать глаза, она дорогу в темноте найдет, зато прыгнуть на стул не сможет, как это легко делает в темноте зрячая собака. Это доказывает, что в полнейшем мраке животные так же беспомощны, как и мы, но что они могут видеть в темноте просто потому, что и в самой темной ночи есть некоторая доля света, которой они умеют лучше пользоваться, чем мы.

При неожиданном переходе от темноты к свету, животные так же, как и люди, должны некоторое время приучать свои зрачки к новым условиям.

В ветеринарной школе в Лондоне есть крытый трэк для упражнении лошадей. Трэк кончается у скрещивания двух стен, и это очень мрачный угол даже в ясные дни. Лошади, попадавшие со двора в солнечный день на трэк, не могли сразу определить, когда достигали конца его. Пришлось этот угол выстлать мягким, чтобы лошади не разбивались. Конечно, короткое время спустя, лошади привыкали к темноте, зрачки их приспособлялись, и они уже поворачивали во-время.

Существует интересная теория, что глаза животных чувствительны к ультра-фиолетовым лучам спектра, невидимым для нас. Лучи эти только недавно открыты людьми. Возможно ли, что лучи эти ясно видны животным, как ушам их доступны звуки, слишком высокие, чтобы их мог слышать человек? Если это так, то мы далеко можем зайти, объясняя, как и почему собака чувствует опасность и почему рассказывают случаи, когда домашнее животное видело иной раз то, что было скрыто от человеческих глаз.

От леса до шелковой нитки

Очерк Р. Р.

**МОНОПОЛИЯ ШЕЛКОВИЧНОГО ЧЕРВЯ ПРЕКРАТИ-
ЛАСЬ.—ХИМИЯ РАЗГАДАЛА ЕЩЕ ОДНУ ЗАГАДКУ
ПРИРОДЫ.—ИСКУССТВЕННЫЙ ШЕЛК ПРЕВЗОШЕЛ ЖИВОТНЫЙ.**

Больше четырех тысяч лет маленький шелковичный червь умеет производить нечто такое, чему человек, при всей его мудрости и изобретательности, не мог подражать. Человек не может делать шелка. Но в своих попытках достичь этого искусства гений и техника человека создали нитку не менее прекрасную, полезную, чем та, которую тклет шелковичный червь, и похожую на нее.

Искусственный шелк — результат шестидесяти лет упорных исследований, опытов и изобретений химиков, старавшихся сделать шелковое волокно без помощи червя. Насколько проще казалось создать его химически, чем ждать медлительного процесса природы.

Попытки обойтись в шелковом производстве без шелковичного червя начались во Франции. Французские изобретатели заметили, что шелковичный червь питается целлюлозой в тутовых и дубовых листьях. Целлюлоза образует клетки, которые содержат протоплазму или живое вещество всех растений. Размер этих клеток бывает различный, но все они бесконечно малы.

Изобретались процессы для превращения целлюлозы в нитку, но неудовлетворительно это было сделано только недавно. Результат — был сюрпризом. Получился вовсе не шелк. Это была красивая, блестящая нитка, похожая на шелк, обладающая многими его свойствами. Но по составу своему она так же отличалась от шелка, как шелк от полотна.

Искусственный шелк — растительный продукт, тогда как шелк настоящий — продукт животный.

Шелковичный червь не спеша гложет свои тутовые или дубовые листья, переваривает их и собирает запас целлюлозы в шелковичные железы, пока не настанет пора его зрелости. Когда же червь созрел, чтобы ткать свой кокон, он выпускает эти запасы в виде ниток.

В железах червя целлюлоза находится в виде клейкой жидкости. При соприкосновении с воздухом жидкость эта немедленно затвердевает. Две шелковичные железы помещаются по обе стороны туловища червя. Когда в период зрелости железы эти наполняются, червь выпускает жидкость одновременно из обеих желез. Обе струи затвердевают на воздухе, и шелковичный червь тклет из них кокон ритмическим, легким движением головы.

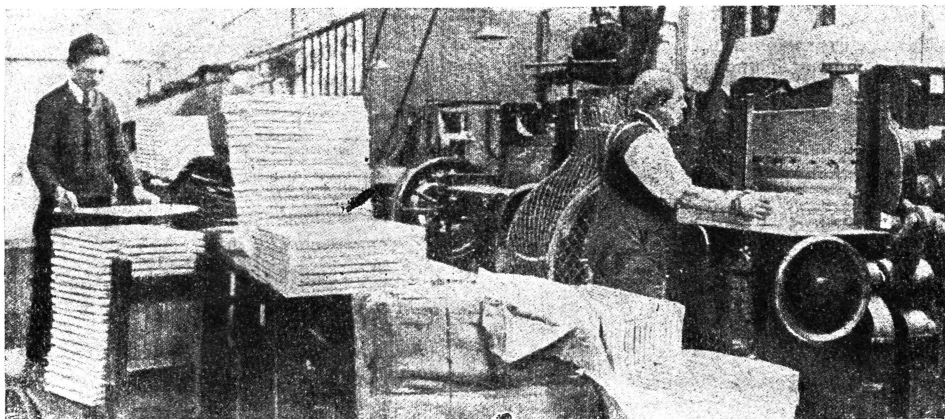
Человек проходит через гораздо более сложный процесс со своим гигантским механическим шелковичным червем. Он добывает целлюлозу не из нежных тутовых листьев, а из древесины стволов. Теперь главным образом пользуются сосной и хлопчатником.

Древесину сначала варят с химическими примесями, чтобы удалить смолу и посторонние вещества. Потом химические составы смываются и целлюлоза выбеливается.

Теперь — это масса, состоящая из тонких, коротких волокон, которые пропускаются через ряд барабанов. Таким способом отжимается вода и волокна спрессовываются в листы, похожие толщиной и консистенцией на промокательную бумагу. Вся процедура приготовления этих листов похожа на ту, которая применяется при выделывании бумаги и далеко уходит от путей шелковичного червя.

Большие листы затем разрезаются на квадраты по двенадцати дюймов и замачиваются на двадцать два часа в растворе каустической соды. Затем гидравлическими прессами выжимается излишняя влага и вращающиеся ножи размалывают листы на мелкие частицы.

Но это еще не все. Полученная масса должна простоять в сосудах около двух суток при ровной температуре. Потом она помещается в вращающийся аппарат типа масляной вместе с двусернистым углеродом и медленно вращается несколько

Первый процесс при изготовлении искусственного шелка. Листы из древесины скандинавских лесов, приготовленные для вымачивания.

часов. Под конец этой операции масса является пластичным веществом светло-оранжевого цвета и легко растворяется в воде.

Затем, смешанное со слабым раствором каустической соды, вещество снова подвергается сбиванию. Оно помещается в машину с быстро вращающимися лезвиями, которые перемешивают его и превращают в однообразную массу, густую жидкость, называемую *вискозой*. Теперь эта масса похожа по цвету и содержанию на патоку и напоминает слегка содержимое железного червя.

Этот раствор выдерживается при ровной температуре в огромных кадках. Прежде, чем покинуть подвал, где раствор хранится, он фильтруется, чтобы удалить грязь или посторонние вещества.

Особого искусства требовало превращение этой клейкой массы в нити, из которых можно было бы соткать материю.

Вискоза, в противоположность содержанию железного червя, не затвердевает при соприкосновении с воздухом. Чтобы произвести это окончательное превращение, потребовались еще некоторые химические препараты.

Вискозу пропускают через лист, имеющий крошечные дырочки, в кислотную ванну. Вискоза брызжет через лист, как вода через душ с очень маленькими дырочками. Эти тонкие струи затвердевают в нити, проходя через кислоты, так же точно, как целлулоза шелкового червя затвердевает, приходя в соприкосновение с воздухом.

Ниточки соединяются вместе, и из них ткется нитка. Нитка сворачивается в мотки, моется и сушится.

Это и есть искусственный шелк — блестящая нитка, похожая на шелк, но совершенно другого происхождения.

В настоящее время среди тканей употребление искусственного шелка стоит на третьем месте. Оно превзойдено только бумагой и шерстью.

Искусственный шелк дешевле настоящего не потому, что ткань худшего качества, но

потому, что до тех пор, пока существует растительная жизнь, всегда будет сколько угодно сырого материала или целлулозы. Климат, болезни, мор не могут иметь значения для искусственного шелка, как все эти факторы отражаются на бумаге, шерсти и шелке.

До 1912 г. искусственный шелк производился главным образом во Франции и Германии. Это было не такое крепкое и красивое волокно, как теперь. Употребляли его для шнуров, всяких отделок и для ниток для вышивания. Теперь же почти нет материи, которая не содержала бы искусственного шелка.

В былые времена шелковые вещи были роскошью, позволить себе которую могли только люди состоятельные. У искусственного шелка тот же прекрасный блеск, только материал этот прочнее и значительно дешевле.

Мы привыкли называть блестящие материи шелковыми и продолжаем так называть, например, чулки, хотя они большею частью делаются теперь из искусственного шелка.

Искусственный шелк примешивается и к бумажным и шерстяным товарам. Его ниточки поблескивают и в галстуках, и в шарфах, и в свитерах. Часто он употребляется для придания блеска шерстяной или бумажной материи, или же он образует шелковистый узор. Чтобы удешевить настоящий шелк, к нему прибавляют теперь искусственный. В особенности это применяется при выделке *кран-де-шина*.

Искусственный шелк примешивается к плюшу, бархатам, к имитации меха и придает этим материалам такой же блеск, как и шелк, но значительно удешевляет их.

Искусственный шелк даже вплетается в ковры и, как ни странно, но некоторые сорта перчаток и соломенных шляп тоже делаются из этого нового волокна.

Конечно, искусственные цветы и ленты давно уже делаются из искусственного шелка.

Самым большим затруднением было найти химическую формулу для целлюлозы, чтобы сделать ее стойкой при соприкосновении с водой. Первый продукт механического шелкопряда развалился на куски, когда его попробовали мыть. Но искусственный шелк, выделяемый теперь, вынесет все, что выносят другие ткани.

Конечно, при мытье искусственного шелка с ним нужно обращаться осторожнее, чем с какой-нибудь бумажной тканью. Его не следует тереть, выжимать и вешать мокрым. Лучше всего сушить его, расправив на какой-нибудь гладкой поверхности, чтобы не вытянуть ткани и не ослабить волокна.

Предметы одежды, сделанные из искусственного шелка, можно кипятить, и они хорошо крахмалятся. Искусственный шелк не желтеет и не теряет блеска от мытья или от носки. Он моется или чистится, как настоящий шелк.

Надо отдать справедливость этой ткани, что по прочности, красоте и дешевизне

она почти превосходит теперь все остальные ткани.

Механический шелкопрядный червь уничижил еще одну привилегию богатых и дал трудящемуся красивую и дешевую одежду. Насколько дешевле, можно судить хотя бы по одному маленькому примеру: в Германии кофту из искусственного шелка можно купить за 2½ марки, т. е. за 1 р. 25 к.

Конечно, шелковая одежда и белье не составляют насущной необходимости. И без них можно отлично обойтись. Но важна новая победа испытующего человеческого ума и гениальной техники. Нет сомнения, что начавшаяся у нас и идущая такими большими шагами индустриализация страны создаст в СССР искусственные шелковые ткани в дополнение к хлопчатобумажным. У нас такое изобилие леса, что не может быть недостатка в целлюлозе. И хлопка нам не придется докупать у соседей. Да и теперь уже у нас шелковые шарфы механического червя стали обычным явлением, особенно у рабочей молодежи.

1. Добытая из дерева и похожая на патоку вискоза, из которой вытянутся шелковые нити. 2. Испытание крепости искусственной шелковой нитки. 3. Мотки искусственных шелковых нитей, готовые для выделки чулок и тканей.

Редактирует ЗАГАДАЙ-КА

КОНКУРС НА ПРЕМИИ № 11.

Надо решить три помещенных здесь задачи №№ 40, 41 и 42. Качество решений оценивается очками, согласно указаний в заголовках самих задач. Еще полочка дополнительно может быть прибавлено за тщательность и аккуратность в выполнении решений, при соблюдении, конечно, всех требуемых условий. Те участники конкурса, которые соберут в сумме наибольшее число очков, премируются следующими 10 премиями (при равенстве очков вопрос решается жребием):

1-я премия. Собрание сочинений Вересаева в переплетах.

2-я премия. Сочинения Э. Ростана в переплетах.

3-я и 4-я премии. „Гений и творчество“ — проф. С. О. Грузенберга — Основы теории и психологии творчества.

5—10-я премии. Любые издания П. П. Сойкина на сумму до 2-х рублей.

Все решения по конкурсу должны быть изложены на отдельном листе, сверху коего должны быть указаны фамилия, адрес и № подписного билета (или взамен того наклеен адрес с бандероли, под которой получается журнал). На конверте нужно делать надпись „В отдел задач“.

Срок присылки решений — 4 недели со дня отправки настоящего № журнала из Ленинграда.

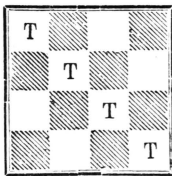
Обстрел шах-доски турами.

Задача № 40 — до 4 очков.

На части шахматной доски из 4×4 клеток надо расставить четыре туры так, чтобы они поражали бы все взятое поле. Но при этом ни одна тура не должна находиться под ударом со стороны других фигур.

Требуется: 1) найти все возможные решения; 2) выделить в числе решений о сновные, необратимые в другие путем последовательного поворачивания доски на четверть круга и выворачивания доски „на-изнанку“ (или отражения в зеркале); 3) указать какой-нибудь метод решения задачи, убеждающий о количестве всех решений.

Примечание. Тура (ладья) передвигается по доске на любое число клеток в направлении исключительно прямых рядов (как горизонтальных, так и вертикальных).

Одно из решений.

Так ли это?

Задача № 41 — до 3 очков.

... „Очутившись среди необозримых льдов, пере-
межавшихся кое-где полыньями, я прежде всего хотел

утолить жажду. Взяв в рот кусочек льда... брр... так солоно и кисло, что жажда только усилилась. Стал карабкаться на айсберг, на уступ которого меня забросила судьба. Однако из-за крутизны и скользкости склона за целый час я сумел подняться не более, как на 10 метров. А до вершины было еще в 3—4 раза выше. Тогда я решил произвестить восхождение с обратного склона и, нырнув под айсберг, благополучно вынырнул с другой стороны“...

Все ли правдоподобно описано в этой выдержке из дневника? Какая и в чем неувязка?

Солнце на полюсе.

Задача № 42 — до 3 очков.

Всем известно, что в полярных странах не бывает суточной смены дня и ночи, а есть полугодовой день и полугодовая ночь. Опишите точнее, как представляется для наблюдателя, расположенного на северном полюсе, смена ночи днем и дня ночью? Изобразив на бумаге круг, — видимый горизонт для этого наблюдателя, — обозначьте на такой схеме, откуда и когда показывается солнце, как движется оно в первые 5—6 дней после появления на горизонте первого солнечного луча, как ходит потом и когда и где именно наступает для солнца переломный момент — вторая половина полярного дня. На другой такой же схеме покажите смену дня ночью.

КОНКУРС № 9.

Редакция вынуждена принести извинения тем подписчикам, которые прислали свои решения на этот конкурс до середины февраля с. г.: решения затерялись по вине редактирующего отдела задач.

Розыгрыш конкурса откладывается на срок в течение трех недель после отправки этого номера из Ленинграда, — с тем, чтобы все желающие вновь прислали решения. Редакция располагает сейчас решениями только от следующих подписчиков: №№ 471, 2992, 4128, 1064, 9104 и квит. 000512.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Рукописи, присылаемые в Редакцию, должны быть написаны четко, набело, чернилами, а не карандашом (а еще лучше—напечатаны на машинке), подписаны автором и снабжены его точным адресом. Переводчики должны прилагать иностранный оригинал. В случае необходимости, рукописи подлежат сокращениям и исправлениям. Рукописи, присылаемые без обозначения условий, оплачиваются по норме Редакции. Письменные ответы для Редакции не обязательны. На возврат рукописей необходимо прилагать марки. Непринятые рукописи хранятся 3 месяца и потом уничтожаются. Личный прием в Редакции по понедельникам от 2—5 ч. дня.

НЕ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ РАССКАЗЫ:

„Добоский маяк“.—„Дебют Черного Круга“.—„Месть шамана“.—„Колумбы бездны“.—„Мечтатель“.—„Конец мира“.—„Пешка“.—„Две ночи“.—„Маленький человечек“.—„Индейка“.—„Обвал“.—„Волы“.—„Суббота“.—„Утки“.—„Холера“.—„Редкий поединок“.—„Джентльмен из Чикаго“.—„Месть профессора Кальберта“.—„Ревизор“.—„Под землей“.—„Неожиданная встреча“.—„Пятна“.—„Две чести“.—„Кровь“.—„Тигр-поросенок“.—„Поединок“.—„Дорогая игрушка“.—„Четыре туза“.—„Никишино зимовье“.—„В горах“.—„Пуля-обманщица“.—„От фантазии к жизни или наоборот“.—„Все случаи“.—„Цветок мастера Хеопса“.—„Волк-мститель“.—„Феофано и Анемас“.—„Изобретатель“.—„Шторы“.—„Амурский хищник“.—„Поэтический припадок“.—„Сдвигавшиеся скалы“.—„Последнее дело“.—„Басмачи“.—„Выстрел“.—„Все к лучшему“.—„Таити“.—„Еще одно событие...“.—„60 рублей“.—„Мелвежий праздник“.—„Пограничные фрукты“.—„Спиртовой конвейер“.—„Урок радиотелеграфии“.—„Предки китайчика Ти-Фан-Тай“.—„Жемчужина Миманото“.—„Таинственный гость“.—„В зимнюю ночь“.—„Таблетки мадам Пик-Пок“.

Ф. К. (Москва).—Вы спрашиваете, почему мы не взяли из журнала „Strand“ роман, который Вам понравился и который редакция этого английского ежемесячника так расхваливала. Вкусы — различные, и взгляд на литературный материал у русского редактора один, а у английского — другой. Вот в мартовском номере Strand'a дважды, с особым выделением и настойчивостью рекламируется „День с Чарли Чаплиным“ американского писателя К. Беркоича, который редакция напечатает в апреле. Этот же самый очерк мы поместили уже в январской книжке „Мира Приключений“, считая его любопытным, но не придавая ему большой ценности: он напечатан в заключение номера, на самых последних страницах его. Может быть по этому маленькому примеру Вы поймете идеологическую разницу во взглядах русского ежемесячника и английского.

В. А. Б. (Москва).—Вы пишете, что до 17 лет прожили на Кавказе. Нам понятно поэтому, что у Вас могло сохраниться горское произношение и Вы говорите и вместо ы. Но русской, и студентке притом, нужно хотя бы на письмо научиться правильному употреблению букв. Иначе звучит юмористически; ужас сковывает душу... „тело, готовое к прижку“... „я спрингваю вниз“... и т. д. „В горах“—не беллетристическое произведение, а случай из хроники, который мог печально окончиться для молодого автора.

В. З. (с. Таштым).—Вы не рассчитываете на помещение рассказа обычным порядком и надеетесь только на случай, что у нас, быть может, нет вообще ни одного рассказа и мы воспользуемся Вашим потому, что „на безрыбьи и рак—рыба“. Конечно, Вы ошибаетесь. В портфеле Редакции много хороших произведений, и недостатка в литературном материале мы никогда не ощущаем. Поэтому ни Вам, ни другим авторам не следует ставить себя на такое положение. Вы пишете еще, что Вас нигде не печатают, потому что у Вас тяжел слог. Мотив неправильный. Ваш стиль далеко безупречен, но у Вас есть несомненные литературные проблемы, и рассказ „Последнее дело“ мы не берем главным образом по причине идеологической. Все Ваше повествование посвящено исключительно жутким картинам деятельности бандита и не освещено надлежащим образом.

С. В. Т. (Киев).—В рассказе „Пятна“ психология правильная. Работали Вы вдумчиво, но нет яркости и силы в изложении. Ведь, даже если Вы на словах передаете знакомым какое-нибудь происшествие, и то нужно уметь выделить его характерные стороны, самыми оборотами речи подчеркнуть сильные места.

Автору рассказа „Кровь“.—Тема не плохая, но—странно, что Вы совсем не чувствуете Дагестана, на фоне которого развивается действие. У нас был как-то помещен рассказ, менее литературный, чем Ваш, но он горел своим ярким колоритом. Это было его главное и подкупающее достоинство. Попробуйте поработать и пришлите еще что-нибудь.

С. В. И. (Самара).—„Дорогая игрушка“ написана довольно гладко, есть проблески литературности. Ошибка автора в том, что он взял иностранную жизнь, о которой знает понаслышке и из прочитанных романов. В результате—длиннота, бледность. Чтобы рассказ удался, нужно выносить его в себе, почувствовать его родным ребенком, а не случайным гостем.

Северине...—Ваш рассказ „Изобретатель“—отвратительная и даже не умная порнография. Если бы не адрес, трудно было бы верить, что автор—женщина.

БАЛЕТМЕЙСТЕР МАРИУС ПЕТИПА.

Очерк из истории русского балета М. А. Яковлева.

...„Искусство танца заложено в человеке самой природой, и прав Кахюзак, который в своей „Истории танца“ говорит, что „в натуре человека лежат все движения, из которых танец состоит“.

ЦЕНА 60 КОП., С ПЕРЕС. 75 КОП.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

**ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО**

**ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.
С ДОСТ. И ПЕРЕС.**

**ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П.П.СОЙКИН»**

**ЖУРНАЛ «МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ» ЗА ПРЕЖНИЕ ГОДЫ ДО 1924 Г. РАСПРОДАН
ИМЕЮТСЯ КОМПЛЕКТЫ ЖУРНАЛА:**

За 1924 г. (вышло 3 номера. №№ 1—3)	Цена 2 р.	} в переплете 6 р.
„ 1925 „ („ 6 „ „ 1—6) „ 3 „		
„ 1926 „ („ 9 „ „ 1—9) „ 5 „		
„ 1927 „ („ 12 „ „ 1—12) „ 6 „		
„ 1928 „ („ 12 „ „ 1—12) „ 6 „		
На 1929 г. подписка продолжается. Цена в год 5 р. с пересылкой.		

№ 1-й за 1924 год. Содержание: ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ. ВОЙНА ЗЕМЛИ С МАРСОМ В 2423 ГОДУ. фантастический роман Н. Мухомова, с рис. худ. Мизернюка. — 25-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ШЕРЛОКА ХОЛМСА, юмористический рассказ В. С., с рис. худ. Владимирова. — ТЕНЬ НАД ПАРЖЕМ, С. А. Тимошенко, с рис. Н. С. — ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О ЗЕМЛЯНИКЕ, БЕТХОВЕНЕ И БОА-КОНСТРИКТОРЕ, рассказ Н. Долина, с рис. худ. С. Конского. — КОНКУРС МИСТЕРА ГОПКИНСА, рассказ Л. Арабескова.

№ 2-й за 1924 год. Содержание: ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ. ПЛЕННИКИ МАРСА, фантастический роман Н. Мухомова, с рис. худ. Мизернюка. — БУДДЫ МА-СЕЙН, рассказ Френсис Ноульс-Фостер, с рис. С. Пишо. — БЕГСТВО АНРИ РОШФОРА, исторический рассказ М. К. Губера, с рис. Мишо. — СЛУЧАЙ В ГИ-НЕМАТОГРАФЕ, рассказ А. П. Горш., с рис. — РУКА МУММИ, рассказ Петра Аландского, с рис. М. М.

№ 3-й за 1924 год. Содержание: ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ. ТОТ, В ЧЬИХ РУКАХ СУДЬБЫ МИРОВ, фантастич. роман Н. Мухомова, с рис. Мизернюка. — ЕЖОВАЯ ЛАПКА МАРБУТА, рассказ П. Хитченса, с иллюстрациями П. Василенко. — ОХОТНИКИ ЗА ГОЛОВАМИ, рассказ Роберта Леммона, с рис. А. Михайлова. — СУНДУК С ПРУЖИНОЙ, американский рассказ Марка Троекурова, иллюстр. Н. Кочергина.

№ 1-й за 1925 год. Содержание: ЧЕРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА, рассказ Д. Коллинза. — БИТТ-ВОЙ, ПРИНОСИЩИЙ СЧАСТЬЕ, рассказ А. С. Грина. — РАМЗЕС XVII, рассказ Отто Рунг. Со шведск. Иллюстр. Мишо. — ОШЫТ, рассказ В. Богословского. — СКВОЗЬ ОГНЕННЫЙ БАРЬЕР, рассказ Джорджа Глендона. — ОСТРОВ СИРЕН, рассказ М. Каргановой. — ПРИКЛЮЧЕНИЕ МИСТЕРА ФИПКИНСА, рассказ Коуте. — СРИБЕИ. Иллюстр. М. Я. Мизернюка. — ЖИЗНЬ ИЛИ СМЕРТЬ, восточная сказка В. Розеншильда-Паулина. — ОТРАЖЕННЫЙ СВЕТ, рассказ Вас. Левашева. — ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЧЕСТЬ. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ.

№ 2-й за 1925 год. Содержание: ТАК ПОГИБЛА КУЛЬТУРА, фантастич. рассказ П. А. Рымкевича. — НА МАЙКЕ, рассказ Б. Г. Островского. — ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОН. — I. ТАЙНА ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ, рассказ К. Фезандие. — СЫН МИСТЕРА САМУЭЛЯ БРАУНА, рассказ Джекобса. Иллюстр. Мишо. — ЧЕЛОВЕК НА МЕТЕОРЕ, повесть Рэй Кеммингса. С рис. — НЕМОЖНО ЗДРАВОВО СМЫСЛА, рассказ Э. П. Ветлера. Иллюстр. М. Я. Мизернюка. — БЕЗГРАНИЧНОЕ ВИДЕНИЕ, рассказ Чарльза Уин. — КАК БРОСИТЬ КУРИТЬ, психологическая юмореска на злобу дня Г. Лазаревского. — НОВОБРАЩЕННЫЙ, юмористический рассказ В. Джекобса. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ.

№ 3-й за 1925 год. Содержание: КРОВАВЫЙ КОРАЛЛ ПРОФ. ОЛЬДЕНА, рассказ П. Аландского. — НА ФРАНЦУЗСКОЙ КАТОРЖЕ В ГВИАНЕ, рассказ Луи Мердиэ. — I. ПРОКАЖЕННЫЙ. II. КОЛОКОЛЬНЫЙ СИГНАЛ ДЛЯ АКУЛ. — ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОН. — II. МАШИНА СНОВИДИЙ, рассказ К. Фезандие. — КОДЕСНО, фантастич. рассказ А. Удьянского. С иллюстр. — ЗАДАЧА № 1. ЛАБИРИНТ, сост. П. В. Мелещенко. — ПОРТРЕТ, рассказ Н. Иванова. — НАД БЕЗДНОЙ, рассказ В. Г. Левашева. — ПИРАНИИ. — рассказ В. Вильямса. — ЕГО ТАЙНА, рассказ Сигурда, со шведского. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ. ИСКУССТВЕННЫЕ КЛЕТКИ, статья акад. проф. В. Л. Омельянского.

№ 4-й за 1925 год. Содержание: ГОЛУБЫЕ ЛУЧИ, рассказ Н. Квинтова, иллюстр. А. Порет. — НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ! Задача № 3 и 4. — ПРИЛИВ, рассказ Ф. Пирса. — 4, 4, 4, рассказ Н. Москвина и В. Фефера. — НОВЫЕ ВИДЫ СПОРТА, с иллюстр. — ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОН. — III. ТАЙНА РОСТА, рассказ К. Фезандие. — В ДОМЕ КРИВОГО ФЕРМЕРА, рассказ А. Гербертсон. Иллюстр. М. Михайлова. — ПАТОРЕН И КОЛЛИНЗ (Эксплуататор солнца) рассказ В. Никонова. — ПРАВДА ИЛИ НЕПРАВДА, восточная сказка В. Розеншильда-Паулина. — НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ! Задача № 5. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ. Окровенная наука и чудеса техники: МИР ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ И МИР ВИДИМЫЙ, статья проф. Н. А. Морозова (Штатсесльбуржца).

№ 5-й за 1925 год. Содержание: ЧОРТОВА ДОЛИНА, рассказ В. Д. Никольского. — НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ! Задача № 6. — НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ, рассказ Н. А. Ловцова. — ЗА СОВОЛОМ. — ЧЕТЫРЕ ГОЛОВЫ. — ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОН. — IV. ТАЙНА СИРЕН. — МАЙК, рассказ М. Комарова. С рис. — ВЛАСТЬ ПРИВЫЧКИ, рассказ Джекобса. — ШУТКА, новелла Гуго Крикковскаго. — ДРАГОЦЕННОСТИ, очерк О. С. — СЕАНС ЧТЕНИЯ МЫСЛЕЙ. — ВОРОВСКОЙ ОБХОД, рассказ Гаральда Стивенса. — ПОИС, рассказ Рихарда Кноффа, со шведского. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ. Окровенная наука и чудеса техники: О РАДИИ И ОБ ЕГО РУКАХ, статья проф. М. В. Новозуевского (Штатсесльбуржца).

№ 6-й за 1925 год. Содержание: АТЛАНТИДА, научная фантазия Р. Девины. Введение проф. Г. Генкеля. Иллюстр. М. Мизернюка. — ЛОВЕЦ ЖЕМЧУГА, рассказ К. К. Серебрякова. — ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОН. — V. ТАЙНА ВЫМЕРШЕГО МИКРОБА, рассказ К. Фезандие. — ОТЧАЯННЫЙ КАПИТАН, рассказ В. Розеншильда-Паулина. — ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОГО КОРОЛЯ, очерк В. Шегорской. — СО ДНА, рассказ Оскара Глута. — ПОСЛЕ АВАРИИ, рассказ Георга Габеленц. — В МАСЛЕНИЧНОМ УГАРЕ, рассказ Гергарта Гауптмана. — ПЕРЧАТКИ УИЛЬЯМА ФИРКИНСА, рассказ В. Фефера и Н. Москвина. — ПРИКЛЮЧЕНИЯ В СКАЛИСТОМ УЩЕЛЬЕ, рассказ Евг. Шведера. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ.